

София Нисоева

ТРАКТ

Чёрной Вдовы

— Вы зашли слишком далеко, леди Арманд, — Кенан откинулся в кресле с таким видом, будто у него полно оснований для моего ареста. — Не понимаю, о чём вы, ваша светлость, — я точно знала, что у него ничего на меня нет. — Контрабанда, пособничество в побеге, грабежи... Мне продолжать? Что делать бывшему криминалисту в мире, где царит жёсткий патриархат? От неё бегут, как от прокаженной, её дом проклят, питомец — неизвестное демоническое существо, а её саму считают убийцей мужей. Денег нет, друзей тоже, а за любое проявление магии и вовсе казнят. А что, если воплотить в жизнь не совсем легальную идею? Да, она давала когда-то присягу, но ведь не здесь... Знала бы Аделаида тогда, что она станет королевой преступного мира.

Я сидела в несуразном деревянном кресле, от которого болело даже то, что болеть неспособно. Вокруг сновали люди в странной одежде, выполняя приказы самого раздражительного из них — типа с черными глазами. Этого высокого мужчину, казалось, боялись даже мыши в углу громадной, пыльной, полностью пронизанной сквозняками комнате.

Повсюду, куда дотягивался взгляд, висели картины, на тумбочках стояли какие-то древние, абсолютно безвкусные украшения от ваз до тарелок. Причем, какой-то интерьерной задумки, как в музеях, не наблюдалось. Скорее склад фанатика-коллекционера. И эти свечи... повсюду было десятки свеч, пахнущие чем-то жирным и мёдом.

На одной свече я сосредоточила все свое внимание, напрочь отказываясь вовлекаться в суть происходящего. Свеча стояла совсем близко к окну, скрытому за тяжелыми бархатными шторами. Огонь лениво пытался поймать в свою ловушку свисающую паутину, которая упорно и даже весело избегала своей незавидной доли...

— Мы не можем её здесь оставить, — черноглазый снял перчатку, не обращая на меня внимания, хотя речь шла о моей скромной персоне, — она не вступила в права наследования. Необходимо вернуть её отцу.

Вернуть её отцу. Что за бред? Мой папа умер в автокатастрофе пятнадцать лет назад. Отчима три года назад забрала болезнь. Мне самой уже слегка за тридцать. Здесь скорее нужна полиция и помощь фельдшеров, а не этот ряженный бал-маскарад.

— Ваша светлость, — почти по стойке смирно вытянулся пузатый мужчина, одетый в совсем уж комедийные бриджи с завязочками над коленками, — констебли провели расследование. Как герцог, вы можете вынести приговор уже сейчас

— Герцог, — я нервно хмыкнула, — вы серьезно?

Неужели так кого-то ещё называют? Это, вроде, местного «крестного отца»? И какое они там расследование провели? Пару часов походили вокруг тела мертвого старикана, почмокали сальными губами, покачали головами, а сейчас вот стоят и сверлят «его светлость» подобострастными взглядами.

«Пузанчик» бросил на меня быстрый взгляд, припудренный ноткой благородного отвращения:

— Не обращайтесь на неё внимания, ваша светлость, прошу вас. — Он слегка понизил голос, не на столько, чтобы до меня не долетала его мерзкая гнусавость, когда он тянет букву «о», — вы же знаете историю графини Арманд. Отец уже все надежды потерял устроить будущее девушки и найти выгодную партию. Даже принял предложения достопочтенного барона.

Достопочтенный барон — видимо тот самый старик, который лежит в соседней комнате, безжизненно глядя в потолок. По моей вине. Случайно.

— Вы говорили с графиней Арманд? — Тот, кого называли «светлостью», тоже бросил на меня беглый взгляд, только в отличие от «пузанчика», в нём ничего не читалось.

— Свидетели говорят, что она набросилась на достопочтенного барона внезапно.

Чего-чего? Да не так всё было! И со мной вовсе никто не говорил.

— У неё не было никакого мотива?

— Вы же знаете, что молвит народ, ваша светлость.

— Чушь, — выплюнула я.

— Как она себя чувствует?

— Лекарь её ещё не осматривал.

— Говорите со мной, — оупение проходило.

В этот вечер я была все рекорды по разнообразию эмоций: от полного шока до неконтролируемой ярости, а ведь вечер начинался так внезапно.

Черноглазый, наконец, уделил мне несколько больше мгновений своего «светлейшего» внимания.

— Сэр Валлес уже обо всем доложил мне, — он кивнул подбородком на вспотевшую лысину «пузанчика». — Мы не смеем тревожить ваш покой в таком состоянии.

— В каком таком состоянии? Ваш сэр Валлес со мной ни о чём не говорил. Вы понятия не имеете, что здесь произошло на самом деле, а уже сделали выводы на основании слов каких-то клоунов!

Те, кого я назвала клоунами, недоуменно переглянулись.

— Клоунов, леди Арманд? — «Герцог», чьего имени я не знала, тоже странно на меня посмотрел.

В течение последних адских часов все присутствующие здесь, говоря о леди Арманд, явно имели в виду меня, вот только услышать это странное обращение напрямую к своей пострадавшей персоне было не по себе. Я ведь не Арманд, моя фамилия Закревская...

— Как ещё назвать тех, кто не удосужился даже спросить у меня напрямую что произошло на самом деле?! — Кажется, у меня начиналась лёгкая истерика. Опять.

— Вы знаете, что произошло, сэр Валлес? — «Пузанчик» уже обтирал платочком, источавшим сладковатый аромат, свою лысую макушку, окруженную жидкими волосенками, собранными в мышинный хвостик. Здесь у всех были длинные волосы, кроме того черноглазого. В отличие от остальных, у него короткая стрижка, небрежная щетина, смуглая кожа и вообще выглядел он каким-то иностранцем, что ли.

— Как я уже сказал, ваша све...

— Смотрите на меня, когда говорите со мной! — Бессильная ярость вытолкнула меня из кресла, и я подлетела почти вплотную к «его светлости». — Каждый раз, когда задаете вопрос, смотрите на меня. Это как минимум вежливо. Раз уж вы собрались выяснить все подробности и даже приговор вынести, то будьте так добры и спрашивайте напрямую у меня. Больше здесь никого не было.

«Герцог» чуть приподнял бровь, что можно было расценить как удивление.

— Как вы смеее так говорить с его светлостью! — «Пузанчик» покрылся красными пятнами праведного гнева.

— А как вы смееете игнорировать моё присутствие, обвинять в безосновательном убийстве человека и решать мою дальнейшую судьбу? Да кем вы здесь себя возомнили? У вас нет на это никакого права!

В комнате стало настолько тихо, что даже мне, абсолютно непонимающей до конца, что здесь происходит, стало предельно ясно — у того черноглазого, арабского «его светлости» по какой-то причине право как раз-таки было. Неужели попалась какой-то мафии?

Да. Точно. Мафия в камзолах с мечами наперевес.

— Что ж, леди Арманд, — герцог не спеша обошёл меня и уселся в кресло, в котором до недавнего времени я пыталась мимикрировать под пыльную обстановку с бордовыми шторами, — расскажите нам: кто убил барона Тюренн?

Теперь хоть имя мерзкого старикашки узнала.

— Я.

— Так в чём же ошиблись констебли Его Величества?

— Они сказали, что у меня не было мотива, — процедила сквозь зубы, — а те двое, — кивнула парочке, застывшей у противоположного входа, — даже не смогли выяснить, от чего скончался ваш дражайший достопочтенный барон.

Бароны, герцоги, сэры — может, зря я втянулась в этот театр абсурда?

— И каким мотивом вы можете оправдать убийство? — По-моему, он даже улыбался, как мартышке на цирковой арене.

— Этот мерзкий старикашка пытался меня изнасиловать, — выплюнула ему.

— Да как вы смеете! — Взвился «пузанчик», — вы бросаете вздорные обвинения в адрес достопочтенного человека! Вы посмели умертвить его, а теперь своим сквернословием мараете его честь и достоинство! Вы являлись его законной супругой, и барон Тюренн имел все основания консумировать ваш брак! Невоспитанная девица, обсуждать такое в обществе сэров и его светлости.

— Да кем бы он ни был — никто не имеет право делать что-то против моей воли. Никто не смеет поднимать на меня руку, угрожать и пытаться связать.

— Это святой долг любой жены! Смирено приносить потомство! Он был в своем праве!

— Смирено? Потомство?! Что, чёрт возьми, вы несёте? Я не свиноматка вынашивать потомство или что-либо против своей воли! Да до того момента, как мне удалось оттолкнуть его, он несколько раз ударил меня! И да, я имела право защищать свою честь.

— Теперь я вижу, что у него были на то основания, — «пузанчик» с вызовом на меня посмотрел.

— Здесь нет никакого мотива с вашей стороны, леди Арманд. — Настроение «герцога» было всё таким же скучающим, что откровенно раздражало, — Он богат, у него свои требования, а у Вас — обязательства. К тому же, он дорого заплатил за Вашу... честь.

Нормально так по мне проехались.

— А сколько стоит ваша? — Меня уже не трясло. Ни от страха, ни от гнева.

Черноглазый, казалось, удивился от моего выпада. И только сейчас, наконец, по-настоящему посмотрел на меня: на мой кровоподтек на левой скуле, на шею в синяках, на исцарапанные руки и засохший ручеек крови от лопнувшей губы.

Он чуть нахмурился, мелком взглянув на логотип «Hello Kitty», который так выбивался из общего антуража.

— Расскажите, что произошло, с самого начала, леди Арманд.

— Я не... — Что-то в его голосе чуть было не заставило меня ляпнуть самое главное — я не леди Арманд, а Ада Закревская. Но тут же захлопнула рот.

На каком-то глубочайшем уровне подсознания все мои инстинкты самосохранения вопили об одном: не отрицать, что я леди Арманд. Уж Бог их знает, почему они так решили.

И как именно ему рассказать всё? Тоже очень плохая идея.

Я даже сама не понимала, как именно здесь оказалась. И где просить помощи, чтобы вернуться назад.

Несколько часов назад, у меня планировался такой замечательный вечер. Пятница же! Хотелось насладиться одиноким вечером с белым вином и суши. Может, не совсем было красиво с моей стороны слукавить перед друзьями, говоря, что я заболела. Но я

действительно жутко устала от людей. Хотелось помолчать, углубиться в какой-нибудь глупый сериальчик, а не краситься и наряжаться, чтобы пойти туда, где... ну, люди.

Я уже нанесла на тело кучу лосьонов после ароматной ванны, а на лицо дороговую маску, как услышала звонок в дверь. А дальше произошло что-то из ряда вон выходящее: я открыла дверь своей ванной комнаты, в своём мягком халате, в своих домашних тапочках, просто открыла дверь! Но вышла я не в свой коридор.

Буквально вывалилась в громадную комнату с высоченными сводными потолками. Вместо моих светлых стен цвета «Белый дым» меня окружали каменные глыбы, прикрытые выцветшими гобеленами. Под ногами не было ковра, только голый камень, холод которого пробирал даже сквозь тапочки.

Сказать, что я была в шоке, значит, ничего не сказать. Даже зажмурилась несколько раз, но я всё рано продолжала находиться в комнате какого-то средневекового замка, удерживая ручку своей двери, но за спиной моей ванны не было, только какая-то глухая темнота.

Встряхнула головой, сделала шаг, закрывая перед собой дверь. Но эта попытка «выпасть» в свой коридор навстречу курьеру из доставки провалилась. Всё та же мрачная каменная комната с кроватью под балдахином. А вот дверная ручка теперь была другой, какой-то недоржавой, точно не моей.

Я эту чёртову дверь открывала и закрывала, кажется, сотни раз. Трясла, пинала, читала на её молитву, угрожала. Проверяла свою голову на предмет ушибов, шишек и трещин. Дышала в ладошку — вдруг, успела напиться шардоне и забыла? Ну, устала, может и такое случиться.

Может, я умерла и, типа, переродилась? Тогда совсем нечестно! Что за перерождение на середине маршрута?

К тому же мой халат и тапочки так и остались на мне. Как и дороговущая маска. Даже шрам на левой ладони от ножа, которым я руку насквозь пять лет назад проткнула. Это я так грецкие орехи ковыряла.

— Да что же происходит?! — Начиналась паника.

Наверное, стоило пойти к другой двери, за которой наверняка получится попросить помощи, вот только я дико боялась отходить далеко от зловещей двери, через которую я сюда попала.

— Это явно шизофрения, — простонала я, оседая на пол.

— Как ты здесь опять оказалась, мерзавка?!

Чавкающий голос заставил подскочить на месте.

Я, конечно, хотела попросить о помощи, но что-то в тоне говорящего заставило резко и необратимо перехотеть. Как в кино, я медленно поворачивалась, пока не нашла глазами старика лет, наверное, восьмидесяти, чья гневная гримаса начала меняться на нечто мерзкое, о чём даже думать не хотелось бы. Рыхлые губы растянулись в липкой улыбке, обнажая синеватые гнилые зубы. Он был одет в нечто напоминающее ночную сорочку, из-под которой виднелись все его планы на меня, от которых начинало подташнивать.

Резко дернула на себя уже ставшую родную дверь, как спину обожгла волна боли.

— Я же с тобой уже расправился, дрянь, — меня обдало зловонием немытого тела, — но ещё раз согласен.

Я не могла ответить. Да и дышать от боли получалось с трудом. Даже встать до конца не удалось, и вновь рухнула на пол.

— Чем девка старше, тем она выносливее, — он опять замахнулся на меня какой-то

длинной палкой, вот только я успела перекатиться, — твой жалкий папаша постелил под меня порченный товар. Ты за это ответишь.

Даже разбираться не хотелось, что здесь происходит, только бежать. Мне, наконец, удалось сквозь сжатые зубы подняться и рвануть к той двери, у которой он появился, как старик опять ударил палкой по ногам. Взвыв от боли, я рухнула на пол.

— Ты чего убегаешь, — он схватил меня за волосы и потащил к громадной кровати с удивительной силой, — я был первым, кто просил твоей руки, мразь. Но ты нос отвернула, — он швырнул меня на дурно пахнущее покрывало, что вызвало новый приступ тошноты, — недостаточно хорош был? Как тебе теперь, а?

Крючковатые, морщинистые руки сомкнулись на моей шее. Его губы-пельмени были настолько близко к моему лицу, что я явно чувствовала запах чеснока и гнилых зубов. Я не могла смотреть на это уродливое лицо с каким-то безумием, просто зажмурилась.

Я явно чувствовала его тело на своём, тапочки потеряла ещё тогда, когда он меня тащил, а сейчас, когда мне казалось, что вот-вот потеряю сознание, я точно ощутила что-то мокрое и тёплое на своём лице.

Волна отвращения, захватившая меня, дала какой-то яростный заряд сил. Мне удалось его резко оттолкнуть от себя, от чего он слетел с кровати:

— Ах ты тварь! Да я похороню как собаку!

Откашливаясь после удушающего захвата, бросилась к прикроватной тумбочке, где стоял медный графин. Он почти успел подняться на ноги, как я всей силы опустила увесистый графин на его седую голову.

Нет, в этот момент я его не убила.

А вот, когда он сделал попытку дотянуться до кия, вот тогда я толкнула вонючего старика. Он как-то неуверенно махнул руками, хватаясь за воздух, и полетел спиной на деревянную стойку кровати. Вот прям макушкой, вот прям насмерть...

Это ведь произошло за считанные минуты, даже маска не успела высохнуть. Вот я была в ванной, а вот я убила, пусть и случайно, мерзкого старика в средневековой спальне.

Я никак не могла заставить себя перестать смотреть на него. Из-под головы растекалась маленькая лужица крови. Бледные, будто рыбы глаза смотрели в потолок не мигая, задранная сорочка оголила морщинистое тело.

— Это просто кошмарный сон, — ко рту подкатывала тошнота с новой волной, более мощной.

— Ваша милость! — В дверь кто-то заколотил, — ваша милость! Мы слышали шум!

Может, мне надо сбежать и спрятаться за «мою» дверь?

Не успела об этом подумать, как в комнату ворвался взлохмаченный парнишка в каком-то сюртуке, который ему явно большой.

— Миледи? — Полусшепотом спросил он, обращаясь ко мне, — миледи, что здесь произошло?

Вот только «миледи» уже не могла ответить. «Миледи» была занята. Миледи тошнило прямо на злосчастную кровать...

Вот и как этому герцогу, или кто он там, это все рассказать? То есть, ту часть со старикашкой я рассказала, а вот про ванную, про проклятую дверь, про то, что я никакая не леди Арманд, язык так и не повернулся сказать. Но все меня называют только так и никак иначе. Будто я и есть та самая леди Арманд. Но я — не она.

Даже, когда мне велели дожидаться в неудобном кресле загадочных констеблей и «того самого» герцога, который по счастливой случайности гостил в своем летнем имении в двух часах езды отсюда — все это время я давила на свой старый шрам на ладони, который всё ещё иногда ныл, чтобы точно быть уверенной, что я — это я.

Герцог долго и тяжело всматривался мне в глаза, не давая отвести взгляд. Не самые приятные ощущения, будто в голове кто-то копается, вытаскивая ворох мыслей наружу, причём абсолютно сумбурных: от прилипчивых песенок из рекламы и вопроса, а вынесла ли я мусор, до какой-то теоремы, которую учила ещё в университете.

Я даже не успела заметить, как после моего сбивчивого рассказа об этом старике, он успел захватить меня своих чёрными глазами в плен.

«Захватить в плен чёрных глаз» — надо же. Средневековый флёр во всей красе.

«Его светлость» нахмурился, разрывая контакт.

— Я сейчас сделаю заключение о самозащите, — сэр Валлес хотел было возмутиться, но тут же сдулся под грозным взглядом герцога, — у вас есть на это право. Но вы должны понимать, леди Арманд, я обязан вернуть вас отцу, раз уж ваш муж скончался. Опять.

Что значит опять?

Моё сознание все ещё продолжало вести себя так, будто ничего особенного не происходит. Как, например, при допросе людей, наряженных в странные костюмы в том замке. Или во всех моментах, когда меня все называли леди Арманд. Даже тогда, когда мне пришлось трястись в коробке пыток, который местные гордо называли каретой. Даже приставания мерзкого старика не были такими жестокими, как эта поездка к «моей семье».

Я пыталась упираться ногами и руками в стены кареты, но всё равно соскальзывала с сиденья. Когда тряска чуть прекратилась, даже попыталась задремать, положив голову на мутное окно, но на очередной кочке чуть не разбила её. А потом принялась отсчитывать секунды до прибытия ровно с того момента, как мне сказали, что ехать осталось половину суток.

Внутри цвела и пахла надежда на то, что местные люди знали больше меня о том, что происходит, и они же смогут помочь мне вернуться назад.

Как ни странно, задремать мне все же удалось. Перед отъездом, после того, как я вытолкала зашуганных девиц, которые очень даже упрямо пытались помочь мне переодеться или одеться (кто разберёт местные порядки), мне удалось вытащить из вороха одежды, принадлежащей настоящей леди Арманд, самое мягкое и менее колючее платье. Вот в этом и было относительно удобно дремать.

— Распрягай лошадей, малец! — Раздался басистый голос снаружи.

Сонно моргая, наблюдала за пейзажем за окном. Мы находились в огромном дворе с кучей деревянных застроек, из которых выныривали и ныряли обратно люди, одетые всё в

такие же странные наряды. Кто-то, кряхтя, притащил лошадям деревянные вёдра с водой, кто-то стаскивал сундуки леди Арманд, кто-то разговаривал с людьми черноглазого герцога, которого, кстати, я не видела.

— Аделаида? — послышался тихий голос.

Я даже не заметила, как какая-то женщина открыла дверцу кареты и теперь хмуро, почти не мигая, смотрела на меня. Как-то слегка опешила. Она назвала моё настоящее имя.

— Даже недели не продержалась, — почти выплюнула она, скривившись.

Исходя из того, что дверцу она оставила открытой, сидеть здесь мне больше не было смысла.

Уныло топая за недовольной женщиной, я продолжала сворачивать шею, наблюдая за всем происходящим. Здесь на один квадратный метр помещалось больше спящих людей, чем народа на блошином рынке Мумбаи. То есть, я никогда там не была, но по активности, развёрнутой здесь, казалось, что там всё точно так же.

Мы миновали душную кухню, которой не хватало хорошей вентиляции, узкие коридорчики с пожелтевшей побелкой, кучу коридоров, упирающихся в комнаты, предназначение которых оставалось для меня загадкой, пока не вышли в комнату, напоминающей кабинет. Тоже музейный.

В отличие от замка того барона-садиста, здесь было по-настоящему красиво: стены отделаны тканью, напоминающей шёлк, с детальным и искусным рисунком. Вся мебель на изогнутых ножках отделана в такую же ткань, под цвет кабинета — изумрудный. Невероятное количество книг в кожаных переплётках, даже приставная лесенка имелась. Как и нахмуренный мужчина за огромным столом, прямо напротив того герцога с черными глазами.

— Она точно не успела вступить в наследство? — Приземистый мужчина за столом даже бровью не повёл, когда меня ввели в комнату. Неужели я и в самом деле выгляжу один в один как леди Арманд?

— Нет, сэръ Арманд, — слегка уставшим голосом ответил герцог.

Кстати, почему именно к нему никто не обращается по имени? Это уже даже не смешно. Он, считай, спас меня от какого-то приговора, привёз, отдал в руки отца настоящей леди Арманд, проехал всю ночь и полдня верхом на лошади, которая лично мне казалась более удобной, чем моя карета, а имени до сих пор не знаю.

Не то, чтобы я капризничала, но сесть мне не предложили. Как и женщине у окна. Я уже успела заметить, что все, кто приравнивался к обслуживающему персоналу, носили белые фартуки или воротнички. Но у незнакомки ничего такого не было. Лишь платье, которое могло считаться строгим, в приглушенном темно-бежевом цвете. И покачивающиеся серьги, выглядевшими жутко дорогими.

Пока я рассматривала её, она в ответ сверлила меня неким непримиримым взглядом. Неужели мать леди Арманд? Не узнала во мне свою дочь?

Насколько вообще опасно объявить всем, что я не та, за кого меня принимают? То есть, вот скажу всем, что меня перепутали, а мне в ответ: «Как вы там оказались, не-леди Арманд?», «Почему не сказали раньше, не-леди Арманд?», «Куда вы дели настоящую леди Арманд, не-леди Арманд?».

А действительно, куда делась настоящая девушка?

Меня пронзило холодом... Тот мерзавец несколько раз повторял, что уже «разобрался со мной». Нас могло быть двое, но в эту ночь весь замок был поднят на уши, вторую девушку

нашли бы в любом случае. Что если её нет в живых? Он говорил, что закопает меня как собаку, неужели у него настолько не было человечности, что он с ней так и поступил?

— Вам нехорошо, Аделаида? — Этот скрипучий голос заставил встрепенуться, прогоняя подступающую дурноту.

Женщина напряжённо ожидала мой ответ. Лорд или сэръ Арманд и черноглазый герцог теперь тоже обратили на меня своё внимание, прервав диалог, суть которого я упустила уже достаточно давно.

— П-простите, миледи, — надеюсь, не промахнулась с обращением, — я неважно себя чувствую. Напряжённая ночь, сложная дорога...

— Геман, — значит, отца бедной девушки зовут Геман, — на долю Аделаиды выпало немало испытаний. Ей надо отдохнуть с дороги. — Отдохнуть? Да после такого путешествия мне требуется реабилитация.

— Лорд Макбул, надеюсь, вы поймёте нас. Мы можем отпустить юную леди?

Вот эта напускная вежливость и забота ничуть не обманула меня. От неё настолько веяло холодом, что почти перебило леденящее ощущение внутри, засевшее от мысли о смерти моей предшественницы.

— Ваше сиятельство, — не-мой отец перевёл взгляд на герцога, — у вас остались вопросы к Аделаиде?

— Нет, — думаю, он устал не меньше моего, — обо всех иных обстоятельствах мы можем поговорить и без неё.

Ага, прямо как с «пузанчиком». Хотя, здесь я точно ничего не смогу сделать, а спать хотелось жутко. И помыться.

В коридоре меня словила девушка-воробушек. Уж больно суетная и маленькая была с постоянно съезжающим чепчиком.

— Миледи, — она испуганно хлопнула глазами, делая то ли поклон, толи присед, — ой, госпожа. То есть... — Маленькие губки сложились в трубочку на букве «о». Больше, чем уверена, что если бы у неё был выбор продолжить разговор со мной или провалиться сквозь землю, она выбрала бы второе. С радостью причём.

— Проведите меня в мою комнату, — девушка не прониклась мой высокомерием, скопированным у «пузанчика», а всё также удивлённо продолжала смотреть на меня в полупоклоне. Я не имею право приказывать? Или она не поняла, что мне надо? Может, ошиблась с определением? — В мои покои. Пожалуйста.

Ойкнув, девушка подобрала многочисленные юбки и бросилась вглубь коридора, обвешанного картинами и тяжелыми бархатными порттьерами. Я даже позавидовала такой прыткости. Мои юбки то и дело ускользали из пальцев.

Почему-то казалось, что комнаты, то есть, покои дочери не кого-нибудь, а самого лорда! должны находиться где-нибудь за красивыми резными дверьми. Но мы уходили всё дальше, петляя по излишне украшенным коридорам. Картин и статуй становилось всё меньше и меньше. Все больше дверей прятались за опущенными бархатными шторами, которые с удалением от кабинета и главной лестницы становились всё истрёпаннее и старше. То есть, более поношенными. А шторы могут быть поношенными? Они же висят...

— Миледи, то есть, госпожа, — перед девушкой распахнулась одностворчатая дверь в нечто каменное и пыльное. Прямо как в замке барона. А остальные комнаты и даже коридоры украшали красивые обои.

— М-да, — я ещё не зашла, но уже ощутила приступ клаустрофобии. Сколько же здесь

пыли? И почему потолок такой низкий? Им что, было жалко сделать окно побольше? — Спасибо...

— Тита, — девушка повторила попытку сделать полупоклон-полуприседание.

У меня не было благородных манер, которые сейчас не помешали бы. Поэтому просто продолжала копировать поведение «пузанчика» и проигнорировала девушку, входя в свои покои.

Может, тот садист на самом деле был хорошим шансом для бедной девушки? Кроме того, что он был садистом, конечно. Его замок был очень старым и неухоженным, но исходя из того, сколько безделушек встречалось там повсюду, барон-садист не бедствовал при жизни. Отец настоящей леди Арманд — тоже, но вот девочка Арманд этой сытой жизни явно не видела.

Узкая кровать состояла из каких-то тюфяков и шкур, лежащих на длинных сундуках. На квадратной тумбе растекалась восковая лужица, а рядом сиротливо лежали две тоненькие книги в кожаном переплёте. Даже был высокий двустворчатый шкаф, но полностью пустой. Ведь все вещи леди Арманд ещё не принесли из кареты. Может, я со служанками и не только «свои» платья прихватила, поскольку этого шкафа явно не хватит, чтобы вместить в себя все наряды. И серость, сколько же здесь серого цвета! Серые стены от каменных блоков. Серое мутное стекло маленького окошка, серый вытоптаный каменный пол, украшенный половичком, который от старости тоже был серым. В углу серый...

— О господи, — прошептала я. Замерев перед чем-то, напоминающим зеркало.

Отполированный серебристый металл отражал мою фигуру почти в полный рост, только чуть расплывчато. И лицо. Именно лицо заставило меня замереть от шока. Да это же я! Вот же мои карие глаза, родинка под нижней губой, оспяной шрамик над правой бровью. И небольшой шрам на левом виске, который сейчас светился ярче на фоне внушительного синяка. Это я в пятнадцать лет на спор полезла на пожарную вышку у бабушки в деревне. Неудачно полезла.

Но почему так удивительно, что я — это всё ещё я? Неужели на самом деле я ожидала увидеть на своём месте кого-то другого? Но в том замке я ведь была в своём халате, даже мои тапочки, которые, оставшись наедине, сожгла в камине от греха подальше, служили доказательством, что я не переселилась в чьё-то там тело, а просто вошла не в ту дверь.

Вот только я была на лет десять моложе! Те самые молодые упругие щёчки, которые с возрастом заострились. Да что уж скрывать: последние лет пять я в нижнюю губу регулярно подкалывала капельку филлера, чтобы с верхней смотрелась симметрично, но сейчас она была такой же, как до уколов. И брови сейчас, как и в мои студенческие годы были чуть домиком. Мои подружки говорили, что это придаёт мне мечтательно наивный вид, а за спиной шептались, мол, я выгляжу так, будто всему удивляюсь.

Комплексов было много. И сейчас они разом все вернулись, даже не перекрыли тот факт, что я оказалась у чёрта на куличках, да ещё и деда вчера прихлопнула.

— О-бал-деть...

— Ваша мачеха, то есть её миледи, то есть её светлость, распорядилась поставить пару дней назад. Не настоящее зеркало, — Тита по-своему интерпретировала моё замешательство, — но это так говорят. Я в графских покоях редко, я прачка. То есть, мы не сплетничаем, просто слышала, громко приказывала её миледи, то есть, они не кричали, нет, просто...

— Я поняла. Могу я попросить тебя принести мне ведро воды? И полотенце.

Пожалуйста.

Девушка как-то чересчур радостно убежала вглубь «богатых» коридоров, оставив меня одну и совершенно растерянную. Почему-то казалось, что как только попаду в дом настоящей леди Арманд, всё каким-то чудом встанет на свои места. Но все вокруг как раз-таки и считают меня настоящей леди Арманд.

Ну почему мои вещи так долго не несут сюда? Мне срочно нужно взглянуть на мой халат с японской мультяшной кошечкой, чтобы просто убедиться, что я никуда не исчезла. Шрам на руке всё ещё болел, когда я давила на него со всей силы. Странно, но это приносило облегчение. Если знать куда, то ведь можно вернуться, не так ли?

Но что, если... что, если моего халата не будет на месте? То есть, что всё мои воспоминания — не мои вовсе? Что, если я и есть леди Арманд, а всё остальное мне приснилось? Ну как иначе объяснить всё вокруг?

Хотя, как иначе объяснить ракеты в космос? Или тот же фотоаппарат, с которым я работала последние лет восемь? То есть, я, конечно, умная девушка, но не настолько гениальная, чтобы придумать ту степень технического прогресса, в котором я жила.

Я — точно не настоящая леди Арманд.

— Ишь, чего удумала, — у входа запыхтела та самая женщина, которая «встретила» меня по приезду, — хотела выставить перед всеми меня лентяйкой? Байстручку отправила в услужение! Не положено тебе горничных!

— Я просто попросила воды, — которую, кстати, так и не принесли.

Но, зато, в комнату втащили мои сундуки, в которых явно уже кто-то ковырялся.

— Просто воды она попросила, — её выражение лица было почти умиленным, вот только злобные глазки всё портили, — она просто попросила, а мы должны всё бросить, греть ей воду!

Зашуганные мальчуганы, вносящие сундуку в комнату, лишая её свободного места, от каждого всплеска руками пригибались всё больше.

— Да как Вы смеете?

— Какясмею? У меня дел выше горла, но мне надо бежать с водой по лестнице, — мальчуганы уже успели ретироваться, оставив меня одну с очень разгневанной женщиной, которая, как оказалось, только набирала обороты, — перед сном помоешься! Раньше через день воду носили, а сейчас по каждому чиху должны?

Я чего-то явно не понимала. Женщина была также в чепчике и фартуке, но вела себя так, будто я не смела и рта здесь раскрыть. Но ранее меня воспринимали как дочь здешнего лорда. Как-то это не совсем помогало разобраться в сложившейся ситуации.

— Тогда сама себе наберу воды и подогрею, — женщина замерла над сундуками, которые беспардонно начала обшаривать.

— Сама? Ах, сама? — Я честно не понимала, что идёт не так. Моя просьба насчёт воды казалась такой простой, тем более в чём проблема дать мне самой набрать ту самую злосчастную воду?

— Брита, выйди, — мачеха леди Арманд стояла у открытой двери моей коморки. На этот раз её взгляд не был холодным и въедливым, как в кабинете у лорда Арманд, сейчас она почти скучающе осматривала мои испачканные юбки.

— Спасибо, — я села на стул, который тут же жалобно заскрипел подо мной. Интересно, а она поняла, что я не та, за которую меня все принимают? Не похоже, чтобы здесь все были внимательны к бедной девушке. Или, может, мне так кажется лишь на первый

взгляд, — я уже не знала, как прекратить этот конфликт.

И опять же, очевидно я только что сказала что-то не то. Мачеха, чьего имени, опять-таки, я не знаю, бросила на меня странный, изучающий взгляд, будто впервые увидела.

— Что-то в тебе изменилось, Аделаида, — даже в захламленном, маленьком пространстве её походка умудрялась выглядеть грациозной, — впрочем, неважно. Герцог Макбул уже покинул имение. Твой батюшка остался очень недоволен. Ты не успела вступить в наследство своего уже покойного супруга.

Тот самый герцог Макбул, видимо, был прав, когда спрашивал стоимость моей чести. Батюшка за старикана дочь выдал не просто так, а ради старых, добрых денег.

— И, кхм, и что сейчас со мной будет?

— Здесь ты точно не останешься. За тобой тянется дурная репутация, — на слове «дурная» её лицо скривилось как от зубной боли, — графство унаследовать я тебе не позволю. Пока попробуй не показываться батюшке на глаза. И сними уже, наконец, эти вульгарные тряпки.

Вульгарные? Да это самое закрытое, что я нашла в сундуках барона. Тем более, времени особо не было. Ну и что, что красные.

— Ты должна быть в трауре, — ах, вот оно что, — не вынуждай общество говорить о тебе еще более скверно, чем сейчас.

Как выяснилось, милая Брита — моя кормилица. Точнее, кормилица леди Арманд. Во всех сказках кормилицы — милые и преданные своим воспитанникам женщины. Даже здесь мне не повезло.

Мысль о леди Арманд не оставляла меня. Что, если девушка вернется? Как они поступят с самозванкой, если уж свою дочь и, по всей видимости, наследницу они так не жалуют.

Сундуки я разбирала в гордом одиночестве, что было даже хорошо. Уж сильно заинтересованно я всматривалась во всё то, что побросали мы с девушками в замке Тюренн.

Все платья казались жутко неудобными: тяжелые, объемные, многослойные. Чем дороже была ткань, тем тяжелее и непонятнее было платье. Хотя, может, дороговизна ткани была только на мой взгляд? В этом я точно не сильна. Вот то золотисто синее, с вертикальной линией и узорами между ними мне вообще больше напоминало обивку дивана в стиле цыганского шика.

Весь гардероб можно было разделить на две части: «дорого-богато» и платья гимназистки, которые отличались от нарядов здешних девочек-слуг лишь покроем. Причём последние скорее и есть платья леди Арманд, судя по той комнатушке, в которую меня привели. И все яркие наряды были очень велики мне.

Ворох белья вызвал приступ омерзения. Про стиральные порошки и отбеливатели здесь наверняка были не в курсе. Содрогнувшись от отвращения, запихнула груды тряпок подальше. Здесь прохладно, сожгу потом в камине, который не чистили очень и очень давно.

Обувь, шнурки, ленты, пара украшений, пара книг — больше ничего. Даже в тех сундуках, которые служили кроватью — ничего интересного. Хотя, что я искала? Наряды и тоненькое колечко меня не интересовали. Свой, родной халат, который я так хотела опять найти, запихнула подальше. Знала бы, что суши отменяются таким образом, надела бы все имеющиеся комплекты белья.

Мне хотелось найти какую-то подсказку, как я здесь оказалась. Или инструкцию, как вернуться домой. А, может, леди Арманд проводила какие-то ритуалы и здесь будет какая-нибудь записка в стиле «в случае неудачи, обращаться к такому-то такому-то».

Книги тоже оказались бесполезны: молитвенники и пара книг со стихами, в которых, рифма отсутствовала напрочь. Или ритм на худой конец. Но, судя по истрёпанным страничкам, девушке они очень нравились.

Как узнать, жива ли настоящая леди Арманд?

За разборами гардероба и уборкой комнатушки время пролетело очень быстро. Хотелось помыться, поесть и поспать. Два последних пункта в любом порядке.

Пока я пыталась найти способ открыть окошко, чтобы проветрить пыльную и сырую комнату, в комнату постучали, но так тихо, что я едва слышала.

— Тита? — Девушка в страхе оглядывалась, сживая побелевшими пальцами на вид тяжелое ведро с водой.

— Я не смогла подогреть, — зашептала она, проскакивая в комнату, — простите, миледи.

Простить? Да я расцеловать тебя готова, моя испуганная мышка.

Тита осмотрела ворох белья, которое я собиралась сжечь, а потом робко прошла к грудке

павлиньих платьев.

— Такие красивые, — ну да, в окружающей серости и ваза с апельсинами будет смотреться изысканно — хоть какое-то яркое пятно в интерьере.

— Кажется, я случайно их забрала, — никакой чистой тряпочки или губки, чтобы обтереться найти не удавалось, — не знаю, что с ними делать.

— Ваш батюшка продаст их, миледи, — тоже неплохо.

— Ты можешь себе взять, если что-то понравилось, — девушка замерла над самым аляпистым экземпляром, тем самым, что напомнил мне обшивку дивана. Мне не жалко подарить его, тем более, Тита заслужила, она мне воды принесла.

Тита тряхнула головой, отходя от платьев, и метнулась в угол. Я даже не сразу поняла, что она оттуда достала. Да я даже не заметила раньше, когда обшаривала комнату вдоль и поперёк, что там есть складная ширма. Потрепанная, выцветшая, с дырочками, зато есть. Здесь двери не запираются, в ванную комнату идти — себе дороже, если такова имеется, особенно после всех сцен, в каких мне посчастливилось участвовать. А так хоть какое-то подобие уединения.

— Что ты делаешь? — Я подпрыгнула от неожиданности, почувствовав на спине чужие руки.

— Простите, миледи, хотела помочь вам раздеться, — а вот этого мне не надо. Непривычно и не по себе. Сама оделась, сама и разденусь.

Тита ушла. Помыться в полном смысле этого слова, естественно, не удалось, но после протирания почувствовала себя значительно свежее.

Сейчас же сидела на кровати и думала, что делать дальше? Я уже успела заметить, что жизнью настоящей леди Арманд распоряжается её отец. А что делают здесь с вдовами, мне неизвестно. Может, в монастырь отправят? Здесь они вообще есть? Какой-то молитвослов под руку попадался, если есть религия, значит, есть и служители. Нет, конечно, в монастырь мне не хочется. Но «батюшка» точно здесь не оставит. Кажется, дочь свою он не жалуёт. Комната откровенно убогая, грязная и маленькая. У девочек всех времён и народов всегда есть любимые и милые сердцу девчачьи безделушки, здесь всё настолько по-спартански, что даже опытный криминальный эксперт вряд ли при первом осмотре определит, что эта комната принадлежит юной девушке.

Все ленточки, которые попались мне под руку, были истрёпаны и засалены. Ювелирные украшения — это колечко, настолько тоненькое, что можно использовать вместо зубной нити, и кулон в виде капельки, с крохотным цветком внутри. Цепочки нет, шнурочка — тоже.

Огромный дом, куча людей, но никто не зашёл проведать. Здесь люди каждый день мужей теряют? Или до девушек домогаться — это норма?

Мне не нужна была жалость и внимание, нет. Даже наоборот, внимание — это уже лишнее. Просто хотелось понять: здесь всем наплевать на настоящую леди Арманд? Или девушка обладала ужасным характером? Даже мачеха заметила, как я изменилась. Может, я перестаралась с копированием поведения «пузанчика»? Единственная душа, которая проявила хоть какую-то заботу, это прачка Тита. И то, бедная девочка наверняка получила выволочку за свой поступок. Она обещала скоро вернуться за пустым ведром, но уже начинало смеркаться, а её всё нет.

Да и честно говоря, очень хотелось есть. И пить. Но в одиночку бродить по замку страшно. Чтобы рассказать кому-нибудь правду, надо узнать, кому именно её можно

доверить. Не хотелось бы застрять в психиатрической больнице, если они здесь есть.

Леди Арманд уж точно должна знать расположение комнат, но я-то их не знаю. Забреду, куда нельзя, вопросов потом не оберусь.

И почему мне не пришло в голову притвориться, что у меня амнезия или ещё что-то с головой, ведь видно, что меня побили? Ах да, тогда мне казалось, что это все вокруг умалишённые, а не я.

Уже совсем стемнело. Света от свечей не хватало, и стало дико холодно. Я наворачивала уже двадцатый круг возле камина, но никак не могла понять, как его зажигать. И безопасно ли это?

Всё же набралась смелости и выглянула в коридор. Света здесь было гораздо больше, в моей комнате всего-то три несчастных свечи, а здесь на каждом шагу напольные канделябры с десятком свечей.

Каждая вторая дверь была занавешена бархатными портьерами, или закрыта. Куча комнат похожие друг на друга, в которых вся мебель была укрыта белыми простынями от пыли, в любой из них могла жить леди Арманд, но её заперли в самую дальнюю и неприглядную каморку. Не удивлюсь, если у здешних слуг комнаты поуютнее будут. Пока мне больше не встречались комнатухи с такими же каменными стенами, на которых уже рос и процветал грибок в дуэте с плесенью.

Чем глубже заходила в центр замка, тем красивее и шумнее становилось вокруг. Стараясь не попадаться на глаза, я продолжала аккуратно изучать обстановку.

За одной из дверей оказалась библиотека. Из освещения был лишь лунный свет, падающий из достаточно больших окон, заливая книжные стеллажи голубоватым оттенком. Я бы тоже не оставляла без присмотра свечи в помещении, где куча книг.

Здесь были фолианты об экономике и праве, свод древнейших законов, трактаты ремесленников, архитекторов, стеклодувов. Зачем им книга о науке стеклодувов?

— Ух ты, — в руки попала увесистая книга по анатомии и хирургии. Только называлась она «Пути и отводы внедрения сообщающихся тонкостей плоти и крови, анализы и схемы вмешательства».

Книга была огромной, но сумела вместить себя общую хирургию с самыми детализированными рисунками, которые мне встречались в подобных рукописях, градацию заболеваний, даже фармакологические свойства некоторых трав. Насмотревшись на окружающую обстановку, где-то внутри себя я подозревала, что здесь оспу лечат пусканием крови. Мигрень и пневмонию — тем же путём. А здесь даже руки рекомендовано мыть с мыльным раствором перед осмотром.

Руки они моют. А ведро воды сполоснуться — им жалко.

Под медицинские книги была выделена целая полка. Медики? Или книги с картинками просто считаются ценными? Этот стеллаж с книгами находился в самом углу, и одна из них отличалась от остальных. Если обложки и корешки всех томов здесь были кожаными, то эта казалась как будто деревянной.

Меня просто сжирало любопытство, но достать её с полки никак не получалось. Приклеена, что ли? Я даже достала книги по бокам, чтобы сильнее схватиться, но дурацкая книга даже не шелохнулась.

От досады ударила по ней кулаком и тут же услышала лёгкий щелчок где-то под ногами.

Сейчас бы не помешал свет, даже от свечки из моей комнаты. Пол остался невредим, никакой тайной комнаты или стеллажа не обнаружилось.

Я опустила на четвереньки. Все доски в полу были надежно прибиты, а вот из-под одного из стеллажей чуть сильнее дуло, чем из-под других.

Кажется, книга всё-таки открыла некую нишу, которую в темноте очень легко пропустить. Что там находилось совсем не видно. А, если там крысы с пауками, а я рукой туда лезу вслепую? Будто мне больше всех надо. Но любопытство победило. Немного попрыгав, в пустоте всё же удалось нащупать некий лист, который, чуть не порвав от спешки, я вытащила на свет лунный.

На плотной бумаге были странные символы и буквы. Прочсть никак не удавалось, как бы я его ни крутила. Часть текста был на языке, похожим на иврит, а часть была настолько замудрённая, что смысл ускользал. Единственное, что заставило моё сердце трепыхнуться и забиться сильнее, это слово «магия».

Вот те раз. Я разные варианты прокручивала в голове, но о чём-то магическом и подумать не смогла. Видимо, это очень ценная бумага, раз её так спрятали.

Тишина была такой же, как я сюда пришла, но лист в руках жёг пальцы, а дыхание сбилось. Я не нашла ни одной книги про магию на этих полках, но я ведь не все и осмотрела, к тому же здесь темно. Зато есть зацепка, как я сюда попала! Магия!

Я засунула руку в ту щель ещё раз, мазнув пальцами по доскам пола, а потом присмотрелась к ним при лунном свете. Очень много пыли. Есть вероятность, что этого листка не хватятся, пока я его не верну назад.

Хватит экскурсий на сегодня.

По пути в свою комнатку глаза опять резанули эти канделябры. Так нечестно. Меня даже совесть не мучала, когда я перетаскивала два ближайших канделябра в свою комнату. Стало даже как-то уютнее, а серость — теплее.

— Что это ты делаешь? — Этот голос с визгливыми нотками я до конца жизни запомню.

Кормилица с хозяйским видом стояла у двери, уперев руки в боки, неодобрительно оглядывая убранную (мною, между прочим) комнату, озаряемую светом десятков свечей:

— Тебе кто позволил воровать?

— Я ничего не крада, просто перенесла из коридора сюда. Здесь же из-за темноты шею свернуть можно.

— Тебе батюшка шею свернет за вольности, которые ты себе позволяешь.

— Я не могу понять вашего грубого отношения ко мне, Брита.

— Ах, посмотрите, нагубила бедной голубке! — Всплеснула она руками, обращаясь к невидимым зрителям, — ты столько крови своему батюшке выпила, а сейчас опять вернулась, тянуть деньги!

Я очень выразительно провела взглядом по аскетичному убранству комнаты, потом вновь посмотрела на свою кормилицу. Серьёзно? Вот в чём, а в транжирстве леди Арманд обвинить у меня язык бы не повернулся.

— Ты мне мины не строй, — может, как-то получится прицепить здесь замок или щеколду? Хотя бы буду сама решать, кого впускать в мои каменные владения, а кто может орать до посинения за дверь, — я тебя с самого детства растила, сразу после смерти матушки. Твой позор — и мой тоже!

Пока она распиналась о том, какая негодница и своенравница леди Арманд, я притворилась, что складываю бельё, а сама лихорадочно соображала, куда можно спрятать украденный мною листок. Полы здесь каменные, а не деревянные. Одно дело досточку

поддеть, а другое — каменный блок выковыривать. Пусть я и живу в самом захолустье замка, но такой скрежет даже с улицы услышат.

Что-то прятать в шкаф при Брите тоже не самая умная идея. Та из вредности вытащит всё и потопчется сверху. Будь я Адой Закревской, а не леди Арманд, я бы просто ударила пару раз эту истеричку по голове. Я очень мягкая по характеру, но эта особа настолько чувствовала себя свободной в выражениях, будто у неё было на это право. А так оскорблять людей никто не может.

— ... и вот она возвращается, третий раз вдова...

Стоп. Как третий раз? Я убила третьего мужа леди Арманд, а два предыдущих тоже скончались? Что за невезение было у девчонки?

Как выяснилось, в то время, когда я шарилась по замку, у лордовской семьи был ужин, который я пропустила. Но меня в любом случае не положено было звать на него. Не заслужила. Я уже достаточно взрослая, чтобы иметь свою семью, а не жить на шее у отца.

Но каждый раз, когда папаня сдавал меня на руки лордам в качестве их супруги, я возвращалась вдовой. Возвращалась с прибавкой к семейному капиталу, по завещанию каждый раз я становилась чуть богаче. Ну, то есть, не я, а леди Арманд, но...

Батюшка всё забирал. Где логика? Деньги от мужей переходили леди Арманд по закону, на которые она могла бы жить самостоятельно и содержать себя, но всё отбирал её батюшка, а потом ещё и попрекал тем, что она живёт нахлебницей.

Это всё я узнала от Титы, которая оказалась чересчур болтливой. У неё здесь не было друзей, и со мной прежде она почти не сталкивалась, а когда я попросила её о помощи, та даже обрадовалась. Может, её из прачки в горничную повысят.

Это она поведала, когда принесла второе ведро воды, даже чуть тёплой. Вместе с ворохом чистого до скрипа белья.

— Но почему я не могу забрать то, что досталось мне по завещанию, и уехать? Жить отдельно? — Я не рассматривала эту возможность. Меня больше интересовало, как я могу вернуться домой. А вопрос был скорее от изумления и интереса, почему леди Арманд так не сделала. Зачем надо было трижды выходить замуж и каждый раз возвращаться сюда?

Да и трёх мужей похоронить — это... Это сильно, конечно.

— Да вы что, миледи? — Тита даже ведро уронила, расплескав всю воду, — это только ваш батюшка решать может. Или муж. Или брат, но не вы сами. Так нельзя.

Мне вспомнилось, как общались и вели себя клоуны в замке Тюренн, а потом как вёлся диалог между лордом Арманд и лордом Макбулом здесь. А если добавить ко всему, что выдать дочь замуж, а потом лишить её же наследства — это норма, то вывод прост и грустный — о равенстве здесь никто не слышал. В рамках жёсткого патриархата никому и в голову не придёт спросить о желаниях саму девушку.

Вот только фраза мачехи, что она мне не позволит лишиться наследства её сыновей, слегка не укладывалась в голове.

А спрашивать Титу будет означать, будто я забыла очевидные вещи.

Голова шла кругом. Чувство нереальности происходящего не покидало, а к нему добавился и голод. Есть хотелось так, что живот заболел.

Кажется, моё лицо выдало меня с потрохами, потому что Тита, отводя глаза, сказала, что очень давно мой батюшка распорядился кормить меня не чаще одного раза в день. Для женского здоровья полезно.

Ага, полезно. Они там поросёнка уплетали, что за ушами трещало, а мне кашу и хлеб с маслом. Про поросёнка это я себя только что придумала, но кажется, я была почти права.

— Тита, скажи, пожалуйста, — я прочистила горло, останавливая девушку, которая уже собралась уходить с ведром и грязным бельём, — а у кого я могу спросить про... магию?

Последнее слово я произнесла почти шёпотом, боясь, что она засмеётся и покрутит пальцем у виска. Но её реакция была очень неожиданной. Девушка побледнела и буквально застыла, в ужасе всматриваясь в моё лицо, надеясь, что ей почудилось.

— Никогда не говорите про это, миледи, вы же знаете.

— Я просто хотела знать...

— На прошлой неделе казнили шестилетнего Гротика из деревни, потому что, — она начала шептать так тихо, что пришлось напрячь слух до боли в ушах, дабы не пропустить ни слова, — а на него только говорили, что он... Ну, может. Раньше коли подозревали чего, только большие пальцы отрубали, да для селян это хуже смерти, ничего в руках держать не могут. А казнили только, когда пробуждались они. А сейчас как озверели все. Дитёнка в петлю.

Господи, ну и порядочки здесь царят. Женщины — бесполезный хлам, судя по всему. На любого, кого подозревают в магических способностях, насылают инквизицию, причём без суда и следствия. Вряд ли ребёнок мог успеть причинить кому-то настоящий вред.

Зато теперь понятно, почему этот листок так спрятали, потому что за него могли казнить. И теперь ясно, что зря я его украла.

Голод на утро стал просто зверским, а ноющее тело после сна на сундуках только добавило раздражительности. Каждый раз, когда я пыталась занять более менее удобную позу, что-то упиралось аккуратно в свежий синяк, отчего сон как рукой снимало, а потом приходилось долго крутиться, чтобы найти место поудобнее.

Проснулась я ещё более разбитой, чем от поездки на карете.

Когда в комнату вошла Тита с подносом, я была готова её расцеловать.

— Вам не велели приносить завтрак, миледи, — быстро зашептала она, — я просто подумала, что вы второй день ничего не ели. Я быстро, пока Брита не пришла за вами.

На подносе был хлеб с вареньем и кувшин молока. Мне понадобилось ровно три секунды, чтобы прикончить всё и сладко облизнуться.

Я с двадцати пяти лет не позволяла себе есть углеводы в таком количестве, но сейчас имела полное на то право.

Спасибо тебе, дорогая Тита, солнце ты моё!

— Спасибо тебе, Тита, — но вместо ответа она бросила на меня странный взгляд и выскользнула из моей кельи.

Даже вчера вечером она предлагала переодеться ко сну. А тут не предложила. Странное предчувствие полоснуло по спине.

Казалось, что сейчас должна прилететь Брита и подлить масла в огонь, пооскорблять и поплеваться на нерадивую леди Арманд, но она не появлялась, а ощущение надвигающегося чего-то плохого не проходило.

Я уже успела уложить волосы в низкий пучок, подвязав их самой унылой лентой, надеть траурное чёрное платье, которое, на мой вкус было самым красивым из всех имеющихся: высокий воротник-стойка, мягкий корсет, уходящий в расклешённую юбку. Полностью глухое без единого узорчика.

Молодая я никогда не надела бы такое платье, но сейчас оно на инстинктивном уровне казалось как нельзя кстати.

После моей получасовой медитации перед собственным отражением в зеркале, ко мне, наконец, заглянула незнакомая девушка в фартуке и традиционном чепчике и пригласила на обед.

Кажется, всё не так уж и плохо. Люди, встречающиеся на пути, никак не выказывали удивления при виде меня. То есть, никто не тыкал пальцем и не кричал: «Ага! А леди-то не настоящая! В петлю её! Магия!».

Куда спрятать улику я так и не нашла. До рассказа Титы могла и под сундук её засунуть, но сейчас, зная, насколько эта вещь опасна, никакое место не казалось надёжным. Так что страшные и непонятные буквы сейчас плотно прилегали к моей груди под нижним платьем с корсетом.

Обеденный зал встретил уютом и тишиной. Повсюду стояли кадки с комнатными растениями. Под потолком расцветала огромная люстра, свечи на которой сейчас не горели. Из огромных окон падало много солнечного света. Отсюда открывался красивый вид на картинную галерею на балконе второго этажа за резными перилами.

В иной обстановке мне было бы очень любопытно прогуляться по замку, рассматривая всё вокруг. Здесь не было безвкусной помпезности, как в замке Тюренн. И не было ощущения застывшего времени, как в музеях, здесь всё вокруг дышало жизнью. К тому же, я любила всё светлое. Почти во всех помещениях, которые мне попадались на пути, были огромные окна, кроме моей комнатухи, конечно.

Единственное мрачное пятно здесь — это люди, сидящие за столом. Во главе был Геман, а по правую руку мачеха, имени которой я не знала. Сбоку увлечённо жевали двое молодых парней, похожих друг на друга, как цыплятки в загоне. Рыжизна, подчёркнутая солнечным светом из окна, придавала комичности этому сравнению.

Кажется, это сводные братья. От матери им достались тонкие носы, которые на их лицах смотрелись крючковато, это ей шла лёгкая горбинка, придавая той самой аристократичности её чуть холодной красоте.

— Почему ты позволяешь себе опаздывать? — Голос отца гулом пронёсся по залу, заставив скукожиться даже растения в кадках.

Все прекратили жевать и уставились на меня, ожидая ответа. Что я им должна ответить? Как вообще можно куда-то опоздать, если не знала, что нужно где-то появиться?

— Простите, — я опустила глаза в пол, повторив движение Титы, когда она считала себя виноватой.

Ответа не последовало, зато все вернулись к своим тарелкам. Аромат мяса и печённых овощей забивал ноздри. Хлеб с вареньем, которые я съела пару часов назад, уже давно забыты желудком, который от голода некрасиво заурчал прямо сейчас.

Никто не давал никаких распоряжений, поэтому я просто осмелилась сесть напротив сводных братьев, где стояла пустая тарелка с приборами.

Все ели молча. Мачеха, держа осанку, вызывающую зависть, неспешно отрезала маленькие кусочки мяса и также изящно подносила их ко рту. А вот батюшка с братьями буквально пожирали блюда на столе.

В принципе, лишь сильнейшими усилиями мне придётся заставить себя не последовать их примеру.

Я уже в предвкушении потянулась к нарезанному на стейки мясу, как мою руку перехватила Брита и поставила передо мной глубокую тарелку вязкой каши.

Если моё поползновение к мясу вызвало у всех лёгкое недоумение, то тарелка с кашей успокоила все сомнения находящихся рядом.

Вот тебе и обед.

От каши несло подвалом и тряпками. И старым жиром. Что-то подобное моя тётя готовила своим собакам. У неё муж охотник, который содержал пятнадцать лаек. Так она огромными кастрюлями варила кашу со шкурками и говяжьими костями, чтобы прокормить такую ораву. Этот запах заполнял их дом до основания. И сейчас вот опять вызвал

ностальгию. Только это еда для собак, но не для меня. Как можно это есть?

Пока все с треском уплетали аппетитные блюда, я ощущала всю нелюбовь семьи к бедной леди Арманд, то есть, к своей голодной персоне.

— Подумать, только, — лорд Арманд с криком потянулся к кувшину с вином, — дал одно задание — свалить из моего дома, а она убивает мужа и возвращается сюда. И без наследства.

— Я защищалась, — тихо ответила я, ковыряясь в каше.

Вряд ли его интересует мой мотив, а вот потерянное наследство — это да, это трагедия. Главное, чтобы он не успел выдать меня замуж до того, как я узнаю, где настоящая леди Арманд, и как мне вернуться домой.

— Ты смеешь со мной пререкаться? — Увесистый кулак ударил по столу так, что даже моя каша бодро выскочила из тарелки.

— Нет, — общаться с кем-либо здесь — это как ходить по минному полю. Вроде, совсем безобидные слова и фразы вызывают какую-то невероятно бурную реакцию. Ну и что, что без наследства от третьего мужа. От двух других, вроде как, наследство есть.

Я уже набрала воздуха в рот, чтобы продолжить, как стол с едой буквально взорвался. Блюда разлетелись по сторонам, стол, опрокинутый отцом, валялся на боку. Лишь мачеха с сыновьями как ни в чем не бывало, продолжали сидеть, пока отец грозно возвышался надо мной.

— Неблагодарная дрянь, — он поднял меня за плечи и встряхнул со всей силы, — надо было вначале ноги раздвинуть, а потом бросаться на людей. Сейчас тебя никто замуж не возьмёт! Одни несчастья приносишь семье и мужьям, так ты даже неспособна на то, что делает любая портовая потаскуха. Честь у неё проснулась! Ты никто для чести! Без мужа — никто!

Меня поставили на ноги. Я почти успела перевести дух, как огромный кулак врезался мне в лицо. Я и раньше чувствовала боль в своей жизни. И дралась, и с деревьев падала. Однажды делали операцию на руке, но ошиблись с местом анестезии, а вторую давать уже было нельзя. Но тогда я понимала, что это скоро закончится и что так надо, а не так как сейчас.

За что?

Я лежала на полу, глотая воздух. Зрение помутнело, голова гудела от боли. Отдышаться никак не удавалось.

Только-только начало всё проясняться перед глазами. Я даже успела заметить скучающие гримасы братьев и непрониновенное лицо мачехи, как прилетел новый удар. В живот. С ноги.

Второй удар прилетел в грудь, отчего я закашлялась кровью. А вот это нехорошо. Кажется, мне не придётся мучиться в поисках дороги домой. Я просто не доживу до этого.

Неужели все так и будут просто смотреть? Понимаю, мужчина здесь главный, но не до такой ведь степени.

Я не знаю, сколько провалялась на полу, путаясь укрыться от ударов, пока не отключилась. Последнее, что я запомнила, это странный блеск в глазах мачехи.

В первый раз я очнулась лёжа все в той же столовой. Всего на несколько секунд. Семейство, естественно, уже ушло, на смену пришли горничные, которые отмывали пол, бросая на меня быстрые взгляды.

Второй раз я пришла в себя от ощущения, что меня кто-то поднимает. Кажется, уже зажгли свечи. Меня кто-то вёл по незнакомым коридорам, облокотив на себя и поддерживая каждый раз, когда я падала.

Даже, если бы и хотела посмотреть на того, кто мне помогает, не получилось бы. Один глаз совсем отёк, а голова чересчур кружилась, чтобы лишний раз ею двигать. Обволакивающий аромат фиалок ещё больше усугублял неприятное чувство.

В третий раз я очнулась уже на своей кровати.

Платье всё ещё было на мне. Лежать было твёрдо и больно, но повернуться не было сил вообще.

Открывать один глаз не было возможности. Я лишь почувствовала чьё-то присутствие с тем же самым запахом фиалок, а потом к моему лбу приложили что-то холодное, отчего молотки, бьющие набатом в голове, стали стихать.

Я проваливалась в забытие и выныривала обратно, захватываемая болезненными ощущениями во всём теле. Иногда я просыпалась в темноте, одна. А иногда я ощущала фиалки и заботливые руки, которые промывали лицо или с осторожностью приподнимали голову, чтобы помочь мне сделать пару глотков чего-то травянистого и горького.

Я не знала, сколько прошло времени. Может несколько дней, а может, всего лишь сутки.

В тот раз, когда я пришла в себя и что-то соображала, было всё так же темно. Глаз по-прежнему не открывался, дикое головокружение и боль во всём теле никуда не ушли.

Но я проснулась, вполне осознавая, где я, и что произошло. Поморщившись от резкого движения, в первую очередь проверила, на месте ли тот лист бумаги. Платье с меня никто не снял. Листок был на месте.

С лёгким облегчением, легла обратно, соображая, насколько сейчас безопасно передвигаться, чтобы найти хотя бы пару глотков воды. Пить хотелось невероятно.

За дверью послушались тихие шаги. В этой части коридора была только моя комната. Ночной гость тихо крался именно ко мне, надеюсь, что со стаканом воды. Вряд ли это батюшка пришёл добивать меня. Он бы точно не стал красться в ночи.

— Вы?! — Вслед за слабым огоньком свечи появилась фигура моей мачехи. В нос тут же ударил аромат фиалок, который, кажется, я на всю жизнь запомню не в самом лучшем смысле.

Она молча и как-то привычно прикрыла за собой дверь локтём — во второй руке сжимала кружку.

— Раньше мне казалось, что тебя воспитывают также сурово, как и меня когда-то, — мачеха поставила свечку на стул, а сама села возле меня и принялась поить горьким отваром, — а потом я стала понимать, что всё совсем не так. Иногда ты пропадала на несколько дней, а то и недель, — напоив отваром, она зашла за ширму, откуда донёсся легкий всплеск воды, — твой батюшка говорил, что ты проводишь дни в молитвах. Ела

постоянно в этой спальне, в свет не выходила.

Прохладная тряпка опустилась мне на лоб, принося блаженное расслабление.

— Я не дура, видела, что происходило. Но считала это нормальным, будто так и должно быть. У меня не было матери, а отец так же был суров. Осталось двое сыновей, которых воспитывает Геман. Всё казалось таким обычным, — её рука слегка соскользнула, прямо на рассечённую бровь, но она не заметила, а отвернулась, глядя куда-то в пустоту. — Он убьёт тебя, Аделаида. Он не просто суров к тебе, а жесток. Четвёртого мужа мы тебе не найдём. Как вдова и старшая в роде, ты могла бы вступить в наследство своего батюшки, но он не позволит. А я, — она замялась, — я тоже не могу на этой пойти. Ты — женщина. Я не могу позволить чужому мужчине войти в дом твоим мужем и забрать всё. Здесь не только земли твоих предков, но и моих тоже. А Геман... Он не даст тебе жить.

Причин не верить ей у меня не было. Даже сквозь боль я прекрасно осознавала, что жизнью вдовы здесь вряд ли кто-то будет дорожить. По их мнению, женщина способна лишь служить по физиологическому назначению, большей ценности она в себе не несёт.

— Что мне делать? — Я сама не узнала свой голос. Слишком тихий и скрипучий.

Мачеха молчала так долго, что мне начало казаться, что она не услышала моего вопроса.

— У сестры твоей покойной матери было имение. Оно сейчас в запустении, но недалеко от столицы. Я смогу выкрасть немного золота, а ты возьмёшь лишь один сундук. Пропажу кареты заметят, а телега из деревни будет меньше бросаться в глаза. Но, Ада, ты сильно пострадала. Путь в дня два, он будет очень тяжёлым для тебя.

— Я, — во рту так пересохло, что каждое слово давалось с трудом, — я справлюсь.

Мачеха поднялась и замерла напротив меня. Впервые на её лице я видела какие-то эмоции. Ей не очень шло то, как она прикусывала губу, нахмурившись. Для неё это казалось слишком плебейским, что ли. Но теперь я поняла тот блеск, что я видела в столовой в её глазах перед тем, как потерять сознание. Так выглядит самая настоящая человеческая жалость.

Путь на самом деле был адским. Телега, устланная соломой, тряслась как ненормальная, вызывая всё новые приступы боли. Я уже жалела, что не могу просто потерять сознание, а приходится терпеть и чувствовать каждую кочку и каждый камешек всеми своими кровоподтеками.

Когда начинался дождь, у меня даже не было лишних сил, чтобы толком укрыться от холодных капель. А тот мужик, что вёл телегу и постоянно ругался на низкого, горбатого коня, мало заботился о моём комфорте.

Пройти пару метров до кустиков удавалось с большим трудом. Здесь этот мужик уже и на меня покрикивал.

Перед отъездом я спросила у мачехи, не будет ли меня искать батюшка. Та ответила, что ему донесут, что до столицы я не добралась, что будет похоже на правду. А вот с документами к поверенному надо будет зайти, только к самому дешёвому, чтобы сменить фамилию. Взять фамилию покойной тётушки. По завещанию то поместье и так принадлежит мне, надо только полностью вступить в права, а у него уже есть имя, которое может быть моим по праву. А к самому дешёвому поверенному надо зайти для того, чтобы общество обо мне ничего не знало. И слух не долетел до лорда Арманд, что я выжила.

Мы уже подъезжали к огромному городу. К моему счастью, скоро это мучение закончится.

Когда телега подъезжала к таверне, я приложила все усилия, чтобы сесть прямо, а не лежать бревном, как последние два дня пути. Но на нас никто не обратил внимания, а для здешних обывателей, я просто тётка с оплывшим лицом вся грязная и в соломе.

Странно так, в последние несколько дней я с завидной регулярностью попадаю с места на место. Из своей квартиры в замок Тюренн, оттуда в серую келью в замке жестокого отца, а сейчас вот поля и просторы. Аккуратные, выбеленные домики, со скотными дворами и большими огородами за ними., а с другой стороны, через реку, возвышался огромный, яркий город с замком на вершине, как вишенкой на торте.

Только странный лес, затесавшийся между просторной деревней и высокими стенами города, над которым, казалось, сгустились тучи, неуместные в солнечный день, выглядел жутким и неприветливым. Он сразу же и начинался с густых зарослей, пожирающих заросшую дорогу.

— Э-э-э, нет, туда я ни ногой, — сплюнул мужик в сторону леса, останавливая телегу, — дальше сама топай.

— Но мачеха ведь велела довезти меня до столицы, — я не представляла, где и насколько далеко находится то самое имение, и как мне до него дойти с сундуком и не сгинуть, где-нибудь по пути на обочине.

— Вот столица, а вот ты.

— Я не знаю дороги.

Мужик громко и неаккуратно вытащил мой сундук из-под соломы. Опасаясь, что он также скинет и меня, я, стараясь поменьше морщиться от боли, слезла с треклятой телеги и застыла перед жутким лесом. Это там тот самый мой новый дом?

За спиной слышались голоса, лай, даже смех, но мне предстоит ступить в какое-то зловещее место, от которого веяло холодом.

Но, если я не доберусь, мой отец может узнать о том, что я жива.

Эта мысль и придала последних сил.

Шатаюсь, останавливаясь на кратковременные привалы, с выступающими от боли слезами, я всё же дотащила сундук до дома. Он возник внезапно, словно ни откуда. Уже казалось, что моему пути не будет конца, как из густых зарослей лиственных деревьев выступили монументальные колонны и кованая решётка ворот.

Я уже слабо помнила, как вошла в проём без дверей, как бросила сундук у входа, а сама упала на первый же попавшийся диван, подняв облако пыли.

Уже, кажется, темнело. Кажется, я слышала чьи-то голоса. Из-за разбитых окон в комнату задувал пронизывающий ветер. Но моя батарейка села. Мне не хватило сил, чтобы испугаться возможности обрушения сгнившего потолка, или бояться темноты и голосов в ней. Да даже мыши и пауки в тёмном помещении не пугали.

Просто уснула, сжимая кошелек с золотыми монетами и сверток с уже чёрствым хлебом.

Глава 6

Несколько дней спустя

Гомон, царивший на Площади Рыбаков, сбивал с ног. Я же уныло шагала по направлению к выходу из города, старательно избегая зловонных луж возле торговых палаток.

Сама по себе Площадь Рыбаков площадью-то и не являлась. Этакая вытянутая улочка, раскинувшаяся вдоль широченной реки Салимии. По длине пристани пришвартовались с десяток рыбацких лодок, с которых под громогласные крики мужиков сгружали бочки с рыбой в руки портовым грузчикам. Вдали слышались звоны рынды — корабельных колоколов, и смех горожан. Им хорошо, им весело.

Прямо под ноги кто-то вылил мутную воду вперемешку с рыбьей требухой, которая уныло потекла в решетку городской канализации.

В другой день. В другой ситуации я бы с радостью прогулялась по районам города. После современного мегаполиса здесь было по-настоящему сказочно красиво. Но не сегодня.

Я уже успела дважды заблудиться в этих узких лабиринтах улиц, набитых шныряющими людьми. Некоторые из них с нескрываемым любопытством оборачивались на мой вдовый наряд.

Кажется, я вновь заблудилась, в третий раз. Толпа обтекала мою фигуру в чёрном по широкой дуге, но я бы и так не рискнула спросить дорогу до ворот. Не сдержусь и совсем расплачусь.

Покрепче зажав мешок в руках, пыталась сообразить, как я оказалась в этом заросшем переулке, вроде, шла прямо, а оказалась неизвестно где. Из прохожих здесь была лишь стайка мальчишек. Дети более безобидные, нежели взрослые, и у них меньше предрассудков, плюс ко всему, вряд ли они будут задавать мне много вопросов. Только сделала шаг в направлении ребят, как они внезапно бросились врассыпную:

— Чёрная вдова! Чёрная вдова! — Вот тебе и отсутствие предрассудков.

Местная шпана забыла одного своего друга, самого маленького, который растерянно смотрел на моё приближение. На чумазом лице читался не просто страх, а даже ужас. Удивительно, как быстро разносятся слухи, я впервые рискнула выйти в город, а уже такая удручающая слава.

— Малыш, не сможешь найти выход? — Хриплый голос даже мне показался жутким.

— Не иди с ней! — Кричали мальчишки из своих укрытий, — она тебя в проклятый лес заберёт!

— Просто покажи пальчиком, — я улыбнулась мальчику, хотя, из-под чёрной вуали вряд ли он это заметил.

Дрожащий пухлый кулачок с одним оттопыренным пальцем показал мне за спину. Вместо благодарности потрепала мальчика по кудрявой шевелюре и пошла по указанному маршруту.

Сдерживать слёзы стало ещё сложнее. Не день, а проклятие. Да вся моя жизнь превратилась в сплошную полосу адского невезения.

Теперь ещё и люди от меня отворачиваются и стараются обходить стороной. Никогда в жизни не чувствовала себя такой одинокой, как сейчас.

Так, Ада, мы не плачем. Мы сильные, независимые. Нос кверху, спину прямо.

За городскими воротами постройки не заканчивались, только там они уже не стояли сплошной стеной, и были одноэтажными. Некоторые даже имели свои огородики. Но чем дальше, тем кучнее они становились, будто боялись своими уютными деревянными стенами приблизиться к тому самому проклятому лесу с проклятым именем в самом его сердце — усадьбой Найран-Моэр.

Даже издалека при взгляде на песчаную дорогу, затерявшуюся среди лесного массива, тишина усадьбы, казалось, обрушивалась на меня.

В носу в конец защипало. Посильнее вцепившись онемевшими пальцами в свой мешок, направилась напрямик на север, в сторону усадьбы.

Уже в конце каменного моста за стенами города, возле деревянной таверны для рыбаков, заметила какое-то странное сборище, прерывающимся криками собравшихся. Потасовки в таком месте были обычным делом, даже просто для развлечения, за медяшки. Вот только на этот раз возле таверны мирно пощипывали принесенное сено роскошные скакуны, а потасовка состояла из подростков, разодетых до смешного нелепо, но дорого. Дед бы таких назвал «напомаженными шаркунами».

Слезы высохли. В некоем очаровательном отупении я направилась в сторону странного собрания. Подвыпившие рыбаки стояли чуть в стороне, трое «напомаженных шаркунов», за спинами которых возвышались безучастные солдаты с мечами в ножнах, окружили кого-то, кто достаточно громко, но жалобно кричал.

— Разошлись, — тихо, но твердо сказала я.

Скорее, от удивления, а не от моего веса в обществе, но ряженные подростки действительно слегка отступили, предоставляя беспрепятственный вид на унылое зрелище.

Мальчуган лет десяти с явно свежим подбитым носом изо всех сил сдерживал слёзы, стоявшие в глазах. Надо же, прямо как я. Мурзатое лицо выглядело хмурым, даже с намеком на некий вызов всем окружающим. Без обуви, в лоснящихся от грязи штанишках на одной шейке и рубахе, которая явно ему велика.

— Что это? — У ног мальчишек лежало животное в очень плохом состоянии. Один глаз то ли жеребца, то ли теленка заволокло гноем, на теле без шерсти сплошь свежие открытые раны и ссадины. Бедолага лежал, даже голову поднять не мог.

— Я жеребца утром у устья реки нашёл, — малец подумал и добавил: — миледи.

Какая ж я миледи...

— Вы прервали занятное представление, — наконец подал нахальный голос один из ряженных, тот, что с белыми прилизанными волосами и отвратными красными пятнами на лице.

— Не надо, Сэймон, — самый низкий из тройки сделал шаг назад, ближе к охраннику в легких доспехах, что подозрительно пялился на меня, но не мог рассмотреть лицо под черной вуалью.

— Вы, мелкие паршивцы, сургучом на него капали? — Каждому человеку нужна та самая последняя капля. Может, мне не стоило напрямую грубить отпрыскам какого-нибудь лорда, но что со мной могут сделать такого, чего ещё не делали?

На холке жеребца виднелись свежие, жуткие ожоги и сероватый след плавкого сургуча, стекающий по шее, облепленной мухами.

— Вы не имеете право так с нами разговаривать! — Мгновенно возмутились мелкие живодеры.

— То есть, у вас есть право издеваться над животным?

— Я — сын герцога Денрийского! — Все тот же мелкий выскочка.

— Значит, твое наивысшее достижение в этой жизни в том, что ты родился? — Возможно, мне и вправду не следовало так говорить с детьми, — хотя, ты прав. Не твоя вина, что тебя так отвратительно воспитали. Что ты будешь с ним делать? — Спрашивала уже у босого мальчишки.

— Я, — тот растерянно осмотрелся по сторонам, — я хотел попросить медяшку, у нас есть знахарка, но ей едой надобно платить, а у матушки шерсть по дороге разбойники украли, да и не даст она жеребца держать, дорого это...

— Дайте ему медяшки, — почти рывкнула мелким бандитам.

Вместо них их охранники вручили ровно три медяшки босоному спасителю животных. Тот как-то грустно посмотрел на животное, лежащее у его ног, в котором будущий конь рассматривался только при помощи уж очень большой фантазии. По всей видимости, понял, что так или иначе, ему он не сможет его оставить дома.

Я присела на корточки перед окровавленным носом жеребца, положив свой мешок на колени. Жеребенок отвернулся от меня, будто ожидал только самого плохо и просто хотел, чтобы его мучения поскорее закончились.

— Ну, будет, — потянулась рукой в черной перчатке, вытирая ручеек крови на упругой щеке, — пойдешь со мной? Идти сможешь?

— Вы его забираете? — Со слабой надеждой спросил мальчуган.

— Да он сдохнет скоро!

— Этого не случится.

На мои последние слова он все-таки повернулся ко мне, чуть склонив голову.

Выступающие ребра, слабые ноги, куча открытых ран на туловище. А ведь они правы: как я буду лечить жеребенка? И зачем он вообще мне?

Он не мог стоять на передней правой ноге. Поджать под себя тоже не получалось, поэтому жеребец закинул ее на левую и, чуть подпрыгивая, приблизился на трясущихся узловатых ногах ко мне.

— Это я забираю, — вырвала из рук большое яблоко у пухлого соучастника из троицы бандитов.

— А три медяка?

— Оставь себе.

Отходя прочь от таверны, я не видела, что из кареты за мной наблюдают черные глаза.

Лес начал брать нас в кольцо, как только мы с моим новым другом ступили на давно заброшенную дорогу.

Усадьба Найран-Моэр находилась в сорока минутах ходьбы от таверны, но с раненым и истощенным другом мы добирались почти два часа. По крайней мере, так казалось. Здесь было абсолютно безлюдно. Никто давно не заходил в эту чащу.

Я не знала, куда вела заросшая дорога. По ощущениям, она просто обрывалась сразу же за усадьбой.

Одна створка кованых ворот покосилась, а вторая и вовсе стояла рядом, прислоненная к каменному столбу.

— Вот мы и пришли, — вздохнула я, рассматривая довольно унылое зрелище. Впрочем, как и наша парочка.

Вероятно, когда-то эта усадьба процветала. Я не успела обойти все свои новые владения. Но заросший, недействующий фонтан перед входом, высокие угловые эркеры с некогда мозаичным остеклением говорили именно о богатстве прежних владельцев. Такую готическую махину из темного камня еще построить надо.

Сейчас же половина стекол выбита. В холе, где находится когда-то величественная лестница из тёмного дерева, пол устлан черно-белой плиткой в шахматном порядке. Сейчас там мирно покоятся залежи сухих листьев и громадная люстра в углу. Из мебели мало чего осталось. В основном все, что могло быть разбито — разбито. Все что могло быть сломано — сломано. Ну, может, на кухне уцелело что-то кроме громадного рабочего стола посреди.

Жеребец похромал за мной напрямиком через холл, гостиную, ещё какую-то гостиную, по крайней мере, диваны с листиками на них и покосившиеся картины говорили об этом, напрямиком на кухню.

Я со злостью сорвала с себя шляпку с вуалью, которая больше скрывала мои синяки и кровоподтеки на лице, нежели была моей данью памяти скоропалительно скончавшемуся супругу, и швырнула её в глубокую раковину, где кто-то из пернатых уже свил гнездо.

Слезы подступали более агрессивно.

Достала из своего мешка медный сотейник водрузила его на громадную плиту. Прямо как корону на пьедестал.

— Я хотела купить кастрюлю и еды, — зачем-то начала объясняться с жеребцом, шмыгнув носом, — и еще по мелочи. Купила этот дурацкий сотейник, на дурацком рынке, а дурацкие карманники стащили все мои дурацкие деньги.

Ноги уже не держали, и я просто плюхнулась на грязный пол, некрасиво рускниув ноги, давая волю слезам.

Жеребец тоже лег, положив голову мне на колено. Явно устал, бедненький, пока мы сюда добирались.

— Я не знаю, как я буду тебя кормить и лечи-и-ить, у меня ничего не-е-ет, — яблоко я ему скормила еще по пути сюда.

Я плакала и не могла остановиться, плакала навзрыд. Наверное, впервые за все то время, как я здесь оказалась. Наверное, я, наконец, поняла, что влипла по-настоящему, и помощи ждать неоткуда.

Глава 7

— Что же мне с тобой делать, дружище? — Слезы высохли.

Мой новый друг задремал, положив голову мне на колени. Его тело было покрыто колотыми и рваными ранами, а он лежал на грязном полу, к тому же холодном и сыром.

Осторожно приподняв голову, чтобы не прервать и без того тревожный сон жеребёнка, пошла откапывать сокровища из своего сундука. За эти два дня, которые я почти всё время провела в старом читальном зале, наполненными ветхими и испорченными книгами, я так и не удосужилась исследовать дом полностью. Или прибраться хотя бы в одной комнате. Или, на худой конец, поискать свечей. Каждый раз с наступлением сумерек приходил иррациональный страх темноты. Но, к счастью, мой измученный организм принимал верное решение засыпать без задних ног.

Зато нашла колодец и яблоню, когда искала туалет. Его я тоже нашла.

В сундуке у меня было несколько чистых нижних платяев из льна. Мне столько сейчас точно не к чему, а на бинты сгодиться. Мои вещи в спешке собирала Тита, которая зачем-то положила два ну уж очень пышных и помпезных наряда. Наверное, у бедной девушки случился бы приступ, если бы узнала, что я планирую их использовать для подстилки.

С ворохом своего добра вернулась на кухню. Выбор комнаты был не таким уж и плохим: все окна на месте, двери — тоже, а пол и столешницы я сейчас быстро уберу. Веника, естественно, не было, зато в гостиной висела очень хорошая, ветхая штора. То, что надо для тряпок.

— Так, дружок, скоро совсем стемнеет, — я исследовала шкафчики в поисках полезностей для розжига открытой печи, — мне надо тебе кучу воды вскипятить, — все полки были в основном пусты, лишь иногда попадались какие-то горшки с непонятным порошком, предназначение которых проверять я не намерена, — а здесь что у нас?

Один горшок оказался достаточно увесистым, я его чуть не выронила от неожиданности. Внутри была застывшая почти до окаменения янтарная масса.

— Бинго! — Раненный жеребёнок восторженно встретил мой вскрик, — это же мёд! Единственный продукт, который не портится, но самое главное у него что-о-о? — Мой приятель смотрел на меня грустными глазами, пока я всерьёз ожидала от него ответа, — правильно! Это природный антисептик!

Когда в одной из выдвижных ящиков мне удалось найти кремний и кресало. Любой, кто изучал историю огнестрельного оружия, знает и про огниво. А я ещё жалела, что стала криминалистом, знала бы, что попаду в такую историю, меньше прогуливала бы занятия по истории. Я уже боялась, что придётся тереть палочкой о брёвнышко для розжига. Это у меня точно не увенчалось бы успехом.

— Дров бы где найти, — я стояла у огромного стола посреди кухни, уперев руки в боки, оглядывая помещение, будто в углу действительно завалилась стопка дров, а я это пропустила, но на этом моё везение, кажется, закончилось.

Жечь мебель было опасно. Мало ли чем её обрабатывали, и какие пары состав будет выпускать при сжигании. А всё, что под руку попадалось, как назло было отполировано и явно чем-то пропитано и покрыто.

Я уже заканчивала беглое исследование первого этажа, но ни в разрушенной столовой,

ни в огромном зале с кучей стульев и покосившимися картинами, ни даже в случайно обнаруженной мной оранжереи не оказалось ничего подходящего.

— Смотри, приятель! Нашла ведро, и оно целое, а не такое, как возле колодца было, — вместе с сотеиником это уже сокровище.

Может, рискнуть? Табуретки, сваленные друг на друга в углу, выглядят достаточно просто. Даже почти не сырые.

Сейчас очень не хватало самого обычно спортивного костюма. Ломать мебель в платье, бегать с поднятыми юбками за книгами для розжига и водой — такое себе удовольствие.

Печь весело разжигалась, прогоняя тени из углов. Смахнув прилипшую от пота прядку волос со лба, я уже закончила мыть почти неподъемный казан.

— А ты спрашивал, почему я так ведру обрадовалась, — пыхтя, я наливала третье ведро в подвешенный на вертел казан, надеюсь, не рухнет, — дырявым воду таскать в эту махину — это до утра не справиться.

Кухня была огромной, у меня хватило сил вычистить лишь наш угол, куда на свои мягкие платья и вновь уложила раненного жеребёнка. Кажется, я слышала вздох облегчения, когда он ощутил мягкую подстилку под собой вместо твёрдой плитки.

Раны выглядели странно: колотые с рваными бороздами. Такое чувство, что его на крюках подвешивали. Некоторые были достаточно старые, но многие совсем свежие. Но некроза я нигде не нашла, что было хорошо. Промыв первую, я начала наносить растопленный на водяной бане мёд, как жеребёнок тут же подскочил и даже попытался меня укусить.

— Ну, тише-тише, — дула на опасную рану, уже смазанную мёдом, — я знаю, что больно, знаю, что горячо, но надо потерпеть.

Когда я уже закончила с перевязкой и вычистила раненный глаз жеребёнка, почти совсем стемнело. Пришлось подкинуть ещё стульев, чтобы наш очаг не погас. Заглядывать в темный дверной проём, ведущий в жилую часть особняка, было жутко. Казалось, что на меня кто-то смотрит из темноты, а из разбитых окон долетал шум леса, похожий на шёпот. Я даже обрадовалась, что первые деньки в одиночестве здесь я провела почти в бессознательном состоянии.

— Давай ногу твою посмотрим, — я не ветеринар, конечно, но болит у всех одинаково. Вся нога казалась здоровой, а проблема, скорее всего, в самом копыте, — дружок, тебе придётся подняться и повернуться к свету, уже совсем ничего не видно.

Жеребёнок осознав, что я от него не отстану, не с первой попытки, но все же встал на трясущиеся ноги и покорно терпел все мои манипуляции, уже не закидывал свою ногу на правую.

— Сколько же здесь гноя, малыш, как ты это себе вогнал-то?

Щипцов, чтобы вытащить железный пруттик не было. Он вогнался в то место, где нога переходит в твёрдый нарост копыта почти до самого основания, пальцами подхватить кончик никак не удавалось, а у жеребёнка уже заканчивались силы стоять.

— Потерпи ещё чуть-чуть, пожалуйста, — пальцами нащупала, где заканчивается воспаление, и надавила. Продвигая вперёд.

Малыш жалобно заржал, подпрыгнув от боли, но я держала его крепко, не позволяя вырваться:

— Совсем немного, — кончик вместе с гноем немного вылез из раны, зато сейчас удалось схватиться и вытащить его резким движением.

Обессиленный жеребёнок свалился обратно на свою кровать. Но уже спокойно терпел, пока я пыталась избавиться от остатков гноя и промывала рану.

Пока мой друг вяло пил кипяченую воду, я смотрела на огромную, низкую луну через окно, облокотившись о столешницу.

Раньше я никогда не задумывалась о еде. Да, порой приходилось затягивать пояса, но это означало, что вместо стейков и куриного филе каждый день я буду есть что-то попроще типа каш и яиц. Но ни разу в жизни не было такой ситуации, что еды нет совсем. Ладно, даже в самые голодные студенческие дни всегда были масло, соль и картофель.

А сейчас пара несчастных яблок, найденных на участке, которые мой друг просто проглотил, не жуя. А я и вовсе второй день голодаю, а на мёд аллергия. Жеребёнку надо много есть. Может, травы ему натаскать? Как вообще заготавливают сено? Да какое сено, у меня даже ножа нет, не то что косы. Даже платя на бинты зубами и рукам распускала.

Огород засаживать не вариант, осень. Денег нет. Просить кого-то помощи страшно. Меня за последние дни уже дважды избили, а в нынешнем жёстком патриархате заставят ещё отрабатывать тем способом, который моя бабушка не одобрила бы.

Может, в этом доме есть что-то ценное? А что можно считать ценным? Ткани? Если их не сожрала моль, то можно попробовать. Правда, после обследования первого этажа, надежды на это мало. Мебель? Но я ещё не была у поверенного, чтобы сменить фамилию и заявить свои права. И денег на него нет.

— У тебя, случайно, нет богатых родственников? — Жеребёнок тихо посапывал, лёжа на боку.

Из закрытых глаз вытекала маленькая слезинка. Надо же, не знала, что лошади могут плакать. Хотя, чему я удивляюсь? Дети всегда дети. Ему было страшно, а ещё очень-очень больно. И он хочет есть. И не тогда, когда нам повезёт, а уже сейчас. И мне тоже нужна еда, иначе долго не протянем.

Опять выглянула на улицу. Лунный свет заливал запущенный сад с неубранными дорожками, за которым стеной возвышался непроходимый лес. Даже здесь, в освещенной комнате с живым существом, пусть и маленьким, находиться было дико страшно, идти в другую часть дома смелости не хватало совсем, хоть я и не слабонервный человек, но при мысли о том, что надо выйти сейчас на улицу, у меня ноги подкашивались от страха.

Опять посмотрела на спящего малыша с короткой гривой. Крупная слеза упала на изумрудную ткань, оставив тёмный след.

И я решилась.

Тихо, чтобы не разбудить малыша, расшатала и отломала длинную ножку от высокого столика. Пока поджигался конец палки, дыма повалило очень много, но уже неважно, чем пропитывали эту мебель, всё равно идти на улицу.

В лес.

Глава 8

Ветхий дом принял в свои тёмные объятия пугающими звуками. Света от моего недофакела было мало, но зато он был. Каждый раз казалось, что из-за тёмного угла на меня кто-нибудь выпрыгнет.

Встряхнула себя эту ересь. Кому надо сюда ходить? Люди это место избегают за километр, даже огромный извозчик ни в какую не хотел хотя бы приближаться к поместью. Призраки? Даже, если они существуют, что они могут сделать? Напугать? Страх пережить можно.

На улице было чуть посветлее, но всё равно двор казался чужим и недружелюбным. Вроде лес, а звуков животных или стрекотания цикад не слышно. Вот зачем я подумала про животных? Теперь кажется, что из-за каждого угла на меня смотрят волчьи глаза.

Так, Ада, мы и не такое проходили. Вот в школе на выпускном когда перебрала с алкоголем, вот тогда страшно было возвращаться домой и попадаться папе на глаза в состоянии нестояния. А сейчас что? Волки бы уже выли. Людей в округе нет, так что смелее!

Я уже добралась до ворот, точнее, до одной вороты, как остановилась, заледенев.

Мне точно не послышалось. Меня кто-то позвал по имени.

Обернулась на дом. В лунном свете он выглядел совсем жутко. Огромная, чёрная махина упиралась в небо высокими, стрельчатыми башнями. Голые, без листьев деревья вокруг протягивали к нему свои когтистые лапы, будто пытаясь добраться до тепла от огня, который сейчас греет моего спящего друга.

Но ни звука. То есть, никого нет. Просто послышалось от страха.

— Соберись, — я пыталась дышать глубоко и размеренно, — соберись. Соберись. Ты большая девочка, ты справишься.

Дорога к деревне казалась бесконечной. Я и так очень устала за день, следы от побоев ещё болели, а холодная вода, тяжелые ведра и беготня не придавали сил, вот нужна мне была эта авантюра?

Ну да, нужна.

— Да, чтоб тебя! — Факел погас.

Сколько бы не дула на эту треклятую палку, он никак не хотел заново разгораться. Дорога в ночи была еле различимой. Кроны деревьев не пропускали лунный свет от слова совсем.

Сначала хотела от злости выбросить чёртов факел, но потом передумала. Если кто нападёт, надо же будет чем-то защищаться.

Деревня показалась резко: я буквально вывалилась из тесного леса на поля. Какое же облегчение услышать звук жизни, я никогда раньше об этом не задумывалась. Даже дышать стало легче.

С наслаждением вдыхая ночной, по-осеннему свежий воздух, подставила лицо играющему с травой ветру.

У меня есть одна глупая привычка — в стрессовых ситуациях хихикать или и вовсе смеяться. Обычно по долгу службы в самых невероятных ситуациях приходилось держать лицо «кирпичом», но в самой неподходящий момент эмоции находили весьма интересный способ выхода наружу, делая неподходящий момент ещё и неловким.

Как-то раз был вызов в деревенскую избу, где прогремел взрыв. Когда мы приехали, всё уже, естественно, потушили, завалы выгребли, тех кого можно было спасти — спасли. Как выяснилось, один местный «умелец» за бутылку горькой устанавливал газовые баллоны всем жителям. Выходило дешевле, чем платить пожарным.

Того самого умельца нашли припечатанного тяжёлой дверью, вылетевшей из-за взрыва. Зрелище было не просто жуткое, а ненормальное. И вот именно в этот момент, под вой соседок причитания друзей и родных прямо как в мультике, тяжелая дверь медленно отлепилась от стены и рухнула на пол, открывая картину, от которой стошнило даже ветеранов.

Что сделала я? Правильно, хрюкнула в попытках сдержать смех, хоть смешно мне и не было вовсе.

К чему это я? Ах да, моё хихикание в ночной тишине казалось таким же неуместным, но я это не контролировала. Ну на самом деле на что я рассчитываю сейчас? Что мне тут же откроют двери и накормят, вдобавок дадут овса для малыша? Смех и только. Ко мне с добром отнеслась только мачеха, и то, это добро заключалось в том, что она убрала меня из моего же дома. А до этого дважды обошлись жестоко настолько, что даже сейчас если кто меня увидит со сна, подушкой не отмахается от такого кошмара.

К чёрту людей и этот мир. Я никому ничего больше не должна. Мне ничего не дают, значит, возьму сама.

Сжав зубы, я сошла с дороги и двинулась в сторону ближайшего домика, в котором не горел свет.

Я никогда в жизни не брала чужого, но я никогда в жизни и не попадала в такие истории. Совесть даже не пыталась остановить от кражи.

Кажется, собаки нет. Что бы ни происходило, но животное даже ради еды я не смогу ударить.

В дом, естественно, я не полезу, но, может, в деревянных сарайчиках хранят овощи? Домик совсем крошечный, должен же быть погреб или что-то вроде того. В самом дворике было много мелочей, которые сейчас казались мне сокровищами: чугушки, миски, глиняные кувшины, даже небольшой топорик! Вот он мне не помешает.

Стараясь не наделать шума, я аккуратно вытащила его из пня. Как на зло чего-то питательного не было. И да, я действительно рассчитывала найти что-нибудь прямо на улице.

Я уже подходила к сарайчикам, как услышала рыкающий звук.

Волки!

С палкой в одной руке и топором в другой, приготовилась защищаться. Неважно, что подумают люди, которые выйдут на шум, но без добычи я отсюда не уйду. Шум доносился из-за низкой пристройки к сарайчикам, похожий на курятник. Крадущимся шагом я приближалась к чьему-то пыхтению. Но это оказалась собака, сжимающая уже неживую курицу за шею. Кажется, она удивилась мне не меньше, чем я ей.

— Медленно, без резких движений положи курицу на землю и убирайся отсюда, — приказала я шёпотом, пригрозив топориком.

Пёс, глядя мне в глаза, на самом деле аккуратно выпустил из пасти бедную курочку, и, двигаясь задним ходом, поспешил убрать из моих глаз. Судя по туше и шерсти, пёс не голодал. У соседки моей бабушки тоже была собака, которая душила кур чисто из охотничьего интереса, а не от голода. Так что вряд ли я отобрала пищу у ещё одного

голодающего.

С трясущимся от адреналина сердцем, подняла окровавленную тушку и прижала её к себе. Эту добычу я буквально вырвала из пасти зверя! Если доживу до старости, буду внукам рассказывать, что пёс был огромным. Буквально собака Баскервилей!

— Кто здесь? — Густой бас раздался, как гром среди ясного неба.

Свою цыпочку никому не отдам!

Быстро побежала в сторону леса, спотыкаясь и пригибаясь, пока хозяин пострадавшей не схватил на руку.

Горло душил смех. Надо же! Мёд, топор, курица — это точно удача! Я почти рассмеялась, проносясь по ночным полям, но в очередной раз споткнулась обо что-то твёрдое.

Падение было болезненным. Выбирая, что уронить, я выбрала топор. Курица — слишком ценная ноша. Кряхтя, приподнялась на локте, чтобы посмотреть, что остановило мой побег, и тут же рухнула обратно, расхохотавшись от души. Тыква!

Уже было плевать на поднявшийся лай в ответ на мой смех. Тыква была огромной. Слишком большой, чтобы унести на одной руке, но я справлюсь. Сундук же дотащила. Да я в полнолуние по проклятому лесу прошла в одиночку, с тыквой не справлюсь, что ли?

Всё же маленькие победы нужны для поднятия духа. Кажется, даже страха не было, когда я возвращалась обратно. А круглая тыква вполне себе хорошо катилась.

— Дружочек, ты чего не спишь? — Жеребёнок стоял на улице возле ступенек, чуть пошатываясь и с тревогой вглядываясь в моё лицо. Вполне возможно, что насчёт тревоги мне всего лишь показалось, приятно думать, что здесь за тебя хоть кто-то переживает, — смотри, что я нам раздобыла.

Мальш, всё так же поджав переднюю ногу, приковывал ко мне и уткнулся лбом в живот.

— Ты думал, я тебя бросила? Ты же мой единственный друг, а друзей не бросают, пошли в дом. Нам еще курицу учиться ощипывать.

Глава 9

Солнечные лучи злодейски проникли сквозь мутное окно, прерывая сытный сон.

Я сладко потянулась, лёжа на тёплом ложе из роскошных платьев. Очаг давно погас, но спать с новым другом под боком было очень и очень тепло. Из раковины выпорхнула птичка и тоже весьма довольно зевнула. Вчера и ей перепала тыковка.

Пока не проснулся жеребёнок, быстро сделала свои девчачьи утренние делишки, и поставила кипятиться воду.

— Надо дать тебе имя, — мой друг уже жевал утреннюю тыкву, пока я его перебинтовывала. Сегодня он выглядел значительно лучше, раны быстро затягивались. Неужели хорошая еда и всего одна ночь в чистоте дали такой грандиозный результат?

Жуя остывшее отварное куриное крылышко, пошла, наконец, осматривать свои новые владения.

Днём особняк не был уже таким зловещим, просто обычный дом, за которым уже много лет никто не ухаживал. Комната, перед кухней, которую я приняла за очередную гостиную, оказалась столовой. Только сейчас заметила длинный стол, лежащий на боку у стены, прикрытый пыльной тканью.

Немного попрыгав от усилий, мне удалось поставить его на ножки и передвинуть в центр комнаты. А он красив. На отполированной тёмной поверхности виднелись какие-то узоры, переплетающиеся с бутонами роз. Это, какого качества делали мебель, если она вся сохранилась настолько идеально? Ничего не отваливалось, не треснуло. Здесь гораздо больше сохранившейся мебели, чем мне показалось вначале.

Даже стулья, обтянутые тканью, сохранились полностью. Только очень грязные, видимо, из-за постоянных сквозняков, ткань, защищающую мебель от пыли, просто сдуло, плюс сырость и залетевшие сухие листья вот и получилось, что вместо насыщенной синей обшивки мы имеем то, что требует тройной химчистки.

У стен стояли буфеты, в некоторых даже сохранилась посуда. Насколько местные жители боялись этой усадьбы, что даже мародеры обошли её стороной?

Картины на стенах представляли собой печальное зрелище: вся краска почернела настолько, что некоторые изображения были едва различимы. Богатые рамы тоже потемнели. Некоторые криво, даже печально повисли, некоторые и вовсе валялись на полу, оставив выцветшие следы на стене, где они когда-то радовали глаз.

Гостиная, где я провела в бессознательном состоянии свои первые дни здесь, выглядела гораздо хуже. В отличие от столовой, в ней отсутствовала половина окон. Осколки были погребены под горами гнилых листьев.

Здесь была куча диванчиков, кресел и журнальных столиков, которые сейчас грудой возвышались в углу. Некоторую мебель уже можно только в топку, всё-таки годы в сырости она не пережила.

А вот холл с огромной лестницей был пустым, не считая люстры и всё тех же листьев. Остальная часть первого этажа выглядела такой же удручающей, особенно оранжерея. Здесь уже давно зажила своей жизнью местная флора. Трава, сорняки и кусты росли отовсюду, несмотря на то, что на улице газон уже отживал свои последние деньки под солнцем. Посреди оранжереи, прямо под свод высокого эркера возвышалось увядшее дерево.

Наверное, когда-то тратили очень много сил на уход, за всеми растениями здесь. Сейчас же даже не было видно, какого цвета плитка, покрывающая клумбы и пол.

Самое интересное начиналось на втором этаже. Эта часть дома выглядела чище, но такой же тёмной, даже мрачной. Тот, кто проектировал этот особняк, явно предпочитал мрачные оттенки и готический стиль: тёмное бордовое дерево, обои бордовые или изумрудные, но такие же тёмные, только золотистые вензеля немного спасали ситуацию, такие же почерневшие портреты, украшенные густой паутиной.

Здесь армия уборщиц потерпит поражение, а у меня даже веника нет. Как же не хватает старого доброго пылесоса.

За первой же дверью была небольшая комнатка с мебелью под белыми простынями. Хоть окна целы. Изумрудные стены, тёмный паркет, несколько полок с вазами и статуэтками покрытыми пылью и странный клавишный инструмент, напоминающий одновременно и уменьшенный рояль и клавесин.

Все комнаты были похожи друг на друга: спальни, даже кабинеты — все они выглядели так, будто кто-то оставлял их в спешке. На столе в самом большом кабинете, под слоем пыли лежали бумаги, будто над ними прямо перед уходом кто-то кропотливо работал. Некоторые книги лежали стопкой на низком столике возле кресла перед камином, отделанным тёмно-синей плиткой. В отличие от книг на первом этаже, эти сохранились неплохо, только деформированные. У некоторых расплылись чернила, но сами обложки остались целыми.

Но самое большое впечатление на меня произвела находка в одной из самых больших и красивых спален.

— Не может быть, — за одной из дверей скрывалась ванная комната.

Самая обычная ванная комната, обделанная лазурной плиткой, а в центре на львиных лапах стояла белая ванна. И здесь были краны. Неужели здесь есть водопровод?

Я так ломанулась к этому подарку небес, что едва не снесла напольную вазу с засохшими до черноты розами, которые смотрелись дико в этих нежных, даже девчачьих тонах.

Как только я крутанула один из вентиляй, весь дом немедленно содрогнулся от дикого скрежета в стенах. Но вода не потекла. Так, ладно, закроем лучше, ещё дом рухнет.

Как только шум прекратился, я чётко услышала топот ног за спиной.

С дико бьющимся сердцем быстро обернулась, но, естественно, никого не было. Сразу вспомнилось, как мне показалось, будто кто-то позвал меня по имени ночью.

Звук шагов исчез. Тишина дома прерывалась только моим тяжёлым дыханием. Но не причудилось же мне!

Я быстро пробежалась по всему второму этажу, но никого не обнаружила. Уже собралась спускаться вниз, как остановилась перед гобеленом на стене, который раньше не заметила. За ним была лестница, ведущая на чердак.

Пробравшись сквозь вездесущую паутину, я ввалилась в полумрак помещения, заваленного сундуками и коробками. В кабинете, в спальнях я не нашла ничего ценного, хоть и просмотрела все полки и выдвижные ящики в спешке. Но за ценное я считала монеты и только их.

Я не знала, есть ли скупщики в этом городе, можно ли им продать вазы и прочее, а монеты — это беспроегранный вариант. Но нигде ничего не осталось. Даже в хозяйских спальнях было много съеденной молью ветхой одежды, а украшений — нет. Видимо, бывшие хозяева всё же вынесли самое ценное.

Находка в первом же попавшемся сундуке заставила меня вскрикнуть от восторга. Нет, не деньги и драгоценности, но сухая и целая одежда! Целый ворох рубашек и штанов! Я, наконец, могу переодеть свой грязный вдовый наряд во что-то чистое и удобное!

Во втором сундуке тоже была мужская одежда, но кепы и куртки. Простые без излишеств, но целые. Видимо, эти мешочки с какой-то травой внутри служили влагопоглотителями и защитой против моли.

В других сундуках лежало то, что не представляло для меня интереса: рулоны бумаги, угольки. Какие-то инструменты, отрезки простой ткани, а в некоторых и вовсе хлам, предназначение которого было для меня загадкой.

Внезапно снизу послышалась какая-то возня, прерываемая ржанием жеребёнка.

Прихватив одежду, побежала спасать своего друга, с кем бы он ни сражался.

Сотейник с отварной курицей был скинут на пол, половины тыквы тоже пострадала, мало того. Что она упала на плиточный пол, так ещё и обидно разбилась на маленькие кусочки, которые сейчас спокойно жевал жеребёнок.

А вот косточки и куриная голова исчезли.

— Только не говори, что здесь крысы, — жеребёнок, естественно, не ответил, странно, что я ещё удивляюсь наличию здесь мерзких жильцов. Слышала ведь звуки по ночам.

Я всегда считала, что там, где бедность, там же и грязь. За почти десять службы криминалистом приходилось часто выезжать на вызовы в не самые благополучные семьи. И везде, где люди остро нуждались в средствах, было невероятно грязно, неопрятно, даже омерзительно.

Да, пенсионеры, например, тоже испытывали недостаток средств, но они умудрялись поддерживать опрятный вид своих домов, и я искренне считала, что именно это спасало их от бытовых преступлений.

А значит что? Правильно! Будем наводить здесь порядок. Хотя бы в той части, где мы обосновались с моим новым другом, который сейчас сытый со свежей перевязкой вернулся на свой лежак.

Кухня была большой, с целыми окнами и дверьми и источником тепла — не зря выбрала. Но почти всё помещение было заполнено мебелью и целой и не очень.

Всю рухлядь я вынесла в чулан за кухней. Что-то пригодится для нашей печи, а что-то будет давать слишком едкий дым. Так или иначе, пусть здесь побудет, нечего место занимать.

На втором этаже я заприметила две комнатки, в которых кровати были гораздо уже, чем в остальных. Нет, переселяться туда я пока не собираюсь. Просто замёрзну от холода и ужаса по ночам, и любителя тыквы как-то не могу пока оставить одного. Вдвоём бояться как-то не так страшно.

Быстро переодевшись в мужскую одежду, пошла наверх, стаскивать матрасы из детских комнат.

Вот же странное состояние. На первом разрушенном этаже я чувствовала себя гораздо спокойнее, чем здесь, где всё цело и всё на местах. Даже сейчас, поднимая простыню с многолетней пылью, меня не покидало ощущение, что я что-то ворую, причём при свидетелях.

Я готова была поклясться, что мне в спину упирается чей-то взгляд, но каждый раз оборачиваясь, видела лишь пустующие много лет комнаты.

Спустить тяжелые матрасы не составило труда: просто дотащить до лестницы и дать волшебного ускорения ногой, а там они уже сами весьма бодро вылетали на улицы сквозь отсутствующие двери. Пусть постоят, проветрятся.

После уборки кухни и столовой, в которой, кстати, обнаружили выдвигающиеся двери в гостиную, и перекуса куриной спинкой, передо мной стала невыполнимая задача: стирка. Все простыни, которые я вытащила на улицу, платя в крови и меду, да и мой вдовый наряд, это, конечно хорошо, но как стирать? Не в ванной ведь на втором этаже, я даже не знаю, работает ли там слив.

— Есть идеи? — Я сидела на ступеньках, откусив гнилую часть яблоко и выплюнув её совсем не как леди, как подошёл жеребёнок, изредка несмело ставя правую ногу на землю, но тут же её поджимая, — стирать умеешь?

Он доверчиво положил свою голову мне на плечо, двигая носом, вымазанном в тыкве, в поисках сладкого аромата.

— Ты хочешь, чтобы я тебя погладила, или нос об меня вытираешь? — Со смехом скормила ему яблоко. День начинал близиться к вечеру, я дико устала, хотела есть, но растягивала курицу, чтобы хватило подольше, а сейчас было так хорошо... В смысле сидеть возле сада, в которой осень явно поспешила прийти, грызть очередное яблоко, разделяя его с существом, которому я нужна, но на которого огромная тыква ушла почти за день. — С такими успехами мы всю деревню объедем. Что думаешь, насчёт того фонтана?

Вряд ли жеребёнок понял, что я от него хочу, показывая на один из трёх фонтанов, что поменьше, но он достаточно заинтересованно проследил в том направлении, куда я указывала.

А что? Мысль неплохая.

Немного повозившись с чисткой и мытьём фонтана, заткнула там слив и вывалила всю кучу одежды вместе, не разбирая, где белое, где чёрное, а где цветное.

Интересно, как бы на меня посмотрели местные жители, наблюдая за тем, как я оскверняю садовое творение, наполняя его уже пятым ведром воды для стирки.

Тыковка, то есть, жеребёнок, который уже доел свою тыковку, прихрамывая, следовал за мной по пятам от колодца к фонтану и обратно. Ему бы ещё лежать, восстанавливаться. Наверное, не зря говорят про лошадиную выносливость. Я уже в ногах путаюсь, а он всё ходит за мной. Скучно малышу одному лежать в готическом монстре, а тут я ему истории и байки травлю.

— Кажется, в своём плане я кое-чего не учла, — при первой же попытке поднять мокрую простынь, я чуть спину себе не сломала. Тяжёлая, зараза.

Тыковка с интересом наблюдал, как я, разувшись и подложив широкие штанины, перелезла через бортик фонтана, и принялась топтаться по мокрому белью в холодной воде. Малыш неуклюже попытался перелезть за мной, но споткнулся и упал носом в холодную воду.

— Вот он — мамкин помощник, — Тыковка, поднявшись с моей помощью, возмущенно отфыркивался от воды, но тут же принялся повторять топающие движения ногами за мной. Но только задними, — а сейчас вспоминаем Челентано и правой!левой! Правой-левой! А теперь тушим окурок правой ногой, а теперь левой!

Если бы знала, топтаться с лошадьё в уже грязной луже это так весело! Я даже поймала какой-то кураж и уже совсем бросилась в пляс. При очередном повороте я резко замерла...

Готова поклясться, что только что в одном из окон второго этажа я видела женщину.

Моргнула, и она исчезла.

Тыковка боднул меня в живот, требуя продолжения веселья, но я не могла сдвинуться с места.

Да. Меня били по голове, да, я не доедаю, да, мой левый глаз всё ещё не до конца открывается, но это не галлюцинация. Я её видела. И видела её перекошенное от злости лицо, которое пробирало до мурашек.

— Хватит на сегодня стирки, малыш.

Уже ночью, лёжа на мягком матрасе, греясь в тепле открытой печи, относительная сытая и довольная спокойным сном Тыковки, я всё задавалась вопросом: а хорошо ли я осмотрела дом?

После того, как отжала бельё, что забрало почти последние силы, я ещё раз пробежалась по второму этажу, пока солнце окончательно не село. Да, было страшно, да, жутко не хотелось, но всё же... Кого я видела в окне? Случайная прохожая? Точно не жительница, этот дом до нашего с Тыковкой пришествия был явно нежилым. Помимо птички в раковине, естественно. Ах, и да, крыс.

Но что меня ещё больше насторожило, что лишало сна на эту ночь, так это сам дом. Да, он изначально был жутким, но только вечером я заметила одну очень большую нестыковку: снаружи эркерных башен было три. Одна это гостиная на первом этаже и хозяйская спальня на втором, и просто угол на чердаке. Вторая башня на два этажа занимала оранжерею. Но где третья? Ни утром, ни вечером я не нашла вход в неё. То есть, на первом этаже в многогранные окна упирался небольшой бальный зал, но на втором этаже ничего не было. Просто стена. На чердаке — тоже. Может, та женщина прячется там?

От этой мысли вместо страха пришла злость. Какого вообще чёрта? Это мой дом! Мой и Тыковки. Кто бы ни была та бабища, я её палкой взашей погоню до самого края проклятого леса. Пусть пока прячется, завтра разберусь.

Но вот сон всё не шёл. Не засыпалось как-то при мысли, что в доме есть посторонний, причём неизвестно где.

Может, всё же почудилось?

— Что там? — Мои мысли прервал Тыковка, который резко подорвался и уставился в окно, в черноту ночного леса.

У самой пульс уже в ушах бил, но ничего не смогла разглядеть.

— Тыковка, что там? — От тревоги даже как-то начало подташнивать.

И тут и до меня долетели мужские голоса и ржание лошадей...

Глава 10

Быстро, спотыкаясь от спешки, потушила огонь. Тыковка, верно поняв, что нужно сидеть и не отвечивать, затаился рядом со мной. Сквозь чёрный лес не было видно незваных гостей, и шли они достаточно далеко от поместья. Порой казалось, что я вижу мерцание факелов, но эти вспышки проходили слишком быстро, чтобы понять, эти люди идут к нам или просто проходящие мимо.

Сейчас даже неизвестная женщина отошла на второй план. Её я боялась меньше. Даже начинало казаться, что она мне померещилась. А вот прохожие, которые сейчас перекрикивались вдали, меня пугали по-настоящему. На крайний случай можем спрятаться с Тыковкой в каморке, но любому, кто заглянет на кухню, станет понятно, что совсем недавно здесь кто-то был. Угли ещё горячие.

— *А-а-а-и-и-да-а-а...*

Шёпот раздался из ниоткуда и отовсюду сразу. Тыковка напряженно заворочал головой, издавая фыркающие звуки.

На этот раз мне точно не послышалось.

— *А-а-а-и-и-да-а-а...* — Я чуть не заорала от страха, услышав шёпот прямо над ухом. Пришлось зажать рот кулаком, сдерживая крик.

Если я слышу незнакомцев, они могут услышать и меня. Может, стоило поискать того кто звал меня, но мама с папой ещё с детства говорили, что я умная девочка. Я предпочла спрятать лицо, мокрое от слёз, в загривке Тыковки, который тоже начинал трястись от напряжения.

Может, к чёрту эту усадьбу? Я на такое не подписывалась. Кажется, вчера я говорила, что просто испугаться — не так уж и страшно. Я ошибалась.

Шёпот то нарастал, то становился тише. Кто-то очень напряжённо звал меня. Тыковка порывался встать, но я цеплялась за него, тихо плача от накатившего ужаса, как внезапно всё стихло. Не было слышно проходящих мимо гостей и этого ужасного шёпота.

Наконец, набралась смелости отлепиться от шеи жеребёнка и осмотреться. В ночной темноте кухня выглядела как обычно. С улицы слышался тихий шелест деревьев.

Интересно, а темнота может становиться ещё темнее? Или мне просто так кажется?

Резко стало слишком тихо, даже до звона в ушах. Моментально разлилось чувство иррациональной тревоги внутри. Тыковка напряжённо шевелил ушами, всматриваясь в темноту. От страха мне даже показалось, что его глаза блеснули красным, прямо как тлеющие угли в печи.

— *У-у-би-и-ра-ай-те-ес-сь...* — В соседней комнате раздался грохот переворачивающейся мебели. Со второго этажа, прямо над головой кто-то задолбил в пол так, что нам на голову посыпалась пыль с опилками.

— *Во-о-о-он...*

От ужаса я потеряла над собой контроль и с криком, прихватив Тыковку, выбегала на улицу, пробираясь сквозь падающие со стен картины и летающие книги.

Тыковка почему-то упирался. Может, я сделала больно малышу, всё же у него ещё не все раны зажили, но меня уже было не остановить. На улице я хоть знаю, с кем придётся столкнуться. Лучше уж здесь, на холоде, чем в проклятом доме.

До самого утра слышался шум и голос из дома, пока мы с Тыковкой тряслись под яблоней. С первыми лучами солнца всё вроде бы стихло. Чуть позже, услышав беспокойное сопение малыша, окончательно сморило и меня.

Проснулась только тогда, когда на нас начали падать прохладные капли осеннего дождя. Кажется, время уже перевалило за полдень.

Собрав последние остатки храбрости, всё-таки вернулась в дом и разочарованно вздохнула: все наши с Тыковкой старания по созданию уютного гнёздышка канули в Лету. Обеденный стол вновь был опрокинут. Грязные листья налетели и сюда, где я так тщательно вчера убирала и мыла полы. Наши матрасы были перевёрнуты, даже курочка валялась на полу безобразной кучей.

Кто-то явно не был рад нашему с Тыковкой присутствию здесь.

Упрямо поджав губы, убрала курицу в сторону, вернула на место наши кровати и приступила к ритуалу по набору и подогреву воды. Почему-то стало обидно, даже горько. Здесь-то я кому помешала? Что мы с раненым малышом успели сделать плохого? Вот за что нас выгонять?

После перевязки и уборки я была совсем разбитая. Пока Тыковка хрустел яблоками, я прискорбно гипнотизировала испорченную курочку. Из-за ночных испытаний я не знала, найду ли в себе силы выйти за новой кражей опять, но, кажется, придётся.

— Интересно, а кто были те люди, кого мы слышали ночью? — Тыковка, естественно, не ответил.

Сейчас повсюду стояла привычная тишина.

Ночью казалось, что голоса шли слева от поместья, где и дороги-то не было, лишь дикий кустарник. А, может, там что-то есть? Туда ведь я не заходила, а по сути это тоже моя земля.

Оставив дремлющего малыша, пошла на разведку.

Каждый раз, когда я выходила за ворота, складывалось впечатление, что лес вокруг меня сжимается, даже душит. Как и сейчас. Я прошла всего пару десятков метров до кустарника, а уже стало как-то тесно. Даже влажный воздух сгустился.

Кустарник оказался не только плотным, но ещё и очень колючим. Если бы не надела куртку, исцарапала бы и без того истерзанное тело. Где-то в глубине души казалось, что за ним найду ещё одну дорогу, но там оказались лишь вековые деревья и холмистая земля вся поросшая мхом.

Всюду, насколько хватало глаз, были деревья и лужи. Я стояла столбом, растерянно моргая. Но мне ведь не послышалось ночью, здесь кто-то был.

Моё внимание привлекло что-то, что выбивалось из общей тёмно-зеленой картины. Будто наполовину вкопанный в землю сундук. Я бы его и не заметила, если бы с деревянного угла не взлетела большая, чёрная птица.

Стараясь не вступить в лужу, потянулась правой ногой на ближайший мшистый холмик, как тот сразу же исчез подо мной, а ногу начало затягивать...

— Господи, болото!

Да что ж за чёрная полоса-то такая!/? Казалось, что вот-вот вытащу правую ногу, как болото захватило в свой плен и левую. Но это уже ни в какие рамки, знаете ли. От растерянности начала барахтаться, но трясина стала затягивать сильнее, потом расслабилась, но ничего не изменилось.

Звать на помощь бесполезно. Есть две возможности: либо я здесь одна, либо нет, а

после вчерашней ночи обе вероятности одинаково поганые.

Неужели это всё? А как же Тыковка без меня? Он хоть додумается выйти к людям, когда поймёт, что я не вернусь?

Уже не было сожалений, что я не вернусь домой. Все мысли захватил Тыковка с его грустными, бездонными глазами, которые доверчиво смотрели на меня, терпя боль каждый раз, когда я промывала и смазывала ему раны.

Сбоку послышался хруст веток.

— Тыковка! Уйди отсюда!

Я бы и рукой махнула, но её уже тоже засосало.

Жеребёнок, безошибочно выбрав твёрдую землю, потянулся зубами ко мне и схватил за плечо. Сантиметр за сантиметром вонючее болото выпускало меня из своих цепких лап, и я уже смогла схватиться за крепкую шею своего друга.

— Как же ты вовремя, малыш, — мы лежали на кустах: я, пытаюсь отдышаться, а Тыковка, потому что я не давала ему подняться.

Я никогда раньше не видела болото вживую. Всегда казалось, что там должна быть видна водная поверхность, а здесь просто мох. Но сейчас я чётко видела, что упустила раньше — этот мох двигался. Как волны. Иногда то тут, то там он взрывался небольшими пузырями. Как я могла такое не заметить и полезть?

И сундука не видно. Вряд ли ночные гости были здесь. Хотя, может и были, но здесь и остались навсегда.

— Давай прогуляемся, — мы уже подошли к воротам, но домой что-то не хотелось.

Тыковка шёл уже более уверенно, но всё равно с опаской ставил правую ногу на землю, чаще просто поджимал её. Но прогулке, кажется, обрадовался. Потом спать крепче будем.

Я не собиралась выходить в деревню, нет. Вся грязная, в изодранной одежде распугаю всех. Просто хотелось увидеть нормальную жизнь. Хотя бы для того, чтобы убедиться, что она всё ещё где-то существует.

Сразу за нашим мрачным лесом открылась весьма интересная картина. Нет, не люди с вилами и факелами, поджидающие нашу парочку, подозреваемую в краже тыквы и курицы, а... Даже не знаю как это назвать. Алтарь?

Прямо на границе между лесом и полем лежало распиленное вдоль длинное бревно, а на нём стояли кувшины и миски с засохшей кашей, хлеб, даже засоленное мясо. И курица! Ещё одна курица без головы! Это что же получается, они типа подношение преподнесли каким-то духам леса? Хотя, может, сейчас какой-то праздник.

— Слушай, но раз мы живём в этом лесу, то и эти подарки нам, ты как считаешь? — Тыковка заинтересованно провёл носом над столом. Его особенно заинтересовала тарелка с румяными булочками.

Пожав плечами, абсолютно без зазрения совести, прихватила корзинку с сыром, побросала туда булочки, даже хлеб чёрствый не обделила вниманием. И тыкву опять покачу домой. А вот всякие ленточки и платочки оставила на месте. На кой чёрт они мне? Лучше бы веник положили.

Я уже собралась было уходить, как зацепилась взглядом за странную коробку, выбивающуюся из общей картины. Здесь не было белоснежных, даже торжественных подарков, а было навалено на первый взгляд какое-то барахло.

Вот деревянный, маленький кинжал, но, судя по истёртости рукояти, с ним часто играли. Здесь было и странная стеклянная капелька с необычным узором. Её кто-то бережно

упаковал в клочок грязной ткани. А ещё выглаженная обёртка от какого-то лакомства. И пуговица. Похожую пуговицу я видела на штанишках того пацанёнка, у которого забрала умирающего Тыковку.

Если деревенские принесли преподношения лесным духам или ещё кому, то лично мне оставили самые настоящие мальчишечьи сокровища.

Эту коробку я забрала целиком.

Глава 11

Эта ночь была ещё хуже, чем предыдущая.

На улице пошёл настолько сильный дождь, что пережить буйство привидений, или кто обитает в этом доме, не было возможности. Мы с Тыковкой, спрятавшись в самом углу кухни, пытались не попасться под летающую мебель. Всю еду на этот раз я надёжно спрятала. И опять всё успокоилось только к утру, мы даже смогли подремать пару часов в своих импровизированных кроватях.

На утро вновь всё было кувырком. А вот мыши вполне себе спокойно под шумок утащили кости и кусочки курочки, оставленной без присмотра.

Сегодня у меня важная задача: опять выйти в город.

Я уже надела ставший ненавистным чёрной наряд вдовы, а сейчас аккуратно складывала в холщовый мешок красивый сервиз, который отлично сохранился. Когда я достала последнюю чашку, буфет недовольно затрясся.

— Ой, да пошли вы, мне деньги нужны, — при свете дня таинственные обитатели этого дома не сильно пугали.

Я заметила одну странность: по ночам все предметы и даже мебель летают по дому в попытках прогнать меня с Тыковкой отсюда, но ничего не разбито. Этой ночью я точно слышала звуки бьющегося стекла, но не нашла никаких свежих осколков.

Нацепила шляпку с чёрной вуалью, чмокнула Тыковку в лоб, глубоко вздохнула и вышла на улицу.

На меня всё также оборачивались в городе, всё так же обходили стороной, шепчась за спиной.

Сегодня день такой солнечный и у меня почти ничего не болит, поэтому я просто решила прогуляться по огромной столице.

Чем выше поднималась на холм, ближе к королевскому дворцу, тем богаче становились дома. В самом низу, в рабочем районе, они были аккуратные, но бедные, стоящие неровной, единой стеной, в сравнении с тем, что я видела сейчас.

Целая шеренга шикарных коттеджей с ухоженными садами, череда магазинов с изысканными нарядами, уютные кафе с умопомрачительными ароматами. Да, это вам не отварная курица с капустными пирожками. Здесь выпечка пахла настолько божественно, что меня посетила шальная мысль прокрасться сюда ночью и совершить кражу с актом вандализма.

По пути попадалось много прогуливающихся парочек в помпезных нарядах. Я на фоне их всех — бедная сиротка, ещё и чайным сервизом слегка гремлю при каждом шаге.

Юные девушки в сопровождении своих гувернанток строили глазки кавалерам, которые все как один носили высокие шляпы и длинные волосы, собранные в хвосты.

Невольно вспомнился герцог Макбул. Пусть наша встреча и была неприятной, но, вынуждена отметить, он самый красивый мужчина из всех встречающихся в этом мире. И дело даже не в экзотической внешности с его чёрными, миндалевидными глазами. Скорее в том, как он себя вёл, слегка отстраненно, и не было этой холёной надменности, как у всех вокруг.

Я чувствовала на себе с десяток осуждающих взглядов. Видимо, выйти в свет вдове тоже

полагалось только в сопровождении. А, может, мне и вовсе следовало голосить где-нибудь на свежей могиле своего новопреставленного дражайшего супруга, взывая к небесам слёзным вопросом: «Почему не я?». Ещё из разговоров с мачехой я выяснила, что вдовый наряд носят только особи благородного происхождения, титулованные.

И вот тут я — такая вся из себя нарушающая, нет, даже оскорбляющая немислимым поведением устои общества. Я даже фыркнула под вуалью.

Из тех, кто может меня сопровождать, был только Тыковка. Но что-то мне подсказывает, что и его не особо приветствовали здесь.

Чем старше была встречающаяся дама, тем более заинтересованным был её взгляд на меня. По всей видимости, леди уже не надо было искать мужей, а им было откровенно скучно. Кажется, я стану предметом для сплетен номер один на ближайшее пару дней.

Размеренный прогулочный день прервали крики стражников и цокот копыт.

Внезапно из-за угла выскочил мальчишка в рваных штанишках и, сбивая с ног прохожих, бросился бежать вниз по городу. За ним гнались двое всадников, но из-за множества благородных людей на улицах, которые сейчас жались к стенам домов, они не были такими же маневренными, как мальчишка, успешно сбегавших от них.

Не знаю, что он натворил, но вряд ли что-то серьёзное. На вид совсем маленький. Надеюсь, его не поймают.

Продолжая прогулку, наткнулась на красивую деревянную вывеску «Ульрих Вринльдин. Лучший Поверенный Короля».

Вот для него-то мне и нужны в основном деньги. То есть, не на конкретного этого, а на самого дешёвого, но пора бы уже закрыть вопрос с наследством и именем. Мало ли батюшка бросится искать леди Арманд. А оно мне надо? Нет, конечно.

В нижнем городе было ужасно шумно и чересчур многолюдно. Прохожие порой сбивали друг друга с ног, кроме меня, естественно же. Даже бегающие по делам люди избегали меня словно прокажённую.

Просто погулять здесь не получится, да и атмосфера не та, а я, сколько не брожу, всё никак не могу найти хоть какого-нибудь скупщика или наподобие того. Мне даже в голову не приходило, что его здесь нет вовсе. Здесь много воришек, а если есть воры, значит, есть и те, кто покупает краденное.

Хотя, может, они скрываются?

Среди толпы народа, торопящейся по своим делам, неосознанно выделила того самого бегущего мальчика из верхнего города. Он постоянно оглядывался, останавливался то у одного входа во дворик, то у второго. Причём, прохожие его будто не замечали. Один пузатый мужчина со свертком даже споткнулся о мальчика, выплюнул ругательства и дальше пошёл по своим важным делам.

Стражников на лошадях не было видно. Пока что.

У меня в университете была преподавательница со смешным именем Афоня. Афанасия Геннадьевна, женщина лет, наверное, ста пятидесяти (нам молодым увальням так казалось) часто повторяла, что нужно доверять своему чутью. Юной студентке в голову не могло прийти: зачем? Чутьё не впишешь в протокол, не вынесешь в заключение экспертов. Давно придумали сотни методичек, по которым все заключения пишутся.

Только после работы в следственном комитете я поняла, о чём она говорила. Чутьё просыпается редко, а если уж проснулось, раскручивай его до конца. Под протоколы и заключения вписать можно всё, что угодно. Способы придумали очень давно.

Сейчас чутьё подсказывало проследовать за этим мальчиком. До сих пор не понятно, почему стражники его преследуют. В руках, вроде, ничего не нёс. Не воришка. И вряд ли этот мальчик мог кого-то убить или навредить.

И он не обращал на меня абсолютно никакого внимания.

Лавируя между прохожих прогулочным шагом, я приближалась к арочным деревянным воротам, через которые перепрыгнул мальчишка. Так резко скакать по ограждениям я, увы, не способна, но открыть незапертую дверь, пожалуйста:

— Вот так встреча, — ласково сказала мальчику, у которого несколько дней назад забрала раненного Тыковку.

Здесь стояли трое мальчишек: беглец, тот самый мальчик, который не успел удрать, когда я искала выход из города — совсем кроха в смешной шляпе с широкими полями, явно краденной, и мой старый рыжий дружок. Все они замерли от страха, глядя на меня. На этот раз никто даже не пытался убежать. Блин, надоело производить жуткое впечатление на окружающих.

— Ты почему убегал? — Спросила у паренька в розыске. На вид он казался самым старшим из всех. Достаточно рослый, по-подростковому угловатый, и такой же босой. Может, забота о Тыковке повлияла на мои материнские инстинкты, но я не могла прогнать тревожные мысли о том, что на дворе осень, земля холодная, а по ночам и вовсе до костей пробирает. А они все раздетые. Самый маленький носом шмыгает, и совсем не поджентльменски вытирает то, что не «вшмыгнулось».

— Рюдюкюль леди Лавариан порвал, — слегка нахально ответил подросток.

— Ты совсем дурак? — Мой старый знакомый в ужасе вытаращил на того глаза, — она же матушка будущей леди Макбул! Тебя закуют в кандалы!

Знакомое имя неприятно кольнуло в самое сердце.

— Почему ты порвал ридикюль? — было ли мне на самом деле интересно? Нет. Хотелось ли мне живого общения хоть с кем-то, кроме приведений в особняке? О, да!

— Да она столько булок туда пихала, как бы её саму не разорвало. Я, меж прочим, о здоровье справился. Защитил тыл и телеса!

— Как тебя зовут, защитник?

— Бахо, — с гордостью выпячил тощую грудную клетку парень, — а это Сони, — он кивнул на мальчишку, у которого я забрала Тыковку, — и Лала, — самый маленький из них, с пухлыми щёчками, с самым серьёзным видом, который смотрелся даже комично, приподнял шляпу в знак приветствия. — Его зовут Ларт, но он заикается, так что Лала. Точнее, заикался

Лала возмущённо вспыхнул, грозно топнув ножкой.

— Он в банях леди Лавариан увидел, с тех пор вот... — Я еле сдержала смех в ответ на такую нелестную оценку будущей тёщи герцога Макбула.

— Я здесь не просто так, — ребята, казалось, уже и не боятся мою чёрную фигуру с вуалью, даже заинтересованно следили, как я засунула руку в холщовый мешок и жестом фокусника достала оттуда деревянный кинжал, найденный вечером накануне, — я так полагаю, это ваше сокровище?

— Это Лалы, — малыш поспешно выдернул свою игрушку и счастливый сжал её в кулачке.

— Значит, вы не злитесь? — Сони — единственный кто не приблизился ко мне, а настороженно наблюдал за всем со стороны.

— На что злиться? Вы мне подарили подарки за... — Тут меня осенила догадка. Я-то думала, что эти подарки мне достались за то, что спасла Тыковку, но, кажется, дело тут вовсе не в этом, — так это вы спёрли мой кошелёк с монетами?

Троица уже была готова кинуться в рассыпную, но я откинула вуаль и грозно посмотрела на каждого в отдельности.

Лала выронил корочку хлеба, которую время от времени грыз.

— Это кто так тебя, леди?

— Я не буду вас ругать, но хочу задать вам один единственный вопрос: куда вы дели деньги? За ту сумму можно было карету купить! — По крайней мере, так сказала мачеха, вручая мне тридцать золотых. Ну, или прожить год, вместо покупки кареты.

— Или выкупить человека, — сказал Сони так тихо, что я едва его расслышала.

За воротами послышался шум. Не успела я обернуться, как в маленький дворик ворвались те самые стражники верхом. Один из них замахнулся жирным, змеевидным кнутом.

— Вы с ума сошли?! — Я преградила им путь, — они же дети!

— Это воры, миледи!

— Да, и что же они украли?

— Сердце леди Лавариан, — Бахо хохотнул за спиной.

Кажется, за целостность ребят испугалась только я. Они врассыпную разбежались по крышам пристроек, помогая Лале забраться наверх.

— Насколько мне известно, они ничего не украли.

— Это сегодня. Леди Лавариан требует взыскание стоимости. Или наказания преступников, — не видел этот бородатый лохмач настоящих преступников.

— Так взыскивайте, а кнут уберите подальше.

— Не с вас ли, леди Арманд? — Знакомый до дрожи голос появился раньше, чем я увидела его обладателя.

Лорд Макбул собственной персоной. А я опять побитая в самом центре криминальных разборок.

— Только скандалы вокруг вас улеглись, и вот опять вы. В самом центре разборок, — мужчина расслабленно опёрся спиной об заросшую плющом каменную стену.

Про таких как он ещё говорят: «глаз отдыхает». Аккуратная щетина, высокие скулы, твёрдые, чуть узковатые губы, которые сейчас пренебрежительно улыбались, очерчивая морщинки возле чёрных глаз.

— Надо же, прямо с языка сорвали, ваша светлость. Чем обязана?

— Я так понимаю, возмещать будете вы, леди Арманд?

— Леди Моэр, — поправила его, вернув такую же пренебрежительную улыбку, — да, буду возмещать я.

Денег у меня не было, зато у ребят появится дополнительная мотивация помочь мне с поиском скупщика. Я вообще не планировала ввязываться в какие-то споры, но чувство справедливости требовало заступиться за мальчиков. И поставить на место этого шовиниста, которого забавляло поддевать меня.

Что-то нехорошее сверкнуло в его взгляде, он перестал улыбаться.

— Очень хорошо, леди Арманд, — вот будто специально, — жду вас завтра у себя. Захватите четыре золотых и документы о том, что вы можете быть леди Моэр, леди Арманд.

— У себя, это где, стесняюсь спросить? — Он уже было собрался уходить, не

попросившись, но замер, удивленно уставившись на меня.

— У себя, это в Королевской Канцелярии, леди Арманд.

— Леди Моэр! — Злобно поправила его.

— Это мы завтра и выясним, — бросил он, не оборачиваясь.

За воротами его ожидала действительно необъятная дама с маленькими, бегающими глазками в сопровождении миловидной, хрупкой брюнетки, которая с нескрываемым любопытством осматривала меня. Видимо, будущая леди Макбул.

— Нормально ты его так, — Бахо спрыгнул с крыши низкой пристройки, — ты по правде будешь четыре золотых платить за меня?

— По правде, — я задумчиво смотрела сквозь открытые ворота на многолюдную площадь. Где взять четыре золотых? Это сто восемьдесят моих сотейников, вообще-то, — только вначале раздобудем денег.

Глава 12

— Мне нужен скупщик, — ребята переглянулись, — и поверенный. Срочно.

— Все несут к шустрому Бо, — Сони почесал затылок, — но это человек Фитха.

— Если рискнуть, можно к Косу, — Бахо поднял и отряхнул хлеб, который уронил Лала, — но Фитха разозлится.

— Кто такой Фитха? — ребята начали тараторить так быстро, что я в конец потерялась в именах.

Лала поморщил щекастое личико.

— Он тут всем заправляет, — Бахо и Сони этим были явно не довольны, — всё ему несут. А ему всё мало.

— Вы не него работаете, что ли? — мальчики переглянулись.

— Не совсем, — Сони съёжился, — тут все на него работают.

— Вы сказали, что потратили деньги на человека — что это значит?

Мальчики опять замкнулись в себе, только Лала продолжал грызть корку хлеба, любовно поглаживая кинжал.

— Ладно, ведите меня к Косу.

— У Бо дороже покупают, — Бахо подозрительно прищурился.

— Как мне видится, этот Кос — ваш товарищ. Будем поднимать ему конкурентоспособность.

— Что такое кокурен... крокунтет... конрунетоспособность?

— Конкурентоспособность, — повторила по слогам, — это значит, что для клиентов он будет таким же интересным, как и его конкурент. То есть, Бо и Кос — они конкуренты, но Бо сейчас популярнее, так?

— Да.

— Вот и Кос будет становиться таким, — правда, мой чайный сервис — малоутешительный приз для этого Коса.

Ребята рассказывали жуткие вещи по пути к скупщику: процент от продаж на рынке переходил Фитху, если кто не платит, то он не торгует. И не ходит. Все беспризорники и просто бедные дети клянчат и занимаются карманными кражами тоже для Фитха, а он разрешает им селиться в приюты и находиться в городе. Торговые караваны тоже шли через Фитха. Как и вся контрабанда.

В столице были ограничение на количество алкоголя, а пить хотелось многим, вот Фитх и провозил в город бочонки с элем и какими-то крепкими настойками, деря втридорога с трактирщиков. Были ещё и подпольные магазинчики с дешёвыми товарами, которые были украдены у караванщиков ещё до границы — ещё одна контрабанда, а потом ввозились в страну, не выплачивая полагающийся налог.

Даже дома утех косвенно подчинялись Фитху:

— А вы откуда знаете, что такое дом утех?

Лала запыхался, в попытках не отставать от нас, пока мы проносились быстрым шагом по рабочему кварталу города.

— У Лалы там сестра, — Сони мельком взглянул на Лалу, — её выкрали с улиц, заставили отрабатывать.

— Она была чьей-то должницей?

— Ты, миледи, в спальнях с печами и одеялами много не знаешь, — Бахо в своей привычной неуважительной манере принялся мне объяснять, — девок туда берут, платья им дарят, кормят, разрешают пожить пару дней, а потом выкатывают за это долг: ты наела на много золотых, будешь много здесь работать, иначе Фитха придёт и ноги сломает. Сестру Лалы, Мойду, просто украли, а потом держали в подвале, а потом за подвал долг и записали.

Ого. А я ещё думала, что мне не повезло, и что это я влипла в историю.

Таинственный Кос располагался не просто в рабочем районе, а в самых настоящих трущобах. По пути на нашу компанию часто оборачивались. Некоторые прохожие здоровались с ребятами, некоторые женщины даже успели пару раз замахнуться ручником на энергичного Бахо.

Мы наткнулись на один из домов утех, где на улице стояла стайка откровенно раздетых девиц, заигрывающих с мужчинами в рабочей одежде. И почему я так удивилась, что мальчишки уже знают о взрослых вещах? Конечно, они быстро повзрослели, живя в таких условиях.

— Лала! — Одна из девушек окликнула малыша, который чуть переваливаясь, радостно кинулся к ярко накрашенной девушке с декольте до пупка, — держи, солнце, с друзьями поделись.

Сияющего, как начищенная монета, Лалу окружили девушки, теребя его за пухлые щёчки.

— Эх, знал бы он какое счастье ему перепало, — вздохнул Бахо, — не тем он с друзьями делится, ох, не тем, — Сони слегка покраснел.

— Это его сестра?

— Нет, она больше никому, ничего не должна. Но осталась работать там уборщицей и подавалкой.

Девушки пристально осматривали мою фигуру в чёрной вуали, пока счастливый Лала догонял нас, неся в руках пирожки.

— Н-на, — протянул он мне один.

— Спасибо, дорогой, я не голодна.

Коса мы нашли на отшибе города в изрядно захламлённой каморке, которая напоминала не лавку скупщика, а, скорее склад барахольщика. Куча загадочных предметов без какой-либо систематизации подпирала ветхий потолок. Да в сравнении с этим помещением, наш с Тыковкой дом хирургически стерилен.

Лала запутался в какой-то верёвке и неуклюже шлёпнулся на пол, задев увесистую статуэтку, которая с печальным звоном тут же разбилась.

— Ты что творишь? — На звон выбежал мужчина с торчащими во все стороны волосами, — это же семнадцать медяшек!

— Не, оставь себе, у меня нет столько, — Бахо небрежно подвинул ногой осколки под грязный половик, — мы клиента нашли.

Кос уставился на меня, надев очки. Ни приветствий, ни любезного «чего изволите?».

— Я хотела бы сдать сервиз, — я столько кругов навернула с этим мешком, надеюсь, что все чашки и блюда целы, — старый, давно пылится и не подходит к моим шторам, — ага, которых нет. Хотя, чём-то я даже права: пустота к пустоте.

— Идите к людям Фитха, — буркнул он, рассматривая мои фарфоровые сокровища.

— Но я пришла к вам.

Надеюсь, он отправил меня к Фитху из-за опасений перед ним, а не из-за отсутствия денег. Если Кос не сможет у меня выкупить сервиз, придется на самом деле идти к этому Бо, помогая тем самым становиться богатому и неприятному типу ещё богаче и неприятнее. А я — хорошая девочка, так делать не люблю.

— Ну-ка, дайте-ка взглянуть, — с молниеносной скоростью у меня из рук исчезла одна чашка.

Кос рассматривал через огромную лупу цветочный рисунок, просвечивал фарфоровую прелесть на свет, проверил толщину штангенциркулем, а потом начал что-то очень сосредоточенно пометать в свой маленький блокнотик.

Я его не прерывала, как и замершие ребятки, с интересом наблюдавшие за действием. Меня же больше заинтриговали руки Коса. Они были без больших пальцев. Мужчина приспособился управляться со всеми принадлежностями достаточно ловко, даже перо держал уверенно, зажав между средним и указательным пальцем. Интересно, у него действительно были какие-то магические способности?

Может, он знает, как расшифровать ту загадочную бумагу, которую я стащила из отчего дома. Может, он даже знает, как я могу вернуться домой? Я бы Тыковку с собой забрала, поселились бы в деревню и к чёрту все приключения.

Вряд ли просто так взять и спросить Коса об этом будет безопасно. Может, спрашивать о таком считается даже неприличным, а я полезу мухой под мухобойку.

— Продавать такое — трагедия, просто трагедия! — Воскликнул, наконец, Кос.

— Не может быть, чтобы это совсем ничего не стоило, — я не разбираюсь в фарфоре и уж тем более в местном рынке, но надеялась за сервиз получить хоть какие-то деньги. Вначале по плану заплатить поверенному, а теперь уже и за мальчишек надо рассчитаться. Не похоже, чтобы герцог шутил с этим.

— Наоборот, это очень красиво и ценно, — Кос странно цыкнул языком, — могу предложить двадцать пять серебряников.

— И всё? — Я расстроилась.

В одном золотом было аж сто серебряников, а в одном серебрянике сколько медяшек? Правильно, пятьдесят. Логика здесь нет. Мне-то казалось, что сейчас как дадут целую кучу золотых, так сразу решу все свои проблемы: от поверенного до нормального нижнего белья. Ребята грустно переглянулись.

— Ладно, леди Моэр, не переживайте, — Сони просто пожал плечами, — они нам и сделать ничего не смогут. Подумаешь, наказание. Это сначала поймать надо.

— Что вы слышали об усадьбе Найран-Моэр?

Лала в ужасе вытаращил глаза. Интересно, малыш совсем не разговаривает?

— Недавно оттуда вышел демон леса и убил курицу. Собака Фроси его повстречала, до сих пор скулит по ночам.

— Ага, там все проснулись от ужасного хохота ночью, потом понесли подарки всякие, чтобы его усмирить.

— Тыквы любит!

О как. Оказывается, не в празднике дело, а в моём неподдельном обаянии, после которого жители деревни настолько стали зашуганными, что вытряхнули свои закрома, дабы утихомирить маленькую и хрупкую меня.

— Господин Кос, — мужчина оторвался от сервиза и уставился на меня, близоруко сощурившись, — мне необходимо насобирать шесть золотых. Вы мне поможете?

— Но как...

— О, не волнуйтесь, — почти вежливо перебила его, — мы с вами отправляемся ко мне домой. Вы собираете всё, что может быть ценно, а эти провинившиеся, — кивнула на застывших мальчиков, даже Бахо слегка поёжился от перспективы идти в Найран-Моэр, — поработают грузчиками. Правда, малышня?

— И-идти в проклятую усадьбу?

— Ой, не очень-то она и проклята, только по ночам. А Сони с Тыковкой увидится.

— Тыковкой?

— Тот конь, которого я у тебя забрала. Он быстро поправляется и очень даже милый.

Мальчикам ужасно не хотелось идти туда, куда даже взрослые бояться заходить, только у Коса в азарте загорелись глаза. Он быстро побросал в коричневый потёртый чемоданчик инструменты, попытался пригладить торчащие во все стороны волосы, но это у него закончилось неудачей, и просто нацепил на голову шляпу.

— Из города есть более близкий выход, Фитха о нём не знает, — возбужденно проговорил Кос, спускаясь в подвал, — вы — леди склонная к авантюрам, а, стало быть, бесстрашная. Не боитесь тёмных замкнутых помещений?

Если бы не мальчики, которые безоговорочно верили этому человеку, я бы ох ещё как боялась.

Мы спустились в захламлённый подвал, а из него в сырую коллекторную канализации. Ребятам этот путь казался знакомый, и они потопали босыми ножками впереди, весело о чём-то щебеча.

Я же продвигалась очень аккуратно, стараясь не оступиться и не свалиться с высоких бордюров в воду, слава Богу, чистую. Спустя несколько поворотов по огромным кирпичным тоннелям, пары небольших подъёмов и спусков, мы, наконец, увидели, эммм... собственно, свет в конце тоннеля.

Да уж, пока леди катаются в каретах и фаэтонах, я лажу по канализациям, чтобы быстрее добраться до своего дома и, мягко говоря, разграбить его.

— Об этом месте ходит дурная слава, — Кос почесал затылок, остановившись перед началом моего леса.

Мы вышли где-то левее от привычного мне маршрута. Здесь не было тропинки, но если идти по прямой, можно выйти прямо к задней части усадьбы

— Почему же?

— Так каждый год исчезают люди. Жители деревни иногда просто посреди ночи встают и идут на те болота. Будто кто-то зовёт их.

— Зачем идти на болота, даже если кто-то зовёт? — Непонимающе моргнул Сони

— Да никто не зовёт их, — хоть Бахо и старался держаться расслабленно, но было видно, что и ему не по себе, — гремят бутылками тамошние кикиморы. Странно, что не целыми пачками забредают. А, если побросать туда булок, глядишь, и леди Лавариан исчезнет.

— Вздор, — теперь и мне уже не хотелось туда идти.

Но, тем не менее, сделала шаг, ведя за собой первых гостей.

Глава 13

Мальчики притихли, и я тоже. Только Кос шёл впереди, не замечающий леса, который сжимал нас в кольцо, словно в тиски.

— Я слышал об этой усадьбе! Раньше там жил учёный, Канрат Найран-Моэр. Об его экспериментах у всех стыла кровь в жилах, — несмотря на жуткие рассказы, Кос был в неимоверном восторге, что он собственными глазами увидит печально известную усадьбу, — одни его книги стоят целое состояние! А потом владельцы сменялись один за другим, а последней была...

— Моя тётушка, — притворилась, что была с ней знакома и неимоверно грущу об её утрате.

— Мне в руки могут попасть такие артефакты, которые ещё не встречались в городе! Я стану первым продавцом уникальных... Ой, что это было?

Мы резко замерли. Когда привыкаешь к тишине, любой, даже самый тихий треск, подобен грохоту выстрела в ночи.

Неосознанно, наша компания прижалась друг к дружке, беспокойно осматриваясь.

Услышав знакомое сопение в кустах, я слегка расслабилась, но виду не подала:

— Дух леса, — страшным голосом прошептала я, — по ночам он выходит красть непослушных детей, — Лала громко икнул, — а днём он спит. Но мы разбудили его, — Кос зачем-то надел свои маленькие очки, — знаете, что сейчас будет?

— Ш-што?

— А вот что! — Крикнула я с одновременно выпрыгивающим из-за кустов Тыковкой.

Ребяшня после крика рассмеялась, поглаживая молодого жеребца, который был очень рад гостям и то и дело утыкался носом то в одного, то в другого в поисках вкусняшек. Только Кос хмуро смотрел на Тыковку, почти не мигая.

— Он так вырос! — Сони был рад видеть старого знакомого больше всех.

— Да ну, прошло совсем немного времени, лошади так быстро не растут. Он просто перестал горбиться.

— Нет, он вырос.

Я присмотрелась к Тыковке. А, может и вправду вырос? Для меня он всё такой же маленький жеребёнок, правда, уже выше меня в холке. Раны у него затягивались с неестественной скоростью, даже самые глубокие и отвратительные сейчас уже выглядели не так уж и страшно. Грива стала значительно длиннее, и сейчас уже не стояла ирокезом. Может, это особенность этого мира?

— От тыквы все растут быстрее, — пожала плечами, продолжив путь.

Лала замер, открыв маленький ротик. Кажется, в маленькой голове рождался некий план.

— Зря ты ему сказала об этом, леди Моэр, ночью со всех огородов пропадут тыквы, а в городе появится новый оранжевый монстр.

— От тыквы не становятся оранжевыми, — занудно сказал Кос.

Лала слабо пнул Бахо по ноге, забавно нахмурившись.

— Вот мы и пришли, — жестом дворецкого показала на свою усадьбу, у которой как по

заказу отвалилась одна ставня прямо в тот момент, когда Бахо произнёс своё любимое «ух ж ты».

— Я думал, все леди живут в замках и жуют мясо с фруктами каждый день.

— Вы что, никогда здесь не бывали? Усадьба ведь совсем близко к городу.

— Сюда не так-то просто добраться, надо знать дорогу, — Кос пошёл к дому, внимательно всё осматривая.

— Что её знать, — пробормотала я себе под нос, — иди прямо — вот и все дела.

Вместо ответа Кос одарил меня своим любимым задумчивым взглядом и пошёл дальше.

Ну что ж, начнём дворовую распродажу. Я себя чувствовала ребёнком, чьи родители свинтили в отпуск, а в их отсутствия любимое чадо навело в дом друзей, которым разрешалось забрать всё, что понравилось, чтобы потом получить нагоняй от предков.

На первом этаже, естественно, мало что было пригодного. Дверь на кухню я предварительно закрыла, было стыдно показывать, в каких условиях я живу.

Картины Коса не заинтересовали, хоть он их рассматривал долго и пристально. А вот над поврежденной люстрой он сокрушался очень даже серьезно, постоянно восклицая: «Трагедия, какова трагедия!». Я даже испугалась за его душевное состояние. Над безвозвратно утраченными книгами он и вовсе рухнул на колени, давя в себе скупые мужские слёзы. Захотелось предложить ему успокаивающего чая, но у меня его не было, так что просто пригласила его на второй этаж, пока ребята всю резвились, играя в салочки с Тыковкой по заброшенной части дома.

И всё это время я неотрывно чувствовала на себе неодобрительный, даже злой взгляд. И, кажется, чувствовала его только я, всем остальным было вполне спокойно здесь находиться.

А вот на втором этаже Кос словил наркотический экстаз: в кабинете он нашёл бронзовое папье-маше, от которого пришёл в бешеный восторг.

— Это же... Это же первое издание Трандильвана фри Штрунменна! С его пометками! — Шептал он, прижав книгу к груди.

Я почувствовала себя мамкой, к которой на выходные вернулись голодные дети-студенты, и сейчас набивали свои сумки соленьями и вареньями.

— Эта книга дорого стоит? Четыре золотых?

— Все, абсолютно все книги стоят целое состояние, а эта — аж полтора золотого! Многие аукционы за ней гоняются десятилетия!

— Раритетная и редкая книга стоит полторашку, — бормотала себе под нос, — что за сумка там такая, которая стоит четыре золотых?!

— Нет таких сумок, — Кос удивленно вытаращился на меня, — иногда украшают драгоценностями, но только для выхода на редчайшие праздники и только монаршие особы. В ином случае — это дурной тон.

— Лорд Макбул сказал, что ребята должны возместить именно четыре золотых за испорченную сумочку леди Лавариан, но она, вроде, не монаршая особа.

— Вздор! Взрослый рабочий получает в самых радужных надеждах до трёх золотых в год. Такую сумму могли запросить по другой причине, но не из-за стоимости.

Кос продолжил восторженно, в полуобморочном состоянии обходить мои владения, а я, нахмурившись, жевала губу.

Так, значит, ваша светлость? Вредничать решили? Или заплачу, или мальчики пострадают? Это низко!

Вряд ли он был в курсе моего бедственного состояния, посчитал, что я могу быть такой

же скрягой, как и мой отец. Проверку на вшивость решили устроить?

Ну что ж.

Появилась у меня задачка для ребят покруче перетаскивания дорогого барахла в лавку Коса.

Наш с Косом поход ко мне в гости обошёлся прибылью аж в восемь золотых тридцать восемь серебрушек и пятнадцать медяшек — целое состояние! И это я только позволила «вынести» полку в кабинете и какой-то редкий отрез ткани такой дикой окраски, что у меня начинали кровоточить глаза.

Даже страшный стук сверху, раздавшийся чётко в тот момент, когда я последней переступила порог, вынося ценности из усадьбы, не казался зловещим.

Да здравствует поверенный и нормальное бельё! Да к чёрту, гулять так гулять! Мыло ещё куплю! А в лавке травника так разойдусь, что все раны Тыковку мигом исчезнут!

— Мне нужен неболтливый поверенный, — мальчиков я отправила по очень важному и срочному поручению, заплатив по серебрянику, — и, желательно, чтобы за его делами не следили.

Кос задумчиво почесал переносицу:

— Есть один: пропойца и балагур. Он уже давно не работает, потихоньку пропивает всё, что у него есть. Но, кажется, печать поверенного ещё сохранилась.

Пропойца и балагур обнаружился в таверне, неподалёку от того дома утех, где у Лалы куча поклонниц.

Помещение встретило меня волной духоты и странной ароматной смеси из перегара и соломы.

С моим появлением все резко замолчали. В такой тишине я даже смогла услышать тихий храм и громкое сглатывание старичка в углу.

— Добрый вечер, джентльмены, — где-то с боку с грохотом упала вилка, — я ищу господина Донкина.

Никто не ответил. Никто даже взгляда не отвел от моей вуали, пара мужиков так и продолжили сидеть с застывшими воздухом бокалами с элем.

— Да вон спит, — дородная женщина в чистом переднике кивнула на того самого дедка в углу.

В таком же давящем молчании, я спокойно подошла к Донкину скрючившемуся за обшарпанным столом. Ему могло быть как сорок, так и семьдесят лет — выпивка сделала своё дело. Я даже начала сомневаться, не обманула ли женщина, указывая на этого доходягу.

— Господин Донкин? — На всякий случай переспросила я.

Тот кивнул, зачем-то оглянувшись на своих товарищей.

— У меня к вам срочное дело, не терпящее отлагательств, — я достала одну золотую монету и положила её перед Донкином.

Кос сказал, что поверенные очень дорогие. Сам Донкин сидел когда-то в среднем городе среди зажиточных горожан, пока с его женой не случилась трагедия, и поверенный не пошёл по наклонной. Но даже при местных расценках, золотой — это дорого.

Почему заплатила так много? Чтобы молчал. Причём, по словам Коса, лучше это было сделать именно так — при всех, они тогда тоже не будут болтать, потому что неинтересно. А, вот если бы я его вывела на улицу и там начала обсуждать свои дела, то к ночи уже весь нижний и средний город будет знать, что к пьянчуге-поверенной приходила вдова в чёрном. Зачем? Конечно же, чтобы делать свои вдовьи чёрные делишки!

На поверенного ушло несколько часов. Казалась бы, самая простая процедура: внести в реестр имя нового владельца, внести документы, дающее права на наследство, поставить подпись поверенного и наследника и всё — дело в шляпе!

Но тут я была ошарашена обычным делом для этого мира, и абсолютно диким для моего — подпись могли ставить только мужчины.

— Что за чушь? Я совершеннолетняя!

— Но у вас должен быть муж, отец, старший брат или опекун — таков закон, — Донкин уже в сотый раз объяснял глупой мне абсолютно понятные вещи.

— А если нет опекуна? А если отец бестолковый и невменяемый? И братья младшие!

Старик уже точно жалел, что променял любимый эль на истеричную особу, которая действовала ему на нервы:

— Если отец бестолковый, бестолковость подтверждается и назначается опекун. Если нет опекуна, им становится особа более высокого титула, на чьих землях находится ваши владения.

— То есть, как графиня Арманд за отсутствием отца мой опекун это..?

— Герцог Макбул, конечно же.

— Но я претендую на баронство Моэр! Причём здесь Макбул?

— Кенан Хад Макбул здесь уже не правящий род, за Найран-Моэр отвечает король. Но, леди Арманд, в вашем случае всё сводится к живому отцу, который находится в полном здравии.

— Но я не хочу, чтобы он решал за меня! Должен же быть какой-то выход! Ну господин Донкинушка, ну пожалуйста!

И так по кругу. Мне очень надо было, а поверенному откровенно лень лишний раз напрячь мозги.

Выход нашёлся. Моими, прошу заметить, усилиями.

После того, как я, казалось, в сотый раз перечитала один очень кривой и старый закон о передаче прав наследования, чуть не расплакалась от облегчения, когда Донкин подтвердил, что это может сработать.

Всё-таки он не сразу протрезвел и включил мозги, которые раньше великолепно работали. К тому времени, когда мы закончили, прибежали и запыхавшиеся мальчишки, отрапортовав, что моё поручение выполнено в самом лучшем и зловещем виде.

Женщины ничего не решают? Ах, мы такие безмозглые, послушные и услужливые? Слишком свежи ещё воспоминания от нашей первой встречи. На одно я только способна, продажная я, как же...

Ну что ж, ваша светлость, поговорим.

Глава 14

К тому моменту как началось призрачное ночное представление, я уже почти закончила приготовления своего мстительного плана. Несколько мелкого и детского, но всё же.

Сегодня мы с Тыковкой расположились в столовой, освещенной огнём новеньких свечей. Ночные хозяева этого поместья, казалось, только-только начали просыпаться, лениво вибрируя стенами, показывая своё недовольство.

Главное, чтобы стол не перевернули: у меня здесь в хаотичном порядке разбросаны лоскуты ткани, почти ровно порезанные мной топором, ржавые иголки и гнилые нитки с чердака. До рассвета должна успеть.

Первая книга полетела в стену, когда я брезгливо откусывала семнадцатую по счёту нитку.

— Вот это видели? — Помахала над головой бумагой со свежей печатью, — теперь я здесь хозяйка!

Бумага незамедлительно сгорела синим огнём прямо в воздухе.

— Да на здоровье, у меня ещё есть! — Дети двадцать первого века знали, как важно делать копии и плодить экземпляры важных документов. Только Донкин удивлённо выпучивал глаза, когда я заставила его повторять одну и ту же процедуру много раз. Но я заплатила с лихвой, а на бумаге он не обеднеет.

Второй экземпляр сгорел так же быстро, совершенно не обжигая моих рук.

— Ну ты-то должен быть на моей стороне! — Пихнула в бок Тыковку, который с хрустом жевал третий экземпляр документа на право владения усадьбой, — будете балаганить, устрою здесь трактир с борделем!

Сегодня призраков не боялась. Может, из-за праведной злости на Кенана, мать его, Хад Макбула, а может, потому что заметила одну примечательную вещь: сколько бы ни галдели приведения, ни мне, ни Тыковке, ни имуществу они вреда не приносили. Не потому, что не могут, а просто не хотели.

Закончила я уже далеко за полночь под аккомпанемент «ворчащих» призраков. Не отдохнувшая, с затекшим телом ото сна в неудобной позе, но воинственная настроенная стояла в приёмной лорда Макбула.

Я точно знала, что на улице собралась небольшая команда поддержки, которые сейчас подпрыгивали, чтобы увидеть всё происходящее через высокое окно.

— Его светлость сейчас заняты, — без приветствия буркнул достопочтенный человек с седыми волосами, сидящий за массивным столом.

— Его светлость сейчас освободится, — пропела елейным голоском, прошествовав напрямиком к высокой двери.

— А они...

— Они со мной, — отмахнулась от встающего секретаря.

Лорд Макбул сидел за столом, заваленным бумагами, книгами, какими-то банками и инструментами с загадочным предназначением. На красивом лице отразилось удивление, когда я нагло, без стука, впорхнула в его кабинет с певучим приветствием:

— Доброе утро, ваша светлость! — У входа я посторонилась, пропуская четверых мужиков вперёд, — хорошо ли вам спалось, ваша светлость? Вдоволь ли?

Теперь Кенан был ошеломлён. Вряд ли благопристойные леди о таком спрашивают.

— Здравствуйте, леди Арманд, — он обвёл взглядом всех собравшихся, — могу ли я поинтересоваться, что здесь происходит?

— Конечно, можете! — Охотно согласилась я, присаживаясь на стул, и замолчала.

Лорд Макбул вряд ли мог заметить под вуалью, как я с любопытством оглядываю кабинет в синих тонах. Со вкусом обставлен. Как в России конца девятнадцатого века, литературненько, что ли. По-дворянски. И да, иногда я бросала взгляды на хозяина, просто полюбоваться украдкой, который терял терпение всё быстрее и быстрее.

— Ну, так? — Прозвучало раздражительно.

— Ах, вы об этом? — Кивнула на мужчин, — ваши четыре золотых.

— Вы решили расплатиться людьми?

— Что вы такое говорите? — В ужасе ахнула я, — они просто помогли дотащить тяжёлую ношу. Я же женщина, знаете ли. Мало ли потерю, спущу на туалеты, отдам рыбам в городском пруду. Господа, — кивнула мужчинам, которые тут же стали сваливать мешочки с медяшками на стол герцога.

А их было очень много, вот прямо очень, честно признаться, я не стала пересчитывать эти тысячи монет. И весили они соответствующе.

Мальчики вчера с ног сбились в своих новых, купленных мной, ботиночках, пока обменивали монеты на самое мелкое значение. Не у всех в нижнем городе хватало медяшек даже на то, чтобы обменять на одну серебрушку. Тогда они попросили помощи у своих «коллег» с улиц и направились в средний город.

Мужчины в трактире согласились поучаствовать в представлении с неохотой, но всё же согласились: «Женщинам надо помогать». За вчерашний вечер вообще в глаза бросилось несколько иное отношение рабочего класса к своим жёнам, чем то, что мне «посчастливилось» наблюдать ранее. Здесь к своим женщинам относились как к другу и соратнику. Из отрывочных разговор поразилась тому, что и многодетных семей у низшего класса было очень и очень мало: «Так тяжело им рожать. А когда в тяжести и работать тяжело, а ещё за старшими присматривать». Даже в моём современном мире, к сожалению, это не все понимают.

Да, были такие, которые продавали своих дочерей в дом утех, о браке мнение у девушек вообще редко спрашивали, искренне полагая, что делают как лучше.

— Не думал, что вы настолько мелочны, леди Арманд, — хмыкнул Макбул, усаживаясь в кресло напротив меня, даже не взглянув на мешочки с монетами.

— Кто бы говорил. Вы всерьёз у детей запросили целое состояние за порванное тряпье, а ещё натравили стражников с кнутом.

— Я бы не стал наказывать детей, и стражников не насылал. И деньги мне от них, тем более не нужны.

— Тогда зачем?

— Хотел, чтобы вы наверняка явились, — Макбул развёл руками, — не отправляя за вашим отцом.

— Зачем мне отец? — Непонимающе моргнула.

— Во-первых, чтобы поговорить о ваших бывших мужьях. Я всё пытаюсь понять: ваше удручающее невезение или злой умысел сводил в могилу супругов на первой же неделе брака?

Невольно в голове всплыл образ того самого листа с магическими записями, я

внутренне похолодела, стараясь оставаться внешне абсолютно спокойной:

— С третьим мы всё выяснили, если мне не изменяет память. А насчёт первых двух, ничего не могу сказать. Попросту не знаю, что с ними случилось.

Вот будет номер, если и первых двух убила леди Арманд, а на меня сейчас наденут кандалы и бросят в темницу, потирая ручки от предстоящей казни путём сожжения.

В кабинете герцога слегка потемнело, хоть и был ясный день. Даже без прямого визуального контакта, но мне стало мерещиться, что в моей голове копаются. Вот только мыслей по поводу погибших муже й не было. Абсолютная пустота. Извращённое воображение нарисовало картинку пустыни с печальным перекасти-поле вместо воспоминаний о таинственной кончине первых супругов. Картинка сменилась на игрушечную заводную мартышку, бьющую в барабаны.

Лорд Макбул моргнул.

— Вы пытаетесь копаться в моих воспоминаниях? — Возмущённо фыркнула я

— Как вам в голову могло прийти, что такое возможно, леди Арманд? — По виду он удивился искренне.

Как-как... Читала в сказках.

— Так что насчёт отца?

— Вы поселились в усадьбе Найран-Моэр совсем одни, а женщины не разбираются с делами сами, им нужны опекуны или законные покровители.

Если бы не вуаль, Кенан отчётливо заметил, как я совсем некрасиво закатила глаза. Вот откуда это берётся? На каком этапе эволюции и развития цивилизация народов двух миров пришёл к такому умозаключению глядя на женщин, мол, прикольные, сильные, умные, вон что умеют, назовём бестолковыми, пусть дома сидят!

— Попрошу вас написать расписочку, — вернула деловой тон в разговор.

— Что, простите?

— Расписку, — спокойно повторила, — «я, лорд такой-то такой-то, настоящим заверяю, что долг с таких-то таких-то в виде огромных денег за бесполезное барахло уплачен полностью. Претензий не имею».

Кажется, я только что задела благородного герцога за живое. Даже, не задела, а резанула. На его лице появилась холодная, едва заметная улыбка.

— Что ж, леди Арманд...

— Леди Моэр, — перебила его.

— Что ж, леди Арманд, — с нажимом продолжил он, — в вашей расписке нет необходимости, деньги мне не нужны. А вот, что мне с вами делать, определить всё же необходимо.

— Опять к отцу? — Спросила я, снимая шляпку с вуалью.

Моё движение не осталось незамеченным. Он хмуро посмотрел на заживающие синяки на лице и на рану от разбитой губы. Точно останется шрам. Да, дешёвая манипуляция с его совестью, это я понимала. Но к батюшке не хотелось.

— У вас должен быть опекун или покровитель, — глухо произнёс он, — женщина не может владеть поместьем самолично.

— Может, — я достала один из многих экземпляров на права владением старой рухляди. Вообще, он прав. Вчера я видела свод законов: женщина наследует земли, титул, недвижимость, если старшая в роду, но не в полном праве, а до прихода мужчины. Потому что лишь мужчина имел право не только подписывать документы, но и быть хозяином без

ограничений. Если хозяйкой временно являлась женщина, то у неё должен быть управляющий — мужчина, если не будет иного распоряжения, который подпишет мужчина, замкнутый круг. По всей видимости, этот свод закон был написан очень и очень обиженной женщиной, — вот здесь, прочтите-ка, — ткнула пальчиком в выноску, оставленной Донкином с его печатью.

Я замерла, выжидательно наблюдая за спокойным лицом Кенана. В том самом шовинистком законе была очень странная пометка, о том, что, грубо говоря, женщина-то ничего не может, но может, если отсутствуют претенденты или свидетели, которые против подписывающегося документа. Претендентов кроме меня не было, а вот на момент составления мог быть против батюшка, но он же не пришёл, верно? А я так ждала! И все свидетели, а их на улице я нашла много, ничего против не имели и поставили свои подписи крестиком. Писать свои имена они не умели.

Кенан после прочтения с таким же спокойным лицом уставился на меня. Я же со спокойной улыбкой подставила под подбородок ручку, вернула ему его взгляд. Если не получится, продам ещё что-нибудь из поместья, там книг ещё осталось море, и всё-таки найду выход, как освободиться от папеньки.

— Ну, что скажете, ваша светлость? — С тоном отличницы, ищущей одобрения учителя, спросила я.

Внезапно лорд Макбул расхохотался. Громко так, даже голову запрокинул.

— Умно, леди Арманд, — произнёс он, продолжая посмеиваться.

— Леди Моэр, будьте так любезны, — уже почти привычно поправила я.

— Конечно, леди Арманд. Но позвольте оказать вам помощь: управлять поместьем — это сложный труд. Вам понадобится муж или опекун, который будет представлять ваши интересы. Тем более, Найран-Моэр — убыточное имение. Там нет пахотных земель, нет дворов с крестьянами, лишь болота. Вам попросту неоткуда будет брать подать для оплаты налогов. Что вы будете делать? Задолженность перед короной у поместья есть. Многие годы не взимались налоги. И на этот раз не в моей компетенции списать этот долг.

Налоги... Об этом я не подумала. Даже страшно представить, какая сумма могла накопиться за столько лет, а источника дохода у меня нет.

— Нет уж, увольте, — тем не менее, сказала я, — перед вами документ, подтверждающий, что я свободна. Могу сама принимать решения по поводу управления своим владением, как полноправная хозяйка.

— Свобода... Этого жаждет ваше сердце? — С еле уловимой, непонятной эмоцией спросил макбул, склонив голову набок.

Я ничего не ответила, лишь упрямо сжала губы, твёрдо отвечая на этот взгляд.

— Если нужна будет помощь, вы смело можете обращаться.

— Помощь в поисках мужа? — У меня на это слово уже начинается неконтролируемая зубная боль.

— Мне нет необходимости повторять дважды, вашу позицию я понял и уважаю, леди Арманд. Я имею в виду помощь в продаже поместья, к примеру.

— То есть, вы не верите, что я с ним справлюсь?

Вместо ответа Кенан развёл в сторону руками, невинно улыбаясь. Будто дал ребёнку право поругать до тех пор, пока тот не прибежит к родителям с воплем, что разбил коленки.

— Всего вам доброго, Кенан Макбул, — я поднялась с непроницаемым лицом, накидывая вуаль обратно.

— А деньги, леди Арманд? — Всё с таким же весельем спросил Кенан, даже не поднявшись.

— Леди Моэр. И оставьте их. Побалуете себя сумочками.

***

— Вот же гад! — В сотый раз выплюнула я, сидя за кружкой эля, кстати, вкусного, в уже знакомом трактире

— Не переживайте, — один из тех мужиков, что помогал тащить мне мешки с монетами, сочувственно покачал головой, — леди хорошо держались.

— Спасибо, — в искреннем жесте благодарности, я на секунду сжала его лежащую на столе руку. Мужчина удивлённо посмотрел на мою ладошку в перчатке на своей лапше и смущенно зарделся.

Мальчишки с наслаждением уплетали картошку с запечённой птицей, запивая всё это дело молоком. Лалу уже даже сморило от такого излишества еды, теперь малыш мирно посапывал, спрятавшись выпачканным в пюре личиком в складках моей юбки.

И как узнать, сколько я должна короне? Никаких бухгалтерских книг дома я не видела, правда, их я и не искала.

— Вы можете получить рассрочку на выплату в связи со сменой владельца, — Донкина сегодня не узнать. Он был чисто выбрит и вымыт, даже реденькие волосы аккуратно зачесал назад, — такие прошения они не могут не одобрить. Это даже скорее уведомление, а одобрение короны — простая формальность.

— И кому я должна писать сие прошение? — Спросила я, заранее зная ответ.

— Канцлеру, герцогу Макбулу, — ну, я же говорила.

На миг представила, как Кенан с демоническим хохотом танцует в победном танце, а потом сжигает в камине моё прошение, но тут же отогнала от себя это видение. Не вяжется такая развязность с образом герцога. Даже сегодня с сегодняшним: расслабленный, он оставался слегка повелительно-надменным. Даже, когда говорил с издёвкой, выглядел очень аристократично. И хищно.

Глава 15

Прощение с Донкином мы набросали сразу же, а вот ответ я получила лишь спустя несколько дней. И то, по чистой случайности. Просто решила зайти в лавку к Косу, поинтересоваться, как у него дела. Продавать ещё что-то из дома мне не хотелось. Складывалось впечатление, что у Найран-Моэр есть душа: старая и потрёпанная. А я всё больше над ней издеваюсь, когда выношу его сокровища на продажу. Иногда чудилось, что даже стены становятся грустнее.

— Все посыльные отказались идти к вам домой, леди Моэр, — Кос привычным жестом поправил очки на носу, — просто трагедия! Вы ведь даже не сможете получать корреспонденцию напрямую!

— Почему письмо принесли именно вам?

— Сони, — бросил Кос и вернулся к своим важным делам, покачивая головой.

«Прощение об отсрочке на два месяца баронессы Аделаиды Найран Моэр принято удовлетворить. Верховный Канцлер, Кенан Хад Макбул».

И снизу маленькая приписка: «Моё предложение остаётся в силе, леди Арманд». Гневно скомкала письмо.

Продать Найран-Моэр означало лишиться свободы. Даже если решу купить маленький домик, мне придётся просить отца или опекуна, чтобы тот поставил подпись на договоре купли-продажи. А в новом доме начнётся та самая канитель: женщина не имеет право подписывать документы, наймите управляющего, вот вам муж из тех, кто согласился и бла-бла-бла.

Вернувшись домой, я уставилась пустым взглядом в стену в мыслях: где бы раздобыть денег на выплату налога. Сумму я узнала — восемьсот тридцать восемь золотых. Для меня — целое состояние, но очень мало для короны и в принципе для всех землевладельцев, мол, откуда взяться больше? Земля плохая, болотистая. Да и владения мои только на лес и болота распространяются. Странно, что в принципе возле столицы и королевского дворца располагается не герцогство, а всего лишь баронство. Так что с приобретением нового имени Моэр я оказалась разжалованной из графини в баронессу. По этому поводу сокрушался только Донкин, лично мне было глубоко всё равно.

— Не переживай, Тыковка, — погладила шею выросшего коня, — мы найдём способ раздобыть денег и не остаться с голыми стенами. Я что-нибудь придумаю.

И я придумывала. Долго.

И когда комнату за комнатой убирала свежескупленным веником с тряпкой наперевес, и неделю спустя, когда заканчивала с бесконечной стиркой всего белья и штор в ледяной воде, которые под руку попадались, и ещё неделю спустя, когда в очередной раз у нас с Тыковкой сгорел ужин. Моими стараниями.

— Так даже полезнее, — отмахивалась я от недовольной мордашки коня, жуя почерневшую картофелину, — знаешь, как уголь кишечник прочищает?

Но мыслей, где взять такую прорву денег, не было, хоть ты тресни.

Я уже заканчивала выносить в маленький костёр остатки листьев с первого этажа, теперь он абсолютно чистый, как в стену постучали. Не так, как стучали мои ночные друзья: медленно и зловеще, будто отовсюду сразу, а коротко и отчетливо. Как обычно стучат живые

люди во плоти.

Входной двери у меня так и не было. Порой косой дождь заливал холл первого этажа, заставляя меня тут же бросаться высушивать насухо плиточный пол. Логически я понимала, что это мало поможет, но очень захотелось защитить от лишней сырости красивую, деревянную лестницу с рельефными перилами.

— Бахо? — На моё удивление парнишка приподнял козырёк кепы.

С ребятами я проводила почти каждый день, гуляя по городу и заседаю в трактире. В верхний город я больше не совалась, не интересно, а вот в нижнем родовитую леди в чёрном уже узнавали и больше не боялись, в основном из-за дружбы с этими мальчиками. Ну, и с завсегдатаями трактира, конечно, но таким хвастаться неприлично. Но в свою защиту скажу, что туда навевалась только на ужин, и всегда в сопровождении моих маленьких друзей.

— В деревне под городом праздник, пошли с нами, леди!

— Меня не приглашали, — честно говоря, в душе зародилось неистовое желание пойти на этот праздник, но как ко мне отнесутся? Дурная слава от меня никуда не делась, как и от того места, в котором я жила.

— Здесь носы не воротят, — Бахо уже устремился к сорванным воротам, — и Тыковку возьми! Может, найдём ему кобылу его сердца! — Подмигнул сорванец, оглядываясь.

Он упорхнул так быстро, что я даже не успела спросить: как он вообще до меня добрался? Пару раз мальчики хотели прийти в гости первыми, но каждый раз терялись в лесу, что для меня было удивительным — дорога ведь вела прямо. Но они утверждали обратное.

— Тыковка! — Я влетела на кухню, спугнув друга, — нас на праздник позвали!

Да, разговаривать с лошадью было верхом потери разума. Но кто поставил бы себя на моё место? Здесь нет привычного шума города или деревенского двора, а всегда тишина, если не считать недовольных стуков и шёпота во тьме.

— Как мы пойдем с пустыми-то руками? И надо срочно привести себя в порядок!

Быстро обтерев полностью зажившее тело тыковки и расчесав его отросшую гриву, я передела брюки и рубашку в привычное чёрное платье. Но уже без вуали.

Город встретил нас традиционным динамичным ритмом. В растерянности покусывая нижнюю губу, двинулась к пекарне.

— Ох, вдовушка, — всплеснула руками маленькая женщина в теле, — у нас столько пирогов на самый изысканный вкус! Пальчики оближешь!

Я в задумчивости уставилась на прилавок с разрезанными на куски пирогами с самыми разными начинками: от мясных с грибами до фруктово-ягодных.

Вот почему я больше всего скучаю и не нахожу нигде в магазинах, так это по свежему творогу. Ну вот правда! Если что и напоминало творожную массу, так это был уже почти сыр: такой же солёный и твёрдый. А сырники? А блинчики с творожной начинкой? Куда катится этот мир...

— Мне всех по два, пожалуйста, — сказала удивлённой женщине, которая тут же метнулась выполнять заказ.

Всех по два не нашлось, как выяснилось, за четыре серебрушки я скупилась весь товар за сегодня. Даже, если считать уже порезанные пироги. Но они все пахли настолько обалденно, что, думаю, мне простят надругательство над целостностью.

Та самая деревенька. Что попадалась мне каждый день по пути из леса в город, встретила меня праздничным гомоном. Быстро же собрали стол.

Люди жгли собирались в честь середины осени, когда вся работа полностью закончена, скот зарезан, а народ просто готовится к холодной и снежной зиме.

В самом центре стоял длинный стол, заваленный едой и кувшинами с элем. Вокруг жглись костры, задорные девчонки танцевали под аккомпанемент местных умельцев на инструментах вроде гуслей и примитивных барабанов.

Этот праздник проводился каждый год и ежегодно дорога через ворота близ деревеньки закрывались. Видите ли, местным господам и дамам надоедало морщить аристократичные носики, наблюдая за таким диким весельем. Варварством, даже! То ли дело у них там, наверху! Спокойные чайные вечера, ряженные балы за чинными беседами о погоде и о том, кто какой туалет сегодня выгуливает.

Не то, чтобы я бывала там, но общаясь в трактире с теми, кто обслуживает такие мероприятия, наслышана.

— Леди! — Помахал лапищей Грот, тот самый из четвёрки, что помог мне поставить герцога на место, — мы вино подогрели, идите к нам!

Одно дело общаться с людьми в трактире за ужином, слушая местные сплетни, и совсем другое прийти в совсем незнакомый мне мир. Некоторые смотрели на меня искоса, выразительно сравнивая взглядами мой дорогой наряд и их простые платья с шерстяными платками; кто-то просто не замечал мою фигуру, а кто-то с интересом осматривал мнущегося за моей спиной Тыковку.

Он у меня оказался красавец: пепельно-серая шерсть с иссиня-чёрной гривой. Он ещё жеребьёвый подросток, но уже был гораздо выше и грациознее своих сверстников. Крестьяне держали в основном тяжеловозов — низких и выносливых крепышей. Стражники и благородные лорды предпочитали племенных скакунов, выделяющихся своей высотой и изяществом. Но подросток Тыковка уже был ростом со взрослую лошадь, и продолжал потихоньку расти.

Кос как-то бросил мысль, что не так и прост мой конь, как мне кажется. Нечто подобное я замечала и раньше: помимо впечатлительного роста, у него чересчур быстро затягивались раны, и был он действительно умным. Я не сошла с ума, но порой мне казалось, что я читаю на его морде эмоции: он мог смотреть укоризненно, когда я падала с табуретки в попытке снять пыльные бархатные шторы, мог смотреть с издёвкой, когда пропадало моё яблоко, мог даже выглядеть виноватым, когда я очередной раз на кухне замечала маленькую лужицу крови.

Вот последнее меня интересовало больше всего. В какой-то из вечеров я словила себя на мысли, что перестала слышать мышей в стенах. Вот совсем. Но Тыковка точно доброе, травоядное животное с грустными глазами, по крайней мере, по моим наблюдениям. А то, что иногда в ночи его глаза светились красным, так я не ветеринар. Может, у всех лошадей так? У котов, вот, от лучей света глаза отдают зелёным. У лошадей могут отдавать красным.

Но я всё же покосилась на своего малыша, которые грозно возвышался за моей спиной, вспоминая, что даже после исчезновения мышей, всё мясное также продолжило пропадать: от косточек до целых сырых тушек. И каждый раз Тыковка выглядел виноватым.

— Ох, дорогуша, знала бы, куда вы покупаете мои пироги, бесплатно всё б отдала! — Всплеснула руками уже знакомая дама.

Вышло неловко. Я пришла с угощением, которое купила у одной из хозяек праздника. Но когда ко мне подлетели ребята, скованность отступила.

Я уже всю болтала с местными жителями, которые пропасти между нами вовсе не

чувствовали. Малыши подкармливали Тыковку пирожками, взрослые подливали мне домашнее вино, я хохотала над житейскими историями вместе со всеми.

Меня даже вызвались проводить до начала леса, но дальше всё-таки не зашли. Суеверия не оставили их. Но я уже давно перестала бояться своих владений.

Даже призраки в доме казались какими-то родными.

Уже засыпая в полноценной спальне, освещаемой парой свечей и отапливаемой свежими дровами, я вновь услышала голоса и ругательства, доносившееся с болот.

Пару раз и раньше мне казалось, что я вижу там случайных прохожих, но издали рассмотреть детали не получалось.

Сейчас же, наспех накинув мужскую куртку, я стремглав спустилась с лестницы в полнейшей темноте, даже ни разу не споткнувшись.

Пробирающий до костей ветер, гуляющий сквозь дверные и оконные проёмы первого этажа, тут же согнал остатки сна.

— Тыковка! Нельзя же ходить так бесшумно!

Малыш уже давно облюбил себе оранжерею, хоть иногда и ночевал в моей спальне, уютно устроившись на матрасе, который я положила возле своей кровати.

И вот вопрос: у лошадей копыта, копыта цокают, то есть, лошади не бесшумные. Как Тыковка постоянно подкрадывается незаметно?

Мы двинулись в сторону болт: я чуть пригнувшись, а Тыковку и так в темноте не рассмотреть.

— Сюда ступай, дебилина! — Доносились ругательства.

Их было семеро. Один спереди вонзал в болотистую землю перед собой длинную палку, за ним двое несли факелы. В середине ещё двое с натугой тащили огромный сундук, то и дело останавливаясь для отдыха, а замыкала сие шествие ещё одна пара с факелами.

Зачем соваться в болота, чтобы что-то пронести? Только, если «что-то» незаконное. Мероприятие крайне опасное и при свете дня, а в темное уж и подавно.

— Мы потеряли дорогу, — сплюнул тот, что с бугром.

— Не потеряли! Ровно идём, давай быстрее!

Тут все они резко замерли. Я уже успела испугаться, что нас с Тыковкой вычислили, но они и головы не повернули в нашу сторону.

— Что это было?! — в тревоге спросил замыкающий факелonosец.

Я проследила за его взглядом и тут же оцепенела. Прямо надо водой стояла белёсая полупрозрачная фигура. Кажется, она звала кого-то из них.

— Здесь никого нет, пошли!

— Да вон же!

— Там никого нет, ирод проклятый!

Но я тоже видела фигуру!

Волосы на теле зашевелились от страха. Тыковка вертел ушами неотрывно глядя на ту самую фигуру. Он уже было собрался кинуться к ней, но я с силой его удержала на месте. Не хватало помимо призраков наткнуться ещё и на контрабандистов.

— Аида, — внезапный шелест раздался возле нас.

Я едва успела прикрыть вырывающийся крик наружу, глядя в такую же непонятную дымку перед собой.

Ну нафиг эти расследования!

Домой я бежала с завидной скоростью. Даже Тыковка не сразу меня догнал. Свои

призраки как-то роднее уже. Тем более, они только стук и кидание мебели, а не реальные полупрозрачные, жуткие фигуры

На утро я решила заглянуть на тропу контрабандистов ещё раз, при свете белого дня, так сказать.

Естественно, мужчин уже не было. А вот сундук остался.

Но повторить их подвиг и сунуться в эту смертельную ловушку я не рискну даже при свете белого дня.

Когда первый месяц из моей отсрочки истёк, как гром среди ясного неба меня ошарашила новость: Сони, Бахо, Лала и ещё несколько ребят исчезли. Совсем.

Глава 16

— Кос, подумай ещё раз, куда они могли направиться? — В умоляющем жесте заломила я руки.

— Никуда не могли! Они кроме этого города ничего не знают и не видели!

Каждый день. Каждый Божий день я видела своих мелких хулиганов на улицах. Каждый день мы ужинали в трактире. Я даже купила им новую тёплую одежду и обувь! И вот пятый день их нигде нет.

В трактире ребят никто не видел, на рынке — тоже. Беспризорники среднего города уж слишком быстро отвечали, будто ничего не видели, что у меня начались закрадываться нехорошие предчувствия.

— Вспомни, может их поведение изменилось в последнее время? Может, они были чем-то напуганы? Может, ты что-то слышал? Что угодно!

— Да всё как обычно, леди Моэр! — Кос плюхнулся в кресло, устало протирая лоб платком, — иногда забегали, иногда приносили старую рухлядь за пару медяшек, а потом пропали.

Я в отчаянии застонала. Дети не могут исчезнуть просто так! Тем более, сразу несколько. Наверняка кто-то что-то видел, просто либо молчит, либо я ещё не нашла такого человека.

— Кос, где здесь типография или что-то типа того?

Мужчина непонимающе моргнул:

— Что, простите?

— Ну, газета? Где я могу дать объявление?

— Что такое газэта? — Здесь я в прямом смысле слова «объехала».

— Это же столица, — всё ещё в шоке продолжила я, — как люди узнают новости? Объявления всякие читают?

— Так письма же. Бедняки и рабочие читать почти все не умеют, а аристократия письмами и в будуарах новостями обмениваются.

— А книги?

— Переписывают. В королевской Канцелярии сидит старый зарегистрированный маг, который для богачей делает копии. У вас дома целое состояние, а вот на первом этаже столько книг утеряно. Трагедия... Трагедия!

Вот те раз... Мой план дать в газету объявление о пропаже мальчиков провалился с треском. Куда обращаться? Гвардейцы только носы отвернули, буркнув, что дети с улиц всегда пропадают, потом находят, Сони соврал насчёт родителей, они втроем жили в приюте.

— Не переживайте, леди, найдёте своих негодников, — Тильда с сочувствующим взглядом поставила передо мной стакан хереса, — сейчас в трактир мужики набьются, ещё раз спросим у них.

Да я опросила почти всех завсегдатаев, результат одинаковый — ничего.

Трактир начал наполняться вечерними посетителями, уставшими после рабочего дня. В основном в доках. И в основном мужчинами.

К хересу так и не притронулась, в задумчивости уставившись в окно. Пока я не знаю, что придумать, мои мальчишки непонятно где и с кем. Живи ли они? Не обижают ли?

— Господа! — Выкрикнула я, вставая из-за стола, — минуточку внимания! — Как по щёлчку все обернулись, застыв в ожидании, — мне нужны столяры, срочно! Плачу вдвое больше!

— Как срочно?

— Прямо сейчас!

— Вы опять что-то придумали, леди? — Грот вытер пену от эля с усов.

— Почти, но на этот раз это вопрос жизни и смерти.

Вопросов больше никто не задавал. Несколько мужчин во главе с Гротом отставили свой эль, поднялись и повели меня за собой в столярную мастерскую.

Там я объяснила сообразительным мужикам, что мне нужно много крошечных дощечек с выпуклыми буквами, только в зеркальном виде. Крепёж для этих букв в виде доски с маленькими рейками и всё в таком количестве, максимум который они смогут сделать. Я не знала статистику самых популярных букв, может, затея не рентабельна, но лучшего я пока не придумала.

— Для чего это?

— Объявление буду давать, в газете, — буркнула я, старательно выводя примеры на толстой бумаге, то и дело забывая, что буквы должны быть зеркальные, а эти мужчины читать и писать не умеют.

— Что такое «газета»?

— Вот завтра все и узнают.

Грот быстро сообразил, что понадобятся ещё руки, поэтому позвал из трактира больше резчиков или тех, у кого руки как минимум из нужного места растут.

Я же сбегала к неизменному Косу за чернилами и бумагой. Всей, что была у него в закромах, даже очень плохого качества, вывалив за это целое состояние, и ещё записала себе в долг.

— У вас есть художники? — Протараторила, сгружая очередную партию бумаги с чернилами, — кто лица умеет рисовать?

— В среднем городе один. Но у него очередь на месяцы вперёд.

— Подвинется та очередь.

Художник отыскался в двухквартирном доме на втором этаже. Весь какой-то помятый молодой человек с запахом перегара и слушать меня не желал:

— Только по записи! — Махал он руками, задевая огромными рукавами халата баночки с красками, — у меня заказов море! Леди Майран с её болонкой не могу дорисовать! Уже вторая болонка дохнет. А ей портрет с болонкой нужен!

— Да мне просто набросок! Можно карандашом или углём, — взмолилась я в очередной раз, — на одной бумаге, всего лишь набросок!

— Вы понимаете, что можете подорвать мою репутацию художника? — Возопил он, скомкав мой пример «наброска» лиц ребят: три кружочка, в них точка, точка, запятая, — ко мне после такой незаконченной работы клиенты не пойдут! Это ж какой позор!?

— Золотой! — Выкрикнула я в захлопнувшуюся перед моим носом дверь, — плачу один золотой и никто не узнает, что это были вы!

Дверь приоткрылась. В щёлку выглянул длинный нос со сверкающим одним глазом:

— Клянётесь, что никто не узнает?

— Даю слово!

К ночи печатный станок был готов, точнее, печатный пресс. Грот, который умело резал по дереву, уже заканчивал с портретом мальчишек, кропотливо повторяя каждый контур по рисунку, на удивление точному. Мальчики смотрели на меня с дерева прямо как в жизни: Сони чуть мечтательно, Бахо с неизменно нагловатой улыбочкой, а Лала слегка грустно с по-детски приподнятыми домиком бровями.

У нас в комитете были зарисовщики, но они пользовались компьютерной программой, где получался сугубо технический портрет. Узкие глаза, прямые брови, треугольное лицо, шрам на левой щеке. Художник Зойеран же не зря допытывался о характере мальчишек. В начале, это вызывало у меня волну раздражения, что зря теряем время на его романтическо-творческую ерунду, сейчас же было понятно — результат того стоил.

На смену резчикам пришли женщины, но они тоже не умели читать и писать, поэтому текст «набирала» сама.

В спешке не подумала о том, чтобы сделать алфавит с заглавным буквами, но потом выбросила эту мысль из головы. И так сойдёт. Главное, чтобы обратили внимание.

После набора, женщины помогали отжимать текст под прессом на бумаге, а потом аккуратно раскладывали свежепечатные листы, чтобы чернила на них высыхали.

— Как живые! — Ахнула одна из них.

— Дура! Они и есть живые!

Я не вмешивалась, продолжая сосредоточенно посыпать кварцевым порошком чернила, чтобы те не растекались.

Мне не хотелось как бы то ни было называть свои листовки, но восхищенные женщины настояли, пришлось «допечатывать» название тем же маленьким шрифтом.

К утру вышел первый выпуск «Столичного голоса»:

внимание, пропали трое мальчиков: сони, бахо и ларт. были одеты в коричневые штанишки, серое пальто с синими шарфиками. кто обладает какой-либо информацией, поделитесь ею с косом за вознаграждение.

о погоде на сегодня: холод и дождь. запасайтесь носовыми платочками, не сморкайтесь в рукав. в реке не сезон стирок.

объявление: леди майран срочно возьмёт болонку в аренду. любого пола и возраста, с крепким здоровьем желательно, но не обязательно.

свечи по выгодным ценам можно приобрести в кривом переулке дом восемнадцать лавка коса.

На утро каждый второй горожанин любого сословия держал в руках моё печатное издание, кто не умел читать, тем во весь голос кричали содержания мальчишки с колокольчиками в руках. Мальчики тоже не умели читать, но ещё ночью я раз за разом так часто повторяла им текст, что они выучили его наизусть. А заработать по половине серебрушки с радостью согласился каждый из них. Заниматься тем, что от них требовал Фитха — болезненно и небезопасно.

Как и ожидалось, к Косу притащилась толпа зевак, которая якобы видела ребят, но никто ничего конкретного сказать не мог, а денег им плати, которые у меня утекали как песок сквозь пальцы.

— Вам нужно идти домой, отдохнуть, миледи, — Кос тоже едва на ногах держался, принимая целый день череду людей.

— Я не могу, а если кто-то сейчас придёт?

— Я отправлю вам гонца, идите.

Тыковка встретил тревожным сопением, по привычке пытаясь боднуть меня в живот, но я уже была низковатая для такого финта, поэтому получила конкретный тычок в грудь.

— Ну не умею я готовить, — вздохнула я, глядя на нетронутые миски с подгоревшим месивом, которое по плану планировалось как рагу, — а ты не жуёшь траву в оранжерее, как полагается послушному коню, так что мы оба в равных условиях.

— *А-а-а-и-и-и-да-а-а*, — заварник выпал у меня из рук.

Давно меня не звали по имени, а сейчас и вовсе ещё солнце не ушло в закат.

— *А-а-а-и-и-и-да-а-а, и-и-д-и-и-и...*

— Это что-то новенькое.

Идти куда? Вон, как обычно? Я думала, мы уже всё решили.

Голос доносился отовсюду. Я сосредоточенно пыталась найти источник, но это было бесполезно. Он будто обволакивал своим мистическим звучанием, вызывая ставший привычным первобытный страх.

— *И-и-и-ди-и-и...*

— Да куда идти? — Я уже откровенно злилась — если скажешь «вон», тебе не понравится, *кудая*тебя отправлю, понял?

— *И-и-и-ди-и-и...*

Внезапно, на втором этаже раздался стук. Одиночный, в очень даже конкретном месте.

Не веря своим ушам, я уже ринулась к лестнице, как меня вновь окликнули по имени. Живым, человеческим голосом.

— Леди Моэр? — Красивая блондинка с бездонными глазами, которые казались смутно знакомыми, нервно переминалась с ноги на ногу в проёме без дверей.

— Да?

— Меня зовут Мойда, сестра Лалы, то есть Ларта.

— Мойда! — Я сбежала с лестницы и, совсем забыв обо всех нормах приличия, сгребла смущённую девушку в объятия, — я пыталась вас найти! Вам что-нибудь известно о мальчиках? Как вы сюда попали? Проходите же!

Совсем пунцовая девушка несмело шагнула вглубь особняка. Без стеснения за беспорядок и убогость своего жилища, я потащила её на кухню.

— Я была у Коса, и он... ой!

Тыковка подкрался как всегда бесшумно и сейчас занимался тем, что чинно, с непробиваемым спокойствием жевал шляпку Мойды.

— Извините, он хороший, просто невоспитанный, — шикнула на друга.

— Он живёт прямо в доме?

— Ну, не прямо, то есть не всегда, у него своя оранжерея, но ему там скучно. Мышей ведь всех уже сожрал.

— Он есть мышей?!

— После того, как наиграется, — торопливо кивнула девушке, — так вам что-то известно о ребятах?

— Я не знаю, наверное, — девушка обхватила подрагивающими пальцами чашку с чаем, бросая опасливые взгляды на Тыковку, который сейчас несколько по-кошачьи, подпрыгивая, игрался со своей тенью, — просто не знала, к кому ещё пойти. Всем всё равно, а ребята рассказывали, что вы не только простили им кражу за мой... ну, за мой выкуп из...

— Я поняла.

— И даже заступились перед верховным канцлером и вообще помогаете им, заботитесь.

— Да, да, — я уже теряла терпение, — что там с мальчиками?

— Сегодня Фитха придёт к нам в заведение. Когда-то я слышала, что они переправляют живой товар, а несколько дней назад люди Фитха обсуждали новую партию. А потом сразу же исчезли ребята, — она промокнула одинокую слезинку, — я тогда не подумала, что это может быть как-то связано, но сейчас не знаю, что и думать. И эти газеты с личиком моего братика. Может, это всё-таки связано?

— Где они сегодня будут встречаться?

— У нас в заведении...

— В борделе. Сможешь провести меня туда?

Мойда в шоке округлила глаза:

— Да вы что?! Вы же леди! Я могу подслушать, а потом всё вам рассказать!

— Так не пойдёт, мне нужно попасть туда

Девушка в задумчивости хмурила лобик. Даже эту черту Лала взял у старшей сестры. Может показаться, что тридцать золотых — это огромная сумма, чтобы выкупить долг девушки у её мадам, но глядя на неё я понимала, почему она так дорого стоила, как бы цинично это ни звучало. Мойда была обладательницей той самой редкой красоты, которую принято называть чистой. Всё в облике девушке говорило об её хрупкости и нежности. Наверное, её клиентам крышу срывало, обладая таким цветком.

— Кажется, я придумала, как сделать так, чтобы не привлечь к вам внимания. Будьте в верхнем городе с закатом. Только так, чтобы вас никто не видел. Я проведу вас в бордель.

Глава 17

На город опускались сумерки, высвобождая из уличных закоулков липкую мглу, а с реки — мистический туман.

Поёжившись от холода, я наворачивала уже, наверное, сотый круг возле дома утех Мадам Жизеллы, что находился в верхнем городе, совсем недалеко от королевского дворца.

Интересно, как жёны знатных лордов реагировали на то, куда именно направляются по вечерам их благоверные? Неужели у них хватало наглости настолько, что они даже не скрывали свои измены под самым носом? Вряд ли женщины могли позволить себе то же самое.

Мойда, как оказалось, работала именно здесь, а не в борделе возле моего любимого трактира. Сейчас же девушка находилась на положении служанки.

Она просто мне сказала прийти и ждать. Вот я пришла и жду.

Тыковка порывался пойти со мной, заметив моё душевно состояние, но в верхнем городе с лошадьми появлялись только стражники. Даже кареты, высадив благородных особ, отъезжали потом в многочисленные конюшни, разбросанные вокруг города, дабы не смущать изысканный вкус местной элиты. Поэтому Тыковка возмущённо фыркая и облизываясь на уличную кошку, остался на попечении Грота. Дома сидеть мой дружочек наотрез отказался.

— Леди Моэр? — Тихим голосом позвала Мойда, окидывая удивлённым взглядом мои брюки, мужскую куртку и кепку, натянутую на самый нос, под которой я спрятала длинные волосы.

— Как я попаду внутрь? — Вместо приветствия, накинулась на девушку с расспросами.

— Ах, вот где байструк?! — Послышался зычный голос из-за угла роскошного коттеджа, к которому подъезжало всё больше карет, — а ну быстро за дровами! Гости приходят, а у нас ни огня, ни тёплой воды!

— Я попросила постоянного помощника сегодня не прийти, солгала, что нашла временную замену, — девушка спешила за мной, пока я бежала к хозяйственным пристройкам за дровами.

И почему у неё такой извиняющийся тон? Да она выкрутилась из ситуации просто гениально! Всё лучше, чем прокрадываться в сумерках и постоянно бояться быть застигнутой врасплох.

Меня с дровами девушка провела через задний ход. Сама Мойда тащила увесистые деревянные ведра с водой. Кухня борделя встретила нас хаосом, выкриками и запахом жаренного бекона.

— Тот, кого мы ждём, ещё не пришёл, — тихо шептала мне сестра Ларта, — но прежде, чем выйти в основную часть здания, здесь надо закончить много работы.

Мойда выглядела виноватой. Девушке и в голову не пришло, что физический труд меня нисколько не смущает и, уж тем более, не оскорбляет, как и само пребывание в таком месте.

Все принимали меня за парнишку. На секунду даже стало обидно за свои женские формы, которые даже не подумали вылупить в нужных местах в нужное время. Я действительно была похожа на подростка в этой мешковатой одежде, а после быстрой чистки каминов, лицо вообще перестало походить на женское. Теперь я почти как Бахо.

При мысли о мальчике сердце сжалось.

Мой капитан при выезде на первый труп спрашивал, что бы я выбрала: тревогу или страх? Тогда я растерялась. Какая вообще разница, если от обоих чувств внутренности вымораживаются, а мозг не способен мыслить здраво.

«Тревога — абстрактная хрень, которая забирает все силы в никуда. У страха есть имя, образ, лицо, результат. Страх реален. Пойми, чего боишься, справиться будет легче. Воплоти тревогу в страх. Нет ничего более нормального, чем бояться».

Чего больше я боялась: что мальчиков нет в живых или того что я не уберегла? Думаю, второе. О том, что мальчиков нет в живых и думать не хотелось, а тот факт, что я для них могла сделать больше, можно исправить. Я найду способ всё исправить.

— Ты, как тебя? — Ко мне вышла сама мадам Жизелла, строго вышагивая по свежевывытому Мойдой полу.

— Я, э-э-э... Кен.

Уж не знаю, зачем сократила имя герцога, и почему вообще о нём подумала, находясь в борделе, но слово не воробей, вылетит — береги скворечник.

— А ну быстро в алую комнату камин готовь!

Я растерянно оглянулась на Мойду, которая показала пальцами «три» и ткнула указательным наверх.

Дом утех встретил меня с дровами гомоном и тихой переливчатой музыкой. Мои шаги тонули в смехе, ворковании и звоне бокалов. В большом зале до одури пахло сладкими, маслянистыми духами, вперемешку с алкоголем и хорошим табаком.

Я медленно поднималась по лестнице, пытаясь разглядеть всех и сразу. Здесь не было вульгарных девушек, даже наоборот: все они одеты изысканно, грациозно закидывали головы, когда смеялись, вежливо поддерживали беседы. Невольно вспомнился знакомый, «трактирный» бордель. Девушки внешне там ничуть не хуже, но в более пошлых нарядах. От них требовалось вести себя вызывающе, вынуждая зазывать мужиков на улицах, выставляя свои девичьи прелести напоказ, и обращаться с собой не самым достойным способом.

— Третий столик у сцены видишь? — Мойда догнала меня уже на втором этаже, откуда с балкона было удобно наблюдать за гостями, оставаясь незамеченной, — мужчина в фиолетовом жилете. Это Фитха.

Я ожидала увидеть некого варвара, слизывающего кровь младенца с меча, потешаясь над убитыми им невинными, но никак не холёного мужчину, даже слегка жеманного. Длинноватые тёмно-русые волосы аккуратно зачёсаны назад, на лице идеальная борода и широкая обольстительная, белозубая улыбка.

— Но как мне пробраться к нему? Кто этот человек рядом?

— Я его впервые вижу, они не просили принести алкоголь и девочек всех прогоняют.

Мужчины о чём-то сосредоточенно говорили, чуть склонив головы друг к другу. Все девушки были заняты гостями. Вокруг Фитхи с его собеседником в принципе образовался некий пространственный кокон — никого рядом. Этим ещё больше привлекли моё внимание. Казалось, что они буквально говорят о том, где именно сейчас мои мальчики.

Чушь, конечно. Такого совпадения просто не могло быть.

— Ты не знаешь, где живёт Фитха? — Девушка отрицательно покачала головой.

Быстро растопив камин, я вернулась на балкон, продолжая пожирать взглядом Фитху. Казалось, он чувствует недружелюбное внимание к себе, то и дело оглядывался, но не замечал от кого именно исходило столь пристальное внимания.

Подойти к нему не было никакой возможности: там попросту отсутствовали камин, да и мадам запретила показываться гостям на глаза.

А вот я заметила кое-что. А именно маленький чемоданчик у его ног.

Быстренько вбежала на кухню в поисках Мойды, которая как раз нарезала зелень, сдувая пряди со лба.

— Мойда, как можно заставить Фитху уединиться?

Девушка покраснела.

— У него были две любимицы, с которыми он любил коротать вечера: Эвелин и... я.

— Эвелин сможет сейчас отвлечь его внимание?

— Она слегла с хворью, — девушка опустила глаза на свои мозолистые руки.

— Ты ведь понимаешь, о чём я сейчас буду тебя просить? — девушка понимала, её руки затряслись мелкой дрожью, — Мойда, милая, уверяю, с тобой ничего не случится. Ты просто должна завести его в комнату, а там он всего лишь уснёт. Мне нужно взглянуть на его бумаги в чемодане, прошу тебя.

— Но мадам не выпустит меня в зал, я теперь просто кухарка и прислуга.

— А мадам и не надо разрешать, можно ведь заставить этого Фитху самого попросить её о тебе.

Девушка подумала с секунду и упрямо кивнула, соглашавшись. Среди моих мальчиков был и её младший брат.

Мы зашли в спальню прислуги, где я заставила девушку сменить её рабочее, тяжелой платье на хорошенький наряд нежно-голубого цвета. На затылке собрала её волосы в слегка небрежный пучок, вытягивая пряди у висков, которые нежными локонами обрамляли красивое личико.

Все фартуки, что носила здесь прислуга, некрасиво топорщились отвратительными складками на груди и животе, поэтому я безжалостно срезала верхнюю часть, оставляя лишь ту, что покоилась на юбке, красиво подчёркивая тонкую талию девушку.

Критично осмотрела результат и осталась довольной, почти. Мойда выглядела как ученица приходской школы, с её глухим платьем, но даже я не могла не заметить великолепную, сочную фигурку, которая непозволительно дерзко контрастировал с её невинным лицом.

— А это зачем? — Испуганно прошептала девушка, увидев, как я приближаюсь к ней с угольком в руках.

— Так надо, облизни, — девушка послушно облизнула уголёк и покорно закрыла глаза.

Я сделала несколько штришом на верхних веках во внешних уголках и прошла между ресницами. Вот, то, что надо. Теперь её глаза из обычных голубых стали просто морскими омутами. Даже, если Фитха забыл о своей фаворитке, теперь точно должен вспомнить.

Мойда выглядела всё тем же хрупким цветком, только теперь за этими глазами и этим образом виднелась некая тайна. Ни один мужчина не пропустит, а думают они все одинаково.

— Ты просто пойдешь с подносом к нему и скажи что закуски, это комплимент от заведения, — подталкивала девушку под спину в зал.

— Думаете, это сработает? Нас учили, что надо прикасаться к ним, залиvisto смеяться и всякие вещи вытворять с губами.

— Бред! Просто поставь этот чёртов поднос на стол, скажи, мол, угощайтесь, посмотри ему в глаза и резко отведи взгляд, будто смутилась. И мигом сюда.

Я не видела, последовала ли девушкам моим инструкциям или нет, меня попросту сослали таскать воду. А когда вернулась на кухню, то увидела мадам, которая пыталась договориться с Мойдой, чтобы та «утетила мужчину в последний раз».

Девушка подняла на меня глаза и чуть заметно улыбнулась.

— Потяни время, минут пятнадцать, я скоро, — шепнула ей, выходя из кухни.

Быстрая пробежка до фармацевта и обратно заняла даже меньше времени. Но вернулась я, кажется, вовремя. Из-за закрытой двери слышались жалобные всхлипы девушки и тихий тембр голоса Фитхи.

В комнату я зашла совсем тихо, стараясь попасться на глаза только Мойде. Взглядом указала на кувшин с водой, пытаюсь выудить из всего своего мимического арсенала намёки на то, чтобы воду она не пила, а вот Фитха отхлебнул как следует.

— Милорд, я так разволновалась, ах, — хрустальный голосок вызвал странный гортанный у мужчины, — нам нужно несколько глоточков воды, остудить пыл, — я мысленно хлопнула себя по лбу. Такой топорной актёрской игры даже в худших фильмах Болливуда не было. Но, кажется, сработало.

Услышав тяжелые шаги, я юркнула под оттоманку. Ноги, затянутые в фиолетовые брюки остановились возле моего носа, послышалась льющаяся в бокал вода, а потом ботинки протопали назад.

Он что-то проговорил девушке, она что-то пробормотала в ответ, а потом вот он! Долгожданный звук падающего тела.

— Тяжелый какой, — мы с Мойдой старались поднять его с двух сторон, чтобы уложить на кровать, — что вы делаете?

— Раздеваю его, — как само собой разумеющееся, ответила я, — одно дело, если он очнётся и начнёт обвинять в том, что его отравили, и совсем другое, если он очнётся голым. Он просто подумает, что ничего не помнит. Мы ещё и пустую бутылку от коньяка оставим, и оботрём его спиртным, пусть думает, что напился до беспамятства.

Девушка, которая несколько лет проработала в борделе, отвернулась густо покраснев, пока я догола раздевала криминального главу.

В одежде он казался просто худощавым, но сейчас, без одежды, передо мной лежал молодой мускулистый мужчина. Скорее поджарый, как те, кто занимается лёгкой атлетикой. Даже в расслабленном состоянии прослеживались чётко-очерченные мышцы под кожей. Такой и догнать сможет, и шею открутить.

— Ты видела, куда он поставил свой чемодан?

Кивнув, девушка кинулась к двустворчатому шкафу, доставая из-под плаща тот самый чемоданчик, что привлёк моё внимание

Меня даже начало потрясывать от ненормального возбуждения, когда я его открыла. Но даже после беглого осмотра, я поняла, что это гиблый вариант: одни расписки, какие-то заметки, но ничего серьёзного.

Должники, должники, должники. Какие-то записи о поставках с пометкой «БТ». Перед многими стояли минусы.

Была запись о поставке драгоценных камней с той же пометкой «БТ» и с тем же прочерком возле даты недельной давности. Только на этот раз порванная бумага выдавала всю степень злости того, кто ставил этот «минус»

— Что-нибудь нашли, леди Моэр?

— Нет, ничего, — я готова была закричать от досады, как моё внимание привлекла ещё

одна странная запись: «Пять: восемь, восемь, десять, пятнадцать, тринадцать. Два ЛАА, полночь, сто двадцать пять, «Чёрная Хвоя», БП», — кажется, что-то есть.

— Что там? Там сказано, где Лала?

— Нет, — в привычном нервном жесте я жевала нижнюю губу, — ты знаешь, что такое Чёрная Хвоя?

— Трактир в трёх часах езды от южных ворот. Лала там?

— Не думаю, но, кажется, там Сони и Бахо.

Девушка в нетерпении заглянула в записку и в недоумении нахмурилась:

— Здесь какая-то ересь.

— По-моему, здесь сказано, что пятеро детей: восьми, восьми, десяти, пятнадцати и тринадцати лет будут проданы без посредников за сто двадцать пять золотых в «Чёрной Хвое». Может, и не будут проданы там, а может, уже проданы но Мойда, это зацепка!

— Что такое «ЛА»?

— Без понятия, но это и не важно! Мне надо в это трактир!

Девушка возбужденная, как и я, порывалась пойти со мной, но я настояла на том, чтобы она осталась с мерзким Фитхой. Чтобы он проснулся, а она была рядом, отводила подозрения. Естественно, в одежде. Не хватало ещё и самой стать мадам.,

Найти того, кто доставит меня в трактир, тоже не составило труда. Я вначале порывалась поехать чуть ли не верхом на Тыковке, но Грот остановил.

— Он, хоть и высокий, но не развился до конца. Юное туловище может пострадать, да и для леди не самый удобный способ езды, — Тыковка гордо бил копытом в новой подкове по брусчатке, даже слегка позируя мне, гордясь подарком моих друзей из трактира. Но они правы. Из меня наездник никакой.

Уже, когда меня доставили к трактиру, находящемуся под полной луной в бескрайнем поле, я поняла одну простую вещь: я в наряде беспризорника и без денег. А мужик, что меня привёз сюда, уже развернулся и покатыл, тихо гремя деревянными колёсами, обратно в город.

Ну что я за беда такая? Вот почему даже не удосужилась сказать хоть кому-нибудь из мужчин, зачем именно я сюда еду? А если мальчиков здесь нет? А если есть, но они под охраной или вообще спрятаны? Я даже денег с собой не взяла, чтобы снять номер и разведать обстановку!

Мои попытки попасть внутрь ожидаемо закончились провалом. Меня натуральным образом прогнали метлой с порога. Доказывать кому-то, что я какая-то там леди не было ни малейшего смысла. Трактир был полон людей бандитской наружности. В то, что я леди и что со мной надо обращаться соответственно они могли и засомневаться, а вот тот факт, что перед ними молодое, незащищенное женское тело могло привести к катастрофе для меня.

Я пряталась в кустах, придумывая план проникновения, как услышала звук приближающейся кареты.

Судя по уровню заведения, особо высокопоставленных господ здесь быть не могло.

Я выглянула из своего укрытия: четвёрка вороных лошадей нервно била землю, поблёскивая эбонитовой шкурой под лунным светом. За ними возвышалась такая же чёрная карета, и которой вышла дородная женщина и, кутаясь в шерстяной платок, засеменила к таверне.

Я присмотрелась лучше и глазам своим не поверила, увидев знакомый герб.

Тихо прошмыгнув мимо сонного кучера, прокралась к окошку кареты.

Я, немного потоптавшись в нерешительности, всё же постучала в дверцу.

Она распахнулась:

— Здравствуйте, ваша светлость! — Улыбнулась как можно шире удивлённому Кенану, напрочь забыв, что моё лицо перемазано сажей, — дивный вечер, не так ли?

Глава 18

— Леди Арманд? — Он осмотрел меня с головы до ног, — но что вы... Как вы... Что вы здесь делаете ночью и в таком виде?

— Решила прогуляться, — беззаботно махнула рукой, рассыпая опилки вокруг себя, — не сочтите за наглость, но помните, вы предлагали мне помощь?

— Подозреваю, что вы не до города попросите вас подвезти, — лорд Макбул вновь окинул меня взглядом, почти безуспешно пытаюсь скрыть усмешку.

— Всегда поражалась вашей прозорливости, — мой голос сочился мёдом, вызывая у герцога задумчивое выражение лица.

— Теперь мне по-настоящему страшно.

Со стороны таверны послышались громкие возгласы, вперемешку с залихватской песней, заводимой пьяными голосам. Я стояла, отвернувшись в пол оборота от кареты герцога, поэтому сразу даже дёрнулась от испуга, почувствовав на плече крепкую хватку. Женской рукой, между прочим. Не успела до конца удивиться этому, как меня быстро затащили в карету и бросили на сиденье непозволительно близко к герцогу.

— Добрый вечер, — в полном шоке поздоровалась с невестой лорда Макбула, быстро убирая свою ногу подальше от бедра герцога

Девушку, что сейчас с большим интересом рассматривала меня, я не заметила из-за не до конца открытой дверцы. Странно, что невеста и жених сидели друг напротив друга, а не рядом. Так бы не произошло такого конфуза.

— Леди Моэр, — очень даже искренне улыбнулась брюнетка, — предполагаю, что в это место в таком виде вас привела великая нужда.

Герцог в немом вопросе приподнял одну бровь, посмотрев на меня в выжидании.

— Вы, надеюсь, знаете, что с улиц столицы пропали мальчики?

— Эти газеты — ваших рук дело?

— Не-е-е-ет, что вы! — Слишком поспешно пошла в отказ, вызвав прищур недоверия со стороны герцога.

— А мне так они понравились! И вот просто: в самом открытом доступе столько информации! — Девушка, чьего имени я не знала, даже хлопнула в ладошки от восторга. — Сессилия, — представилась она, протягивая ручку в ажурной перчатке для приветствия.

— Аделаида, — ответила на рукопожатие своей — в царапинах, саже и ссадинах, — так вот, до меня дошли слухи, что мальчики могут быть здесь.

— Фитха имеет к этому какое-то отношение? — Глухо поинтересовался герцог.

Ну конечно. Он же верховный канцлер, должен был знать, что творится на улицах.

— Самое прямое.

— У вас есть доказательства?

— Нет, — я, балда такая, даже не додумалась прихватить ту записку с собой.

Ещё раз посмотрела на герцога беспристрастным взглядом: он не создавал впечатление неисполнительного и продажного человека. Впервые в голову пришёл вопрос: а как Фитха так долго и так открыто проворачивает свои тёмные делишки? Вряд ли он настолько гениален, что совсем не оставляет за собой следов, которые напрямую к нему не ведут. Каждая собака в городе знает, что он за человек и какие преступления совершает. Вероятно,

все улики против него либо настолько ничтожны, что даже к суду не могут быть предоставлены. Или, что ещё более вероятно, у него есть «крыша» в самых высоких кругах королевства. И не думаю, что это — герцог.

— Что, если мальчиков там не окажется? — Задал очередной очевидный вопрос Кенан, который мне и в голову не пришёл.

— Тогда вернусь в бордель и ещё раз проверю записи Фитхи, — нервно дёрнула плечом. Мы зря теряем время на эти расспросы.

— Вы не опасаетесь, что он увидит, как леди Арманд ковырялась в его бумагах?

— Он в отключке до утра, тем более в борделе леди Моэр не было, был парнишка Кен.

— Вы прокрались в бордель и вырубил человека? — В детском восхищении спросила Сессилия.

— Кен? — Сейчас лорд уже Макбул был ошарашен.

— Исключительно в честь моего безграничного почтения к вашей персоне, — в ответ он лишь фыркнул, ни на секунду не купившись на мою открытую лесть, — так вы мне поможете? Надо лишь просто отвлечь внимание всех посетителей, чтобы я пробралась внутрь. И предугадывая ваш следующий вопрос: да, к законникам я обращалась. Но даже Фрося к своей собаке оказывает больше внимания и заботы, чем те воротилы — моей просьбе.

— Вам не могло прийти в голову, что это слишком опасно для леди? Если, по вашим подозрениям мальчики действительно спрятаны в этом трактире, лучше мне всё проверить.

— Вы, конечно, не обижайтесь, ваша светлость, но из нас двоих я меньше и незаметнее. И там наверняка нет нормальной охраны: к конюшням стойла пусты, судя по обрывочным фразам, сегодня лишь завсегдатаи. И я не заметила ни одного человека с оружием.

Макбул всем своим видом показывал, что эта идея ему в корне не нравится. Кажется, сейчас мой черед читать его мысли: о беспечных леди, о том, что меня плохо воспитали, о том, что моя идея — худшая за всю историю этого королевства, что мой план такой же кошмарный, как и то тряпье, в котором я сейчас была.

— Кенан, пожалуйста, — Сессилия умоляюще посмотрела на своего жениха, — это же дети.

— Я не отказывался...

Внезапно, дверца кареты распахнулась. Кенан едва заметно толкнул коленом меня, намекая не раскрываться перед женщиной, вернувшейся из трактира. Скорее всего, гувернантка, судя по строгому взгляду.

Я моментально сгорбилась, скрывая лицо, даже рукавом вытерла нос, очень громко шмыгнув.

— Горения, милая, — Сессилия запела воробьём, игнорируя вопрос гувернантки, что это за беспризорник у них в карете, — я так проголодалась. Мы ведь сможем зайти туда, поужинать?

— Не думаю, что то заведение удовлетворит леди, — гнусаво ответила она.

— Думаю, я смогу позаботиться о леди Лавариан, — безапелляционно прервал лорд Макбул, выбираясь из кареты и протягивая руку своей невесте.

— А что с этим пацанёнком делать? Откуда он вообще?

— Он пришёл проситься на работу, пока я думаю, пусть отогревается здесь.

Я подождала, пока они скроются за дверьми, и выбралась из, кстати, действительно тёплой кареты. Интересно, как они собрались отвлекать внимание?

Прокравшись к задней двери, поняла, что здесь мне в трактир не попасть: какая-то женщина промывала свиные кишки при свете факела, распространяя не совсем приятный аромат на всю округу.

Обежав здание ещё раз, выбрала для проникновения небольшое окно сбоку. Было плохо видно, куда именно оно ведёт, но, кажется, в коридор.

Подтащив тяжеленный пень, поковырявшись с замком, я, кряхтя не как леди, всё-таки попала внутрь.

Голоса завсегдатаев доносились приглушенным гомоном. По коридору туда сюда сновали повара, заставляя меня отступить в тень. Внезапно, из зала послышались какие-то вскрики и гомон из монотонного моментально стал возбуждённым.

— Воды леди! — Понятно, Сессилия по классике решила грохнуться в обморок, вызвав панику у своей гувернантки.

Повар пронёсся куда-то вправо от меня, а потом вернулся в зал, расплескивая воду из кувшина.

Судя по всему, мне придется проскочить через зал. Там, где стояла я, была лишь кухня и коморка. Ну, и коридор. А мне нужен был подвал. Из всех логичных вариантов, только он подходил для роли укрытия мальчиков. Вряд ли те, кто забрал их, будут тратить деньги на комнату, плюс, ребята могли поднять шум. Продажа детей даже в этом патриархальном аду незаконна.

Крыша у трактира была пологая, следовательно, и чердак отсутствовал.

Бочком пролезла за барную стойку, начала двигаться к противоположной двери как можно более незаметно. Все присутствующие окружили леди Лавариан, которая со страдальческим лицом без сознания покоилась на руках у Макбула.

Я уже почти добралась до противоположной стороны, как каким-то шестым чувством ощутила на себе чей-то взгляд. Спину обдало холодным потом: неужели заметили?

Пробежалась взглядом по посетителям, которые были слишком отвлечены, чтобы обращать внимание на то, что творится у них за спиной, и резко утонула в чёрных глазах Кенана. Он смотрел на меня неотрывно, чуть улыбаясь, совсем капельку, и эта незаметная улыбка только придавала какой-то бесовской огонёк его глазам.

Народ уже начал терять интерес к изнеженной леди, разбредаясь по своим столикам и рабочим местам. Но мне оставалось всего несколько метров. Не придумав ничего лучшего, я схватила первый попавшийся бокал и метко швырнула его над головами посетителей прямо в окно.

Грохот битого стекла заставил «прийти в себя» даже Сессилию. Началась небольшая паника, которая вновь отвлекла внимание всех от меня.

Подвал нашёлся довольно быстро, а вот в нём ждало разочарование: повсюду стояли мешки с крупами, головки сырка, огромные бочки, но нигде не было мальчиков. Я бегала по огромному подвалу, но не смогла обнаружить ни одной двери, или закутка, или лестницу, ведущую ещё ниже.

Да что ж такое-то?!

От отчаяния начала прощаривать руками кирпичную стену, в надежде нарваться на какой-нибудь рычаг, открывающий потайную дверь, но осознавала, что моё занятие бесперспективное. Слишком большое помещение. Если рычаг есть, а он есть! Моё чутьё меня не подводило, то на его поиск уйдёт уйма времени, которого у меня не было.

— Ты? — Я замерла в шоке, перед призрачной фигурой, внезапно появившейся передо

мною.

Это не галлюцинация: передо мной стоял один из призраков, которого я видела на болоте. Я не могла разглядеть черты его лица, но могла почувствовать. Что он чем-то очень расстроен. Вот уж неожиданная встреча. Ещё больше, чем встреча с герцогом и его невестой.

— Что ты здесь делаешь? — Он смотрел на меня, ничего не отвечая, — ты не можешь говорить?

В ответ лёгкий кивок.

Фантом отвернулся от меня. Призрачная рука легла на стену, которую минуту назад я прощупывала в поисках рычага.

Завороженная необычным гостем, я подошла ближе и присмотрелась на полупрозрачную, чуть светящуюся ладонь. Вот уж удивительно, когда я встретила этого призрака на болоте, я улепётывала от него, как Бахо от законников, а сейчас подошла настолько близко, что смогла отчётливо рассмотреть очертания женской ладони. Призрак начал странно мерцать, словно вот-вот пропадёт, а вот со стеной стали происходить удивительные вещи: кирпич за кирпич стена перекладывалась в сторону, открывая деревянную дверь.

Я рванула к заветной створке, оказавшейся незапертой. Ну конечно! Зачем запирают дверь, за которой узники лишь уткнуться в кирпичную стену?

— Леди? — Бахо сидел в самом углу, сжавшись в маленький комочек. На грязном лице храброго мальчишке были разводы от высохших слёз, — вот уж удивлён, так удивлён.

Храбрый голос надломился в самом конце. Я подскочила к нему, сжимая в своих объятиях. Бахо после секундного замешательства несмело обнял меня в ответ, разрыдавшись на мой груди.

— Сони! Господи. Мальчик мой... — В темноте я не сразу заметила и его, свободной рукой притянула к себе, пытаясь скрыть от всех невзгод мира.

Маленькие кулачки сжимали мою куртку. Ребят трясло от страха и рыданий. Они и в правду не ожидали, что кому-то нужны, что их будет кто-то искать. В комнате было ещё трое мальчишек, которые забились в самый угол, обнимая друг дружку.

— Ты нас искала? — Сони поднял заплаканное лицо, несмело улыбнувшись.

— Искала, милый, как же я вас искала, — поцеловала в макушки поочерёдно ребят. Жестом показала остальным мальчикам, что их тоже здесь не оставлю. Они, чуть пошатываясь, несмело перебирая босыми ножками, подбежали ко мне и тоже обняли, совсем незнакомую для них тётку, — ты почему обманул, что у тебя есть родители? А ты, что живешь в доме сирот?

Сони и Бахо ничего не ответили, лишь шмыгнули носами, всё больше ко мне прижимаясь.

— Кому мы нужны были... — Прозвучал глухой голос у меня на груди.

Не сразу, но я отчетливо уловила звук приближающихся шагов. И в явно тяжёлой обуви. Не к добру.

— Так, собрались! — Хлопнула в ладоши, отделив от себя ребят, — быстро лезем в окно! И со всех ног бежим в чёрную карету. Всё поняли? — Ребята мигом взяли в себя в руки и закивали лохматыми головами. Бегать-то они точно умеют, улица иначе не воспитывает, — если кто-нибудь попытается вас схватить, орите как можно громче, чтобы привлечь внимание, поняли?

— Да, леди, — слабо улыбнулся Бахо.

Под низким потолком было полукруглое окно. Ребята в такое с лёгкостью должны пролезть. Мне даже казалось, что они и пытались, но по разным причинам все попытки окончились неудачей.

Подсадила Бахо первым, который, чуть поковырявшись прутиком в замке, исчез в ночной темноте. Когда подсаживала пятого мальчика, шаги в тяжёлой обуви уже слышались в подвале. Совсем рядом.

— Взять его! — Услышала приказ за спиной.

Адреналин придал мне аномальной прыгучести, а вот подтянуться на руках сил уже не хватило.

Меня схватили за ноги и отбросили от окна.

— Это баба! — С какой-то маслянистой улыбочкой заметил бугай, сбросивший меня с окна.

Сжав зубы от злости, со всей дури заехала ногой по нему. Тот зашипел от боли и, схватив меня за выбившиеся волосы, швырнул лицом в стену.

Ну, блеск. Только зажило всё.

Драться бесполезно, силы слишком не равны. Предприняла очередную попытку запрыгнуть в окно, но опять была остановлена на полпути.

— Да не рыпайся ты, — тяжёлое дыхание ощущалось совсем рядом.

Меня перевернули на спину. Их было трое. И все смотрели на меня не очень-то и приветливо. Если стоимость мальчиков сто двадцать золотых, то я их только что лишила целого состояния.

— Заканчивай с ней, — выплюнул один, выходя из камеры.

Надеюсь, мальчики успели добежать до кареты.

В руках одного из них мелькнуло лезвие короткого меча. Причём мелькнула каким-то синим, мистическим светом. Я так зачарованно смотрела на это, что смогла увернуться лишь в самый последний момент, прикрывшись рукой.

Предплечье моментально прожгло волной боли от пореза.

Всё с тем же упрямством умирающего, бросилась к окну и с удивлением поняла, что меня никто не пытается остановить.

Я вновь зацепилась руками за колючий подоконник под потолком, кровь стекала прямо на глаза. Но всё же не могла удержаться и обернулась. Из самого тёмного угла вышел... Тыковка! Его глаза на этот раз отчетливо светились красным, и их выражение не предвещало ничего хорошего моим обидчикам.

— Давай, леди! — Мальчики не послушались моего приказа, остались ждать у окна, а сейчас четыре пары детских ручек схватили мои и стали тянуть.

Мы оказались позади трактира. На наш побег ушло не более пяти минут, я лишь надеялась, что за это время Макбул и его невеста не уехали.

— Бегите! — Крикнула ребятам, в ужасе наблюдая, как к нам приближается ещё большее количество громил. — БЕГИТЕ, БЫСТРО!

Я тоже развернулась, приготовившись бежать, но моё тело буквально остановила ледяная волна, пронизанная тысячью маленьких иголок. Неужели, магия? Холод был просто потусторонний, даже сделать вдох было больно.

Внутренне улыбаясь, я смогла заметить, как взволнованных мальчишек в карету сажает Сессилия.

Тыковка с громким ржанием долбанул задними ногами одному из громил. Я отчетливо

слышала звук ломающихся костей.

«Мой ты хороший» — хотела похвалить его, но из груди вырвался лишь стон.

Внезапно весь задний двор буквально смело волной: громилы, ведра, хозяйственная утварь — всё отлетело на несколько метров, с грохотом приземляясь на холодную землю. Только Тыковку не задело. Конь, как ни в чём не бывало, подошёл ко мне, и боднул мордой, мол, чего развалилась.

— Лорд Макбул? — Я даже не знала чему удивляться больше: тому, что Тыковка буквально шагнул из тени, когда мне угрожала смертельная опасность, или тому, что лорд Макбул — маг? Причем, кажется, обезвредил всю шайку лишь одним движением руки.

— Леди Арманд, — вежливо отозвался он, помогая мне подняться.

На лице герцога пробежала тень, когда она заметил глубокий порез на моей руке.

— Итак, когда я сказал, что это слишком опасно, вы уверили меня, что справитесь. Когда я сказал, что лучше пойти мне, вы настояли на том, что это плохая идея. А теперь, подскажите, пожалуйста, милая леди Арманд, где именно я был не прав?

— Вы так ругаетесь, будто я сама напросилась, — буркнула я, выдёргивая руку.

— А это не так?

— Вот уж нет!

— Это ваш конь?

— Да, — Тыковка с уже обычными, чёрными и грустными глазами, всем своим видом показывал, что он самый простой взрослый жеребёнок, просто стоит и пасется на завядшем лугу. Вот только траву он жевал слегка с плохой актёрской игрой: сухую и вместе с комьями земли, — чудо, не правда ли?

— Как и некоторые, — почти не слышно проговорил про себя Макбул.

Глава 19

Совсем скоро на место происшествия прибыл отряд королевских гвардейцев. Как они так быстро добрались сюда — загадка. Хотя, может они патрулируют местность, а потом слышали звуки борьбы. А, может, тут я уже ничего не знаю, они слышали отголоски магии?

Герцог же как-то пришёл на место. Надеюсь, он не арестует Тыковку. Видно, жеребёнок своими тайнами делиться ни с кем не горел желанием. В памяти всплыл момент, когда я точно так же была в опасности. Тогда ещё совсем маленький Тыковка вытащил меня из топи. А ведь ещё чуть-чуть и могла случиться беда. Прямо как и в подвале.

Ещё раз посмотрела на своего друга, которого жеребёнком язык не поворачивался назвать. И да, я простила ему и съеденных куриц, и исчезнувших мышей, даже парочку окровавленных клочков меха, которые находила по утру возле задней двери поместья. И теперь стало ясно, как так быстро на нём зажили все раны и как он так быстро вырос. Ну, почти ясно. Это точно не обычный конь. И призраков усадьбы он начинал чувствовать ещё до того, как они давали о себе знать.

И достался он мне за одно яблоко.

И страха перед ним нет совсем. Казалось бы: травоядное, которое питается животными, в любом виде; которое выходит из тени и, которое, кажется, умнее меня. Хотя, кажется, он питается вообще всем. Огромную тыкву уплёл за день и не подавился.

— Думаю, гувернантке леди Лавариан не стоит открывать вашу личность, — тихо сказал герцог выводя меня из задумчивости.

Он, нахмурившись осматривал мой потрёпанный вид, не обделяя вниманием длинные волосы, которые сейчас горели огнём в свете факелов.

Кенан спокойно поднял с земли чью-то потрёпанную, мятую шляпу с широкими полями, и всё так же с видом, будто ничего необычного не произошло, собрал мои волосы в кулак и аккуратно спрятал их под шляпой.

— А вы сейчас... — Вопрос о магии чесался на кончике языка.

— Не надо об этом, вы знаете закон, — остановил он меня от расспросов о его магии.

Не совсем знаю, но чётко помню, что магия запрещена под страхом смертной казни. Хотя, Кос как-то упомянул зарегистрированного мага в замке, что занимается копированием книг. Значит, герцог Макбул тоже зарегистрированный маг? Интересно, а на что он способен? Как это вообще работает?

А, если они узнают о способностях Тыковки, его казнят? А меня? А видеть призраков — это нормально?

Как же хочется задать все эти вопросы, но, взглянув на герцога, чьи глаза сейчас больше напоминали две чёрные бездны, подавилась своими вопросами и поплелась в сторону кареты.

Через окно увидела, что половина ребят спит, прижавшись друг к другу. Сессилия заботливо поглаживала по грязным волосам незнакомого мне мальчика, что сжимал грязными ручками юбку её платья под недовольным взглядом её гувернантки.

Всё же хорошая она девушка — невеста герцога. Дстойная.

И как-то совсем не кстати внутри кольнуло мерзкое, но горькое чувство ревности.

М-да, Ада, хорошо тебя личеньком об стену приложили. Завидуешь девушке? Серьёзно? Она в прямом смысле помогла спасти мальчиков, а сейчас заботливо окружает их вниманием. Тем более, она невеста герцога, а ты его проблема.

И вряд ли герцог о тебе высокого мнения. Тем более сейчас: вся грязная, прямиком из борделя, в очередной раз ввязавшись в неприятности.

Вдох-выдох. Это не ревность, а просто восхищение неизвестной силой, которая спасла жизнь. Договорились, пожали руки.

— Ехать придётся верхом, вы справитесь? — Герцог ловко взметнулся в седло, а я уныло оглянулась на лавку извозчика, на которой места не было.

Тыковка наворачивал круги, совсем одуревший от свободы и просторов. Иногда он пригибался к земле, замирая в позе охотничьей собаки, а потом с залившимся ржанием отскакивал от очередной норки.

С первого раза залезть на спину высокой, незнакомой мне лошади, у меня не получилось. Ну, блин, ну! Со стороны езда верхом вообще не выглядит сложной.

При очередной попытке меня подсадил носом услужливый Тыковка. А сидение оказалось удобным. Наша процессия увеличила скорость, и я окончательно расслабилась. Действительно, ничего сложного!

Умная лошадь сама чувствовала, когда я чуть слабее начинала держаться и слегка притормаживала.

Тыковка ревниво проносился кругами вокруг нашего так называемого кортежа, то и дело бросая гневные взгляды на спокойного коня подо мной.

Всего три часа!..

...Целых пять часов. Когда мы приближались к моему лесу, уже занимался рассвет. Я готова была выть от боли! Сидеть прямо уже не получалось. Я плюнула на все правила приличия и ехала полулёжа на выносливом коне.

Лалу мы нашли в одном из сиротских приютов. Для продажи он оказался слишком маленьким. О том, что ребёнок в приюте сказал Бахо. Но я спрашивала там о мальчиках, меня уверили, что никого не видели, а сами скрывали ребёнка. Когда я сказала Макбулу, что уже была здесь, на его лица набежала такая пугающая тень, что заставила нервничать даже меня. Но с злорадным удовлетворением чётко осознала, что этот приют в покое не оставят.

Это поняла и та мерзкая тётка, которая пыталась оправдаться, когда я на руках уносила плачущего Лалу, сжимающего свой деревянный меч.

— Леди толком ничего не объяснила, — нагло врала она в лицо герцогу, — просто принеслась, бросила пару слов и тут же умчалась.

— Кто-кто, а леди Арманд парой слов вряд ли ограничилась, — усмехнулся герцог, недобро посмотрев на завравшуюся воспитательницу.

Лала был холодный, вся спинка была покрыта ледяным потом и когда я нашла его, с него уже кто-то снял новенькие, крепенькие ботиночки. Сейчас ребёнок отогревался в герцогском плаще, который тот отдал без слов.

Сессилию, тоже вымотавшуюся, мы высадили ещё в городе.

Я держалась лишь на голом упрямстве, чтобы не свалиться прямо под ноги лошади по пути домой.

Минули въезд в лес, который начал нас прибирать в привычный капкан, обнимая вековыми зарослями, скрывая дорогу.

Кенан заинтересованно оглядывался. Видимо, не только я чувствовала странную

энергетику этого места.

— Впервые здесь?

— Впервые, но наслышан.

Мы уже подъезжали к тёмному дому, как я ахнула от шока. Ворота... Ворота были целы и крепко держались на петлях! Герцог, естественно, не придавал этому никакого значения, только внимательно рассматривал поместье, где следы явного упадка так ярко подсвечивались луной.

Ещё вчера я убежала из поместья и точно помню валявшиеся ворота, которые поросли плющом.

— Вы живёте совсем одна?

— Нет, конечно! — И ведь даже не соврала. Приведения и мыши, ведь, тоже считаются?

Но лучше уж так, чем сказать всю правду. Опять сейчас пристанет со своими опекунами, мужьями и предложениями продать поместье. Но это мой дом! Моя свобода и независимость. Хорошо, хоть выбитые окна не так видны ночью. Внутри ему точно заходить не стоит.

Кряхтя, я мешком свалилась с лошади, пошатываясь на трясущихся ногах.

— Наконец-то, они вместе, — простонала я в блаженстве.

— Вы про мальчиков? — Лорд Макбул спешил и сейчас отдал распоряжение двум людям открыть дверцу кареты.

— Нет, я про свои ноги.

— Вам следует показать рану лекарю, леди Арманд, — Макбул аккуратно взял мою руку, осматривая её под светом луны.

— Ерунда, — поспешно одёрнула её из горячих пальцев, почувствовав неуместное смущение, — до свадьбы заживёт.

Тут же мысленно дала себе по лбу. Я и свадьба? Серьёзно? Мне кажется, что жёны своих неверных уже мной пугают, как детей — чудищами.

— Для вас всегда держат дверь открытой? — Скрыв усмешку, спросил герцог, кивая на темнеющий дверной проём, — и без света?

Надо выпроваживать благородного спасителя. Если он увидит, в каких условиях я живу, то точно примется искать нового мужа.

— Я, э-э... — В том самом дверном проёме, вот прямо в эту же секунду, как я отвернулась, зажгётся свет. Я там не оставляла ни одной свечи, да и зачем? Этим холлом я пользовалась только, чтобы подняться наверх. Да, в темноте иногда спускалась, так сказать, экспрессом — попой по ступенькам, но это случайно, — кхм, — кашлянула я, пытаюсь не задумываться о причинах преображения особняка: рядом с отсутствующей дверью были вполне целые, красивые окна, — не сочтите за грубость, дерзость и уж тем более — неуважение, но я буду укладывать мальчиков спать.

Кенан одарил меня долгим, волнующе задумчивым взглядом, чуть наклонив голову набок. Отдала бы все запасы куриных тушек и мыла, чтобы узнать, что сейчас твориться в голове за этими чёрными глазами.

— Буду ждать вас в канцелярии, леди Арманд, — наконец, сказал он, — доброй ночи.

Почтительно поклонился, и исчез в темноте.

А вот я, сглотнув от страха, держа на руках спящего Лалу, медленно повернулась в сторону ставшего пугающе гостеприимного дома. Сонные ребята за моей спиной непонимающе тёрли глаза кулачками, но первыми не пытались зайти.

У меня не было столько свечей, чтобы осветить такую громадину, как главный холл поместья, но, приведения нашли весьма изысканный выход — на стенах в медленном огне плавилась никому ненужные картины. Вот те раз. И это всё, чтобы со стороны казалось, будто дом по-настоящему жилой?

Но суть даже не в этом. Я-то к призракам уже привыкла, что ли, но одно дело, когда я была одна, и совсем другое — когда со мной было пятеро маленьких детей. Может, это нелогично, что мне было привычнее возвращаться в полуразрушенный, холодный тёмный дом, но так оно и есть. С неким облегчением замечала всё те же следы опустения — слева окна всё так же радовали глаз своими выбитыми щербинами, просто это было не сразу заметно. И люстра всё так же валялась в углу, разбитая и грустная

Тыковка радостно пронёсся в дом, не заметив ничего подозрительного.

Ну что ж...

Мальчишек уложила на огромную кровать хозяйской спальни, Тыковка примостился у подножия, по-кошачьи свернувшись в клубочек. Точнее, с его габаритами — в небольшую горку. Я же рухнула поперёк ложа у ног мальчиков, не раздеваясь и даже не умывшись. Рука начинала гореть огнём, но у меня резко закончились все силы даже на то, чтобы моргнуть лишний раз, не говоря уже о дополнительных телодвижениях.

— Только не сейчас, — простонала я в одеяло в ответ на раздавшийся стук сбоку.

— *А-а-а-и-и-д-а-а-а...*

Неужели так тяжело дать мне поспать хоть пару часиков?

— *И-и-и-ди-и-и...*

Стук повторился, мальчики в беспокойстве заворочались.

Проклиная всё и вся, я всё же поднялась с мягенькой постельки и зло засипела в сторону темноты.

Ну и? Куда идти?

Быстро сообразила, что вслух этот вопрос не задала, но это и не потребовалось. С туалетного столика упала красивая баночка, которую я не стала выбрасывать при уборке лишь потому, что она, ну... красивая.

Машинально подобрав её, поставила на место. Она сдвинулась к краю столика и опять с мягким стуком упала на пол. В задумчивости подняла её и стала крутить. Уставший мозг отказывался работать.

Зато невидимые жители решили дать мне подсказку — я очень отчётливо ощутила, как меня шлёпнули по руке.

— Да поняла я, — прошипела в темноту, — дайте мне либо кофе, либо время на подумать. Нет? Тогда не придирайтесь.

Баночка была из-под пудры, но в данный момент абсолютно пустая. Я попыталась поискать какое-то двойное дно, какие-нибудь секретные и скрытые замочки, но всё мимо. А вот пуховка имела сюрприз. В маленькой подушечке прощупывалось что-то твёрдое. Попыхтев под проникающими лучами луны, я вытащила... ключик!

Даже немного приободрилась. Прямо как квест в моей прошлой жизни.

— *А-а-и-да-а-а...* — послышалось сзади, — *и-и-ид-и-и-и...*

Ладно, вон меня точно не гонят.

Стук удалялся в глубине поместья. Прихватив канделябр, быстро зажгла свечи и двинулась на зов, крепко сжимая ключик.

— *А-а-а-и-и-и-да-а-а...*

Голос настойчиво направлял, становясь громче. Это что получается, в спальне он шептал? Какая забота.

Мы упёрлись в тупик. Впереди была лишь глухая стена и узкий столик с пустой вазой. Я в растерянности осмотрелась. Даже дверей рядом нет.

— Куда дальше? — Почему-то шёпотом спросила я.

В стену передо мной громко стукнули. Я замерла.

— *И-и-и-ди-и-и...* — опять стук.

Может, если бы не моя тотальная усталость после всего пережитого. Я бы так не тормозила. Но я откровенно не могла понять, почему призрак привёл меня в тупик. И зачем этот дурацкий ключ?

На стене не было ни одной замочной скважины. Даже с пары шагов это было видно. Но тут внимание привлёк тот самый журнальный столик, с полкой. И как раз, судя по отверстию, ключик мог подойти.

Я так резко дёрнулась в сторону находки, что споткнулась о пыльный половик и выронила злосчастный ключ.

— *Ду-у-у-ра-а-а,* — резюмировал призрак.

— Сам такой, — стало обидно.

Ключик выдвижную полку не открыл, но вот с тихим скрипом отъехала стена. Так вот, где тайная башня!

— Вот это да, — протянула я, в восхищении оглядывая круглое помещение с винтовой лестницей, ведущей на первый этаж. Здесь были книги, море книг! Куча свитков, разбросанных бумаг, какие-то перегонные аппараты; на стенах висели чертежи и схемы непонятно чего.

— Вот это да! — С диким восторгом бросилась к стене, где батареей покоились тёмно-зелёные бутылки, напоминающие винные.

— Кхм, — весьма чётко кашлянули сзади.

И это был не кто-то из мальчиков.

Глава 20

— В-вы кто?

— Меня зовут Густав, миледи, — он стоял, слегка переливаясь в рассветной заре. Окна потайной библиотеки были настолько грязными, что едва-едва пропускали свет. Но я отчетливо видела мужчину в самом настоящем фраке, военная выправка придавала ему настолько благородный вид, что мне стало стыдно за то, как я выгляжу. Лицо уже было испещрено морщинами, но весьма отчетливо светились умные глаза под седыми густыми бровями.

Я как замороженная смотрела неотрывно на незнакомца, что, кажется, совсем некрасиво раззявила рот. Ещё чуть-чуть и слюнка капнет.

— Густав, — шёпотом повторила я, глядя на вполне реального мужчину, но почему-то...не реального.

Абсолютно невежливо поднесла канделябр со свечами поближе к лицу, чтобы рассмотреть, что именно мне так не даёт покоя в этом человеке, как тут же выронила его, с силой зажав рот, сдерживая рвущийся наружу крик.

Его лицо! Как только поднесла свечи ближе, оно преобразилось! Вместо нормальной кожи я чётко увидела проступающую челюсть и гнилые впадины вместо глаз. И трупные пятна... Я их всегда узнаю...

— Для юной леди вы на редкость несообразительны, — ровным тоном заметил ... призрак?

— Посмотрела бы на вас, если бы вы не спали двое суток подряд, — вместо того, чтобы дать дёру, прихватив Тыковку и ребят, я стояла и огрызалась.

Кажется, он прав в своих суждениях о моей ограниченной развитости.

— Эм-м-м, кхм, — кашлянула я, но тут же была прервана:

— Леди не мычат. Если у вас есть вопросы, задавайте прямо.

— Да, есть парочка, — я подняла канделябр с потухшими свечами. И хорошо, что нет света. В полумраке Густав выглядел как вполне живой человек, только чересчур бледный, а не как... ну как труп, — итак, Густав, верно?

Он с очень важным видом, чуть вздёрнув подбородок, кивнул, а я набрала воздуха в грудь:

— Кто вы такой? Вы здесь живёте? Вы — приведение? Почему прогоняли? Почему сейчас появились? Что это за место? Как вернулись ворота обратно? Давно вы уже здесь? Вы один? Кто те все призраки на болотах? Как одна смогла так далеко отойти? Вы можете далеко ходить? Что это за тайная комната? Вы знаете что-нибудь о магии? Вы сдадите меня канцлеру за то, что спросила о магии? Вы владеете магией? Мне надо прекращать так часто повторять это слово... И последний: что это за нахрен, блин, такой мать вашу?!

К концу я уже сорвалась на крик, но собеседник даже бровью не повёл и ноздрей не шевельнул, а всё так же с достоинством возвышался надо мной.

— Леди всегда держит себя в руках, — голос совсем не был похож на тот, что я слышала по ночам, — леди ни бросается в истерику.

— Леди и не живут в заброшенных домах, питаюсь обедками на пару с лошадьё, но, сюрприз-сюрприз, вот она я!

— Я Густав — дворецкий, — он чинно развернулся и медленно пошагал по коридору, жестом предлагая присоединиться к его «променаду», — я служил великому Канрату Найран-Моэру долгие годы. Та башня, что вы нашли, леди Моэр, является его тайным кабинетом. Лабораторией, как он её называл.

— Он был магом? — Почему-то это предположение было самым очевидным.

— Ни в коем случае. Тогда магия была под тотальным запретом. Чуть позже король Рунвальд Третий позволил некоторым магам, прошедшим исключительно сложное и трудоёмкое обучение, получить регистрацию и работать под полным контролем короны. Канрат Найран-Моэр, был владельцем древнейших манускриптов, искал заменители магии. Легальные способы, — он сделал неопределённый жест рукой, — чтобы облегчить жизнь без магического воздействия. Лишь наука.

Мы уже спускались на первый этаж. Тыковка, вышедший на звук голосов и потянувшись как кошка, сладко зевая чуть клыкастой пастью, без интереса скользнул по Густаву взглядом, боднул меня в живот; а после отправился обратно в свою заброшенную оранжерею ещё поспать.

— Зачем вы сожгли картины? — Нет, ну серьёзно. Не логичнее ли было оставить холл тёмным?

— Впечатление, леди Моэр — один из основополагающих влияющих факторов. Вы ведь желаете, чтобы вас воспринимали всерьёз. Кто поверит, будто вы боретесь за то, чего нет?

— И вы помогаете, потому что...

— Потому что вы боретесь за это поместье. Уверю вас, у него тоже есть душа, и мы оберегаем её.

Ах, вот как значит? Гнев сменился на милость, потому что я стараюсь сделать всё, чтобы привести имение в порядок.

Так. Стоп.

— Мы?

— То есть, как со своими занудствами к молодой миледи приставать, так он молодец, конечно! — Из гостиной вышла низенькая женщина, напоминающая сбитую булочку. Как только он попала под рассеянные солнечные лучи, в которых танцевали пылинки, её лицо моментально превратилось в воплощение ночного кошмара, заставив меня вздрогнуть. — А как свою жену представить, которую, между прочим, ты убил, так это так? На потом?

Она смачно сплюнула под ноги Густаву, от гнева или нет, но её тело прошло рябью, казалось, ещё чуть-чуть и она исчезнет.

— Миледи, деточка, не тушуйтесь, — она по-матерински улыбнулась мне, закидывая кухонное полотенце на плечо. Это выглядело бы даже мило, если бы... Как бы это сказать, если бы у неё и второй глаз был на месте. Она как раз стояла в солнечных лучах, отчего я весьма ясно видела весь ужас разложившегося тела. И в какой мне глаз смотреть? Если буду в тот, где, собственно, глаз присутствует, она обидится? — Я Равиль, работала кухаркой, пока этот ирод не уронил леса.

— Я держал их, — процедил Густав, — это ты скакала, аки укушенная козлиха. От того и свалилась.

— Ах, я козлиха? А ты осёл! Хоть бы одну слезинку над моим хладным телом пустил!

— Когда б я успел, моя дорогая? Ты прямёхенько на мою шею приземлилась! Ни минуты отдыха.

— Кажется, у меня галлюцинации из-за раны. — Я с усердием сосредоточилась на

переносице женщины. — Там клинок синими светился, может яд или ещё что-то такое.

В полной прострации развернулась и пошла наверх.

— Равиль, Густав, — повернулась к ним, — и учтите, если вы не галлюцинации и побеспокоите меня или детей, я вас... — И что я могу сделать призракам? — Святой водой окроплю.

— Чем-чем?

— Или во-о-он то окно разобью.

— Прошу вас, миледи!

Мне надо срочно отдохнуть. От их споров головная боль становилась только хуже. Ещё чуть-чуть, совсем немного, и я окончательно свихнусь.

Кошмар. Дурдом. Божечки, пусть это будут галлюцинации.

«Столичный голос»:

«Пропавшие мальчики найдены целыми! Некий Ф. похитил детей с целью дальнейшей продажи оных. Ведется расследование. Трактир «Чёрная Хвоя» укрывала пособников преступления и похищенных детей. Если бы не героическое вмешательство лиц, предпочитающих оставаться неназванными, всё могло кончиться плохо.

Детский приют госпожи Алисии укрывал одного из пропавших детей! Делом занимаются представители Короны.

Леди Майран вновь возьмёт собаку в аренду! Если нет болонки, можно похожую. Стальные нервы обязательны, если собака слепая — проживёт дольше!

Внимание! Цены на шерсть и меха повысились на 12 % ввиду повального брачного сезона у всех животных. Они стали агрессивными и не хотят расставаться со своими ценностями, чтобы не спугнуть самых сочных самочек.

Редакция напоминает, что уникальные товары можно приобрести в Кривом переулке, дом восемнадцать. Спрашивать Коса.

Мадам Жизелла отрицает причастность к внезапному обмороку некого господина.

Погода на сегодня:

Если пробрал холод собачий,

Ботинки перестали пяточки греть,

Ищите в трактире запах коньячий,

Болонку Майран на досуге отпеть».

Во сне все события проносились с катастрофической скоростью. Внутренний голос орал, что надо проснуться прямо сейчас, но ленивое тело продолжало удерживать глаза закрытыми.

Провела рукой по кровати, но не обнаружила ни одного мальчика.

Сон слетел мгновенно.

Страх потерять детей ещё хотя бы раз просто подкинул на месте, заставив нестись вниз так, будто под пятую точку мне приставили зажжённый фитиль.

— Леди, привет! — Бахо сидел с набитым ртом в столовой и весьма спокойно вытер салфеткой рот Лале.

У меня есть салфетки?

— Леди Моэр! — Расплылась в улыбке Равиль, заходя в столовую с подносом пирожков, — мы так беспокоились, вы долго не просыпались!

Не галлюцинация... Она — не галлюцинация!

— Эм... Что вы, я бы могла и сама завтрак приготовить, — глухо пробормотала,

присаживаясь за стол.

В ответ на моё замечание, Тыковка с отвращением передёрнулся. Я называла его другом? Забудьте!

— Мы обязаны заботиться о леди Моэр, — Равиль пошла рябью, но вот что удивительно — сейчас её лицо выглядело почти живым. Почти, — как она заботится о нас.

И да, в последнем предложении откровенный намёк не заметил бы только дурак.

— Леди Моэр, — важнецки обратился вошедший Густав, — корреспонденции сегодня нет.

Я кивнула с умным видом. Откуда ей вообще взяться? Боже, я общаюсь с реальными приведениями? Этот факт дал сто очков форы даже моему прибытию в чужой мир.

— У тебя есть дворецкий? — Дети буквально хором уставились на Густава так, будто перед ними возник настоящий Человек-Паук, ну, или Гарри Поттер из моего мира. Если бы они были детьми из моего мира.

— Благодарю, Густав.

Интересно, как быстро со мной случилась истерика, если бы не пять жующих мальчиков? Для них это само собой разумеющееся: если есть леди, значит есть прислуга. И большой дом. Вот только они не знали, кем Равиль и Густав являются на самом деле. И не видели их настоящих.

И почему эти двое сейчас выглядят вполне живыми?

— Ребят, вчера всё произошло настолько быстро, что я не спросила ваших имён.

Свою тройку шкодников я знала. А вот двух мальчишек, которые выглядели почти близнецами, видела впервые.

— Я Руни, — тихо ответил тот, что с медовыми глазами. Он так смутился, что отложил пирожок в сторону, будто его поймали на воровстве, опустив глаза в пол.

— А я — Вуни, — почти шёпотом ответил мальчик с ясно-голубыми глазами.

— Не бойтесь леди, — вступился за меня Бахо, — она сейчас страшная, как Фрося перед баней, но она добрая.

— У вас есть родители?

— Нет.

— Семья? — На вполне безобидный вопрос глаза мальчиков начали наполняться слезами.

Чёрт. Вроде и голос у меня был мягкий, но они испугались так, что перестали вовсе разговаривать.

— Леди Моэр, — Сони, сидевший тихо, сейчас даже привстал на стуле, — что с нами теперь будет?

На меня уставились пять пар детских глаз.

Действительно, а что мне, собственно, с ними делать?

Самый правильный вариант: подыскать ребятам хороший приют. Так или иначе, а беспризорники числятся за короной. Оставить их у себя — всё равно, что похитить.

С другой стороны, что мы имеем? Развалюху-дом, странное существо, выглядящее как лошадь обыкновенная, но ею не являющееся, два полусгнивших призрака, полное отсутствие денег, колоссальный долг перед короной, проклятое болото, где пачками пропадают люди, и, кажется, врага в лице главы криминального мира Фитхи.

— Мальчики, — начала я с грустью, — вы же понимаете, что вам оставаться здесь нельзя.

У ребят резко пропал аппетит. Лала обнял свой деревянный кинжалик, старательно сдерживая слёзы.

— Поэтому! — Я продолжила, подняв указательный палец вверх, — вы никому об этом ни слова, пока я не улажу все формальности! А пока выбирайте себя комнаты, — ребята с радостными криками бросились обнимать меня.

Внутри разлилось то самое всепоглощающее чувство, что я только что приняла самое верное решение в мире. Единственное верное, которое могло быть.

— Только запомните главное правило — на болото ни ногой.

Глава 21

Опять вечер, опять я стою на болотах. Вернее, на самом краю их.

У обывателей Найран-Моэр вечером было увлекательное занятие: отмыть ребят, ещё раз накормить, почитать жуткие местные сказки, где всё заканчивается кровью, смертью, казнью и прочими прелестями, после — рассказать добрые сказки о любви и отваге, которые знала я.

Я еле растолкала чистых до скрипа ребят в найденных одежках с чужого плеча по кроватям. Но вот самой сон не шёл.

Без свидетелей, а именно без мальчиков, Равиль и Густав постоянно пререкались, обвиняя друг друга в своей смерти. Как оказалась, та огромная люстра в холле валялась уже более сотни лет. Её-то Равиль и пыталась отмыть, стоя на лесах, в то время как Густав должен был их держать. Я же предпочла просто свыкнуться с мыслью, что у меня пятеро детей и дома живут приведения. Среднестатистическая семья, ничего не скажешь. Так хотелось откупорить одну из тех винных бутылок в секретном кабинете, если бы кто знал.

— Я думала, в этом поместье жила моя тётушка, а она точно скончалась не так давно.

— Она была владелицей, но никогда здесь не жила. Ей было страшно здесь находиться, — Густав моментально вернул деловой тон, даже не моргнув в сторону обзлётной супруги, которая ещё не до конца высказала своё негодование.

— И развестись нельзя! Вот же ж!

— Да, с разводом вы слегка опоздали.

Я всё никак не могла понять: призраки могли быть бестелесными, но после своего «проявления» они весьма ловко обращались с мебелью и кухонной утварью.

И мальчикам не было видно их настоящих лиц, в то время как мне открывались все свидетельства разложившегося трупа при малейшем попадании прямого следа.

Я попыталась спросить об этом Густава, но он разразился несколько часовой лекцией и указаниями, что именно надо сделать с поместьем, чтобы вернуть ему былой блеск: нанять рабочих, сделать ремонт, купить мебель, посуду, столовое серебро, музыкальные инструменты для музыкальной комнаты, новые ткани на шторы, построить конюшню и кучу всего, на что у меня не было ни медяшки.

— Если великий Канрат не оставил в стенах золото и бриллианты, нам остаётся лишь радоваться целым окнам в жилой части дома. Кстати, как вы их восстановили?

— Это не мы, — Равиль поставила передо мной благоухающую чашку с чаем, — это Найран-Моэр.

— Учёный? — Я бы душу продала за обычный крепкий кофе с молоком. А лучше с коньяком.

— Дом, леди Моэр, — Густав и Равиль целый день отклоняли мои предложения присоединиться к обеду, ужину. «Слугам не пристало трапезничать с хозяевами». Я же отфыркивалась, за что получала ещё лекции, что леди не пристало фыркать. А вот на все мои попытки помочь с готовкой, отфыркивался уже Тыковка, взглядом умоляя Равиль не подпускать меня к плите.

Было, конечно, несколько обидно, но признаваясь самой себе, дело было не в том, что этот открытый очаг был для меня сложным и новым. Дома я даже в мультиварке на

обыкновенной программе, следуя рецептуре, умудрялась поджарить самую простую кашу. Ну не умела я готовить.

Да даже доширак, который мы разводили с коллегами в комитете, выходил премерзким. Но всё равно, мог бы и поддержать свою подругу.

Густав всё же присел с чашкой чая в гостиной:

— Вы видите нас, леди Моэр. Мы были свидетелями, как вы лицезрели души пропавших на болотах, так с чего вы решили, что и у дома нет души?

— А водопровод дом починить может?

— Это не по заказу. Дом ослаб со смертью хозяина. Считайте, что он залечил свои маленькие царапины, но вот глубокие раны излечить должны вы, как сделали это с вашим конём. Когда мы пытались вас изгнать, страшись, что вы уничтожите остатки бывшего великолепия, Найран-Моэр пытался вам помочь, защищая от глаз бандитов, которых вы видели пару раз. И не позволял нанести вред вам с вашим конём. И могу смело заметить, что ваш конь не испытывал никакого дискомфорта от нашего присутствия.

— Вы знаете, кто такой Тыковка? — Зачем-то шёпотом спросила я, подавшись вперёд.

— Не могу знать, леди Моэр, — Густав с идеальной осанкой, неодобрительно косившись на меня, сидящей в кресле по-турецки в мужских шмотках, чинно сделал маленький глоток, — но могу точно сказать, что имя Тыковка — не самое благородное звучание, для его происхождения.

По сути, я распивала чай с теми, кто помер больше века назад, и поймала себя на мысли, что я нисколько их не боюсь. Наоборот, я даже благодарна, что эти люди появились здесь как раз в то время, как я внезапно стала многодетной матерью.

И в подвале трактира одна из женщин помогла мне.

А мне ли?

Я не спрашивала ребят, что произошло с их родителями, просто знала, что они с самих ранних лет сироты. А что, если чья-то мама мальчиков и помогла мне тогда? Она ведь наверняка местная, могла погибнуть на болотах.

И даже тогда, когда я подсматривала с бандитами, тащившими груз, никто из приведенных и не пытался мне навредить. Они просто... были. А вот контрабандистов заманивали, уводя их с тропы.

И вот я стою на болотах, но никого из душ погибших здесь не вижу. Масляная лампа давала гораздо лучший свет, чем мой самодельный факел. Я прекрасно помню то место, где провалилась в топь в самый первый раз. А сейчас, вооружившись длинной палкой, искала более менее твердую поверхность, чтобы на неё наступить. То, что Тыковке по барабану есть ли угроза утонуть, нет ли её, я уже выяснила. Он уже несколько кругов навернул по топям, оглядываясь на меня, мол, давай вместе побегаем.

Но я — не он. При первой же попытке пройти по следам Тыковки, я чуть снова не увязла в пучине.

Некоторые холмики были безопасными, а некоторые скрывали под собой угрозу.

Я сделала несколько пробежек к дому и обратно, перетаскивая доски из кухонной подсобки. Когда в первый раз я, вооружившись топориком отковыривала крепкую обшивку ненужной комнаты, стены негодуяще затряслись.

— Прошу прощения, привычка, — Густав вблизи к масляной лампе стоял передо мной во всей своей мёртвой красе, вежливо уставившись на меня пустыми глазницами.

— Я потом верну.

Моя тропинка по болоту из досок выглядела ненадёжно. Всё же я не стала отказываться от длинной палки, опираясь на неё, когда продвигалась внутрь. Тыковка, конечно, надёжный товарищ, но вдруг и он может ошибиться и застрять в топях в попытках спасти меня? Я-то его вряд ли вытасю. Не та весовая категория.

Моей целью было то место, где я когда-то видела сундук. Место помнила очень приблизительно, плюс ко всему я не знала, насколько болота вообще могут быть глубокими. Это ведь, по сути, просто гниющие массы растений. Не должно быть большой глубины.

Краем глаза я начала замечать мерцающие призрачные фигуры. Сколько бы я себя не успокаивала, что они не причинят мне вреда, но природный ужас перед всем необъяснимым всё же не проходил. Чем больше я боялась, тем больше сам страх превращался в какую-то чёрную тоску. Я уже совсем заблудилась.

Найран-Моэр пропал из виду давно. Я слышала фыркающего Тыковку где-то вдалеке, доски кончились, а так далеко затащить новые я уже не смогу. И совсем потеряла ориентир, где именно я видела тот чёртов сундук.

Так. Холодная голова нас не раз выручала и не из таких ситуаций. Вдох-выдох. Паника нас погубит.

Лучше смотреть страху в глаза, верно? Если бы эти души хотели навредить мне, они бы это уже сделали. Но они просто безучастно наблюдают за моими попытками покорить эту смертоносную ловушку.

Я только повернулась, чтобы продолжить свою дорогу, как нос к почти носу столкнулась с одной из погибших душ. Лицо было не разглядеть. Я быстро затолкала дикую панику куда подальше, заставив взять себя в руки.

Уже хотела было обойти духа стороной, перешагнув на проверенную палкой кочку, как дух материализовался прямо на ней, слегка качнув головой.

— Мне нельзя идти дальше? — Шёпотом с чуть заплетающимся языком спросила я.

Мне ответили еле заметным утвердительным кивком. А потом дух исчез, оставив меня одну.

Но ведь я точно знала, что там твёрдая поверхность. Проверяла же. Или души просто против того, чтобы я здесь бродила? Как Густав и Равиль были против моего присутствия в доме.

Ткнула палкой ещё раз. Вроде, твёрдо. Но тот холмик был на расстоянии чуть больше метра. Чтобы не провалиться в топь, мне надо было перешагивать практически в шпагате. Навалилась на конец палки всем своим весом, но тут послышался глухой треск и я, потеряв опору, чуть не свалилась в болото.

Вот те раз. Даже метод «тыка» не может быть полностью безопасным здесь.

В растерянности оглянулась. Несколько моих досок благополучно исчезли в болотах.

Чёрт.

Тот самый призрак вновь появился на том месте, где я столкнулась с ним в первый раз.

— Мне к тебе идти?

Утвердительный кивок.

— Там топь, вон, даже тина плавает.

Дух чуть склонил голову набок, но опять чуть качнул головой, вроде, споря со мной.

Я присела на краю холмика, чтобы была хоть какая-то возможность спастись, и опустила одну ногу в... собственно топь. Я уже хотела выдернуть свою конечность из холодной жижи, как носком нащупала твёрдую поверхность.

Ба! Вот те раз. Я палкой только по холмикам тыкала, а тут, вон оно как оказывается!

Уже смелее опустила две ноги. Жидкость доходила до щиколоток, а поверхность под болотной водой была достаточно скользкой, но я могла идти.

Уже другой призрак перехватил «эстафетную палочку» и вёл меня по только ему известной тропе.

Оказалось, я ходила кругами вокруг того места, которое так отчаянно искала. И да, сундук не ушёл глубоко под воду, но он оказался катастрофически тяжёлым. Особенно если учесть, сколько жидкости он набрал.

На помощь пришёл Тыковка. Схватив зубами одну ручку сундука, он так резко дёрнул его вверх, что я по инерции шлёпнулась в зловонное болото, но держаться за найденный клад продолжала. Конь без проблем потащил волоком попой вперёд сундук вместе со мной по болоту. Только вот, если он шёл без каких-либо проблем, то я, итак уже вся грязная и мокрая со стучащими от холода зубами, то и дело ныряла с головой в болотные топи.

— Тыковка, стой! — Отплевавшись, мне наконец удалось остановить верного друга.

Мы как раз добрались до одной из оставленных мной досок, куда я с громким стоном вскарабкалась.

— Дай отдышаться, — он послушно остановился и с высоты своего роста выпустил свою часть сундука. Доска, сундук и я на ней тут же ушли под болотную грязь.

Тыковка моментально вытащил меня и собирался уже доставить в безопасное место, как я его притормозила:

— Нам нужно то, что там находится.

Я не знала, что переправляли через болота контрабандисты, просто надеялась, что я смогу это продать.

На имущество в доме у меня не поднимется рука. Особенно после того, как Густав сравнил разруху с глубокими ранами, которые я смогу вылечить. Что поделать, сердце у меня доброе, пусть мысли и преступные.

Кто вообще сказал, что женщина должна быть логичной? Да, мы именно такие: с интуицией, заботой и самыми честными намерениями попадаем в ситуации, из которых нас должны вытащить именно так, как нам надо. И да, пусть спасатели инструкцию прочитают по нашим глазам, иначе зачем нам такая помощь?

Но Тыковке — моему верному соратнику, я давала как можно более чёткие указания. Он от всей своей загадочной души пытался помочь, то и дело забывая, что я несколько меньше, слабее и медлительнее, чем он. И что болота для меня, в отличии от загадочно коня, смертельно опасны. Под водой дышать не умею, как и ходить по ней.

К концу нашего путешествия он, кажется, это лучше понял, и до поместья я добралась почти целая и практически невредимая.

— Это кто тут такую грязь развёл? — Возмущалась Равиль, с негодованием глядя на чернеющий след из холла в нежилую часть дома.

— Равиль, подкиньте, топорик, будьте добры, — я уже мысленно потирала свои заgreбушие ручки без маникюра.

— Превеликая Звезда, вы себя видели?! Вы сейчас на нечисть похожи, больше, чем я!

— Потом помоюсь.

С поджатыми от недовольства губами, Равиль удалилась на кухню за топориком. Ну, то есть, с поджатым тем, что когда-то было губами.

Пора начинать привыкать.

Как я и предполагала, содержимое сундука было насквозь мокрым и грязным. Некогда красивые рулоны шёлковой ткани сейчас уже безнадёжно испорчены. Здесь были какие-то книги, которые после просушки пойдут для розжига печей — всё равно все чернила растеклись в огромные кляксы. Сервиз из тончайшего фарфора сохранился лишь наполовину. Не выдержал нашей с Тыковкой радости от находки.

— А это что?

Под внимательным наблюдением Густава и Равиль, я крутила в руках литую шкатулку. Ни одной прорези не заметила, ни одной кнопки или скважины для ключа.

— Это редчайшее произведение от лучших кузнецов короны. Их производят несколько сотен лет для транспортировки ценностей или секретный посланий. И стоит он дорого. Такое дополнение к коллекции Найран-Моэр!

— Как его открыть?

— Его можно открыть только под наблюдением королевского мага. И для этого нужна кровь владельца.

Я потрясла мини-сейфом у уха, там явно было что-то твёрдое.

— Тыковка, прошу.

Моему другу не пришлось повторять дважды. Он с детской радостью ударил копытом по ценнейшему артефакту для перевозки чего бы то ни было, который невозможно было взломать по словам Густава. Но кто устоит перед внушительным обаянием Тыковки? Под разочарованный стон дворецкого металлическая шкатулка безвозвратно разбилась.

— Джек-пот!

Я глазам своим не верила. Бриллианты! Штук двадцать бриллиантов размером с горох!

— Вы это видели?! Мы богаты! Тыковка, ты сможешь жить в настоящей конюшне! А у меня будет водопровод! И детям куплю ворох тёплой! А вам. Кстати, что надо? Может памятник какой или ещё что?

— Вы уверены, что они настоящие? К сожалению, наша столица славится подделками. В моё время столько скандалов было среди знати, когда на шее чьей-нибудь жены обнаруживались ненастоящие бриллианты. Это же какой позор на мужа!

Я подбежала с камнем к окну и царапнула им по стеклу. И да, на нём остался глубокий след а сам бриллиантик цел.

— Моя ж ты прелесть!

— Не думаю, что этих бриллиантов хватит на то, чтобы покрыть долг перед короной.

— Густав, умеете вы настраивание испортить.

То, что мои болота богаты такими вот сюрпризами, как этот сундук — это очевидно. Но на моей памяти исчезли лишь два отряда контрабандистов. Если местоположение этого клада я помнила, то вот где сгинули вторые — загадка.

— Вы же не собрались возвращаться на болота? — Ахнула Равиль, глядя на то, как я побежала сменить одежду на сухую.

— Именно туда я и собралась.

— Леди Моэр! Дождитесь света дня! Ради всех Владык, сейчас там очень опасно!

— При свете дня, — я остановилась в пролёте и свесилась с перил, — дети могут увязаться со мной. И не менее важно — те, кто мне помог сегодня, приходят только по ночам.

Густав задумчиво почесал десну, зияющую сквозь открытую рану на щеке.

— Мы не можем туда пойти, но знайте, леди Моэр, не все души хотят вам помочь.

Я лишь отмахнулась от его предостережения. Если сейчас струшу, то уже не вернусь.

Вооружившись вновь длинной палкой и масляной лампой, я напялила на возмущённого и даже оскорбленного Тыковку нечто свитое мной из верёвок, напоминающее уздечку. Привязать сундук к нему будет проще, чем повторить наш первый опыт доставки.

— Вы знаете, где погибли контрабандисты? — Спросила у призраков, которые грустно смотрели куда-то в болотную даль.

Они даже головы на мой вопрос не повернули. Добраться туда, где я их видела в последний раз, было несколько проще. Я уже смелее передвигалась по болотам, иногда с подсказками от когда-то пропавших здесь людей. И теперь я знала, что иногда под водами скрывались более менее безопасные дорожки.

Внезапно, чуть вдали замерцало новый призрак с поднятой, будто держащей факел, рукой. Добраться до него было сложнее. Топи здесь были шире, приходилось буквально перепрыгивать с места на место, несколько раз нога соскальзывала и я падала в болотную воду.

Призрак озирался по сторонам, и был будто ярче. Свежее что ли. Я даже смогла рассмотреть доброе лицо молодого парня, но он меня не замечал. Он иногда открывал рот, будто звал кого-то, а потом наклонился, пытаясь что-то схватить и вытащить. А потом исчез.

Я огляделась.

Вокруг топь двигалась под болотными кувшинками, что в лунном свете выглядело зловеще. Если то, что я только что увидела, и есть подсказка, то тот сундук где-то здесь. Но моя длинная палка упиралась под водой во что-то мягкое.

С упрямством сумасшедшего, я до рассвета прыгала по болоту в поисках утраченного груза под безучастным наблюдением призрачных свидетелей.

— Тыковка! — С первыми лучами рассветного солнца моё упорство было вознаграждено.

Обессиленная и мокрая, я рухнула на землю, блаженно улыбаясь небу, виднеющемуся сквозь кроны многовековых деревьев.

Два сундука за ночь. И плевать, что я, кажется, к вечеру слягу с простудой, всё же скоро конец осени. Зато теперь я знала, как расплатиться с короной.

Глава 22

— Ваша тётушка была невероятно щедра, — в очередной раз проговорил ювелир, внимательно изучая громоздкую подвеску с изумрудами.

— Что сказать, я была её любимицей, — если здесь так относятся к правам женщин, не мудрено, что и к внезапно упавшему на голову наследству, также посмотрят с подозрением.

В тайном кабинете Канрата Найран-Моэра я обнаружила просто кладёзь полезной информации. Например, свод законов, который удивительным образом был схож с тем, что я так шепетильно изучала у Донкина. Возможно, мои соотечественники пришли бы в праведный ужас, что более ста лет законы сильно не изменились. Но так оно и есть.

Идти с целым состоянием куда-либо было рискованно. Мои подозрения подтвердились, когда я нашла примечательную сводку, будто всё утерянное принадлежит короне. Я не была сильно высокого мнения о законодательной структуре королевства, признаться честно, искренне верила, что всё, что находится в моём имении, принадлежит мне.

Нет, ну а что? Здесь мне даже право подписи пришлось выбивать почти силой и слезами. А ещё женщины в школах не учатся. Из высшего класса населения. А у низшего и школ-то не было. А вот потерянные камешки, будьте любезны, отдать в королевскую казну.

Чем занималась я весь вечер, помимо сказок и газеты? Правильно, подделывала документы.

Как можно было забыть, что барону Моэр принадлежало чудное кольцо? Да вот же, посмотрите, купчая на него. До моего вмешательства это была покупка изумрудного порошка для его опытов.

И колье я видоизменила, на случай, если у него есть какое-то невероятно популярное название, и вообще, это артефакт. Отдельные изумруды россыпью уже были проданы в другой лавке. Ах, какая жалость, вот купчая на браслет, но он был таким старым, что распался.

— Кошмарная работа для таких редчайших камней, — уж слишком внимательный ювелир бросил на меня подозрительный взгляд.

— Вы ведь осведомлены, как долго усадьба пустовала, — я вздохнула. Конечно, кошмарная! Если, для опытного криминалиста подделать документ не составит труда, то вот ювелирное мастерство, увы, слишком сложно. Что-то мне подсказывает, а именно ожоги на руках и сломанные ногти под чёрными перчатками, та система, которой я пользовалась вместо паяльной лампы, никак не подходила для плавки драгоценных металлов. Что-то удалось размягчить, что-то ломала и скрепляла клыками Тыковки. Получилось грубо. Хотя, конечно изделие можно назвать авангардным, если перед осмотром приложиться к бутылке, — даже не представляю, как оно сохранилось по сей день с учётом того, где я его нашла...

Ювелир лишь хмыкнул. А потом достал какие-то инструменты, быстро вынул все изумруды из кольца и пары серёг. Ловко проверил пробу металла, вес, огранку и глубину света камней, а после жестом фокусника убрал всё в магический сейф, такой же, как и тот, что пал смертью храбрых под заботливыми копытами Тыковки.

— Удача, какая удача, — он быстро что-то записывал в громадной книге, — я даже готов заплатить больше, чем следовало бы. Двести шестьдесят золотых!

— Тогда прошу вернуть моё наследство, пожалуйста, поищу другую лавку.

Кос дал чёткие инструкции, до какой стоимости я могу надеяться поднимать, и ниже какой не стоит даже думать продавать. А ушлый ювелир предложил цену на целую сотню ниже минимальной.

— Не думаю, леди Моэр, что вам стоит куда-то ещё обращаться или, что вы на это осмелитесь, — глаза ювелира сверкнули недобрым огоньком.

— И почему же? Потому что никто не предложит стоимость выше? — Я наклонилась ближе, — а, может, потому что вы доложите о незаконности происхождения этих камней, потому что точно знаете, откуда они?

Ювелир опешил.

— Или вы считаете, что у меня не хватит безрассудства доложить о ваших тёмных делишках с Фитхой?

— Леди Моэр, это немыслимо!

— Ой ли?

— Я абсолютно отказываюсь понимать, о чём вы говорите! И если вы продолжите, я буду вынужден вызвать гвардейцев!

— Можете вызывать, а я им поведаю интересную историю о том, как и при каких обстоятельствах, эти камни оказались у меня. И о том, что конечным получателем были вы. Подозреваю, что эта замечательная шкатулка есть не только у вас, но каких образом вы знали, что именно один камень с дефектом? Тот самый, что вы отложили в сторону. И ваша реакция, когда увидели, что несколько камней не хватает. Но, самое главное лежит на том стенде, — ювелир машинально проследил взглядом туда, куда я указывала, — именно там находится примечательная и очень странная ваза, которая идеально подходит под конфетницу найденную с этими изумрудами. Увы, она разбилась.

— Вы не посмеете!

— Ещё как посмею. Наглость правит миром, если вы до сих пор этого не поняли. И да, вряд ли гвардейцы канцлера сразу же поверят моей истории о том, как вы, господин... Хотя, неважно. О том, как вы отдаёте заказы людям Фитха на ограбление богатых повозок на трактах королевства. А после, все украшения контрабандой возвращаются к вам в руки. Ведь молодые леди так часто при покупке таких украшений от радости делятся своими планами, не так ли? Гвардейцы мне не сразу поверят. Но начнут расследование, за время которой ни ваших клиентов, ни вашей лавки не станет. Итак, поскольку я невероятно добрый и милый человек, предлагаю триста пятьдесят за всё.

Ювелир сидел, обмахиваясь платочком, истекая потом. Я знала, какое впечатление произвела, когда вошла в лавку: молоденькая вдова, с глуповато приподнятыми бровями, в откровенно изношенном чёрном платье. И это первое впечатление никак не вязалось с моей вежливой улыбкой, которая сейчас больше походила на оскал.

— И я знаю, что он стоит больше. Остальное — моя плата за услугу.

— Какую услугу?

— Фитха не должен знать, что камни к вам вернулись.

— Но, помилуйте, леди Моэр! Он разозлился, когда я отказался платить за траты даже от недоставленного заказа. Он сожжёт меня в этой лавке, если узнает, что я провернул такую сделку за его спиной!

— В ваших интересах сделать всё, чтобы Фитха ничего не узнал. А я постараюсь вернуть вам другие заказы. За половину стоимости от их цены. В любом случае, это лучше,

чем ничего. Вы останетесь в выигрыше.

— И за что такая щедрость?

— Вы перестанете делать заказы людям Фитхы.

На улице увесистый кошель моментально исчез из моих рук. Я еле успела заметить мелькнувшую спину Руни.

Ребята очень расстроились, когда узнали, что я так поздно проснулась из-за того, что всю ночь провела на болотах. Для них это было сродни приключениям Гензель и Гретель, а не опасное мероприятие. И да, в истории брата и сестры они не увидели абсолютно ничего предостерегающего, кроме беспросветной глупости. Ведь можно было не оставаться есть, а просто всё тихонечко спереть и сделать ноги.

— Мы — мужчины! Мы обязаны защищать нашу леди!

И, вспомнив мой первый поход в город, мы разработали нехитрый план не привлекать ко мне, выходящей из ювелирных лавок с увесистыми мешками золота, внимание. Никакие карманники не страшны, когда есть свои воришки! Матери года из меня, конечно, не выйдет, но что тут поделаешь. Тыковке тоже пришлось смириться с сумками на его спине, где сейчас хранился мой «банк».

— Ты видела его лицо? — Бахо надул щёки, имитируя вздувшуюся жабу, — когда ты его по тому прилавку размазала! Это ж надо догадаться! Как ты догадалась?

— Несложно раскусить преступный план, когда в найденном сундуке лежит письмо с подробнейшими инструкциями. Эти дураки даже не догадались его уничтожить, — мы дружно рассмеялись и двинулись к жующему глиняный горшок Тыковке. Хорошо, хоть ребята спрятали его в маленьком дворике, подальше от посторонних глаз.

— Мы справимся? — Тихо спросил Сони.

— Ещё вчера у нас не было ничего, а сейчас мы собрали почти шесть сотен. Конечно, справимся!

— Как ты так быстро посчитала?

— Сложила все походы по нашим ювелирным лавкам. Вот, смотри, — присела перед сосредоточенным Бахо, — если представим, что один пальчик — это сотня, сложи теперь три пальца, сколько у тебя сотен?

— Три.

— А теперь сразу приплюсую ещё три пальца, то есть три сотни, сколько пальцев?

Лала сосредоточенно пыхтел над своими кулачками, с липкими от леденца пальчиками.

— Это я такие деньжищи могу считать...

— И не только, я ещё таким математическим фокусам тебя научу!

Вуни и Руни вышли навстречу, как ни в чём не бывало.

Настроение было настолько радужным, что я не могла перестать улыбаться. Шесть сотен! За одну ночь!

Конечно, это лишь расчёт с долгами, а не постоянный заработок, но даже с этим успехом всё казалось таким простым.

— Леди Моэр, — меня окликнул приятный баритон, — приятно, наконец, с вами увидеться.

Ребята моментально испарились. Скорее всего, побежали уводить Тыковку по своим воровским тропам, чтобы он с нашим состоянием не попался ему на глаза.

— Господин Фитха, — я обернулась с широкой улыбкой, — слышана.

— Хочу пригласить вас в место покомфортнее этого грязного переулочка.

— Предпочитаю остаться на свежем воздухе, — и именно в этот момент из окна кто-то вылил целое ведро помоев. — Вы что-то хотели обсудить?

Обсуждать что-либо молодой мужчина не спешил. Мне пришлось приложить все свои усилия, чтобы ни один мускул на лице не дрогнул. За его спиной я, мягко говоря, натворила дел. И сейчас он мог прийти по мою душу по любому поводу из списка.

— Не знаете ли вы, кто распространяет эти грязные газеты, порочащие моё имя?

— Ваше имя было опорочено? Какой ужас! Мне очень жаль это слышать.

Глаза Фитхи зажглись странным огоньком, он не пропустил моего плохо скрытого сарказма. И сейчас этот щегол, наряженный в костюм голубого цвета с кричаще дорогим пальто, который стоял передо мной, чуть склонив голову набок, выглядел жутко. И заинтересованным.

— Вы здесь недавно, леди Моэр, поэтому вам простительны некоторые заблуждения. Просто не смогу себе простить, если такая очаровательная юная леди, как вы, попадёт в беду. У этого города есть правила, и несколько вы уже нарушили.

Мне стало зябко. Одно дело видеть его в бессознательном состоянии, и совсем другое — вот так, когда он с плохо скрытой угрозой решил со мной познакомиться «поближе». На этой улице всего с пару минут назад была толпа народа. Но сейчас мы абсолютно одни. Каждая собака знала и понимала, кто он такой.

Легко бороться с ним, когда он далеко и даже не знает, что ему кто-то пытается противостоять. Совсем не вовремя вспомнилась его реальная власть над всем городом.

И я прекрасно видела, что он знает, что я знаю, что он знает. Кхм. Только о чём конкретно он знает? Имеет ввиду только Коса и тот факт, что я причастна к выпуску газет?

Но его участие в исчезновении мальчиков и так на поверхности. Неужели ювелир донёс ему, что я притащила камни? В это слабо верилось. Ювелир больше похож на алчного человека, чем на трусливого, а я могла вернуть ему его сокровища. И он не был полным идиотом, чтобы верить, будто ни у кого не возникнет подозрений, что на все экипажи были совершены нападения аккуратно после посещения ювелирной лавки. Ну, не совсем сразу же, но связь прослеживалась хорошо. То есть, ювелир и сам прекрасно понимал, что эти «заказы» пора заканчивать, и уж тем более потому, что многие партии бесследно исчезали.

— Я не приемлю угроз. И помню каждого, кто мне когда-либо угрожал, — я повторила его изучающую позу, жаль, что он был намного выше меня, — а, чтобы обвинять кого-либо, должны быть веские доказательства. Надеюсь, вы не думаете, что у меня в поместье цех по выпуску газет.

Он слегка прищурился. Кажется, его действительно волновали именно эти газеты, а не драгоценные камни с болот.

— Ещё увидимся, леди Моэр.

— И вам всего доброго.

Печатный «станок» покоился в разобранном виде в столярной мастерской Брунга. Но, если кто-то заинтересованный зайдёт к нему вглубь помещения, сразу обнаружит целую гору чистой бумаги, что слишком дорого для столяра. И уже тем более, ему не нужно.

— Он ушёл?

— Когда мы пойдём платить налоги?

Я в задумчивости кусала губу, глядя вглубь улицы, где исчез Фитха.

— Как часто вы рассказывали его людям о том, что видели на улицах?

Руни и Вуни переглянулись.

— Я не буду вас ругать. И да, очевидно, что дети на улицах — его глаза и уши. Мне просто нужно узнать, как сделать так, чтобы эти детки стали моим голосом.

— Они все живут по приютам, — Лала, услышав упоминания о приютах от Сони, сильно нахмурился, и как-то сжался, — там плохо. Но лучше, чем в подворотне.

Радужное настроение моментально испарилось. Фитху я воспринимала как своего личного врага. И в первую очередь за то, что он сделал с моими маленькими друзьями.

В нашем диалоге осталось много недосказанности, и мне до зубного скрежета не хотелось это слышать. Но, кажется, ещё чуть-чуть и он бы напрямую мне сказал, что мальчики были похищены из-за меня. Лишь из-за того, что посмела нарушить маленькое правило — не ходить к Косу.

А потом перешла дорогу второй раз — забрала мальчиков обратно.

А потом явно намекнула в газетах на то, что он причастен. Вряд ли в городе кто-то ещё не в курсе, кто такой Фитха и чем он занимается. Но одно дело, когда все говорят об этом шёпотом, и совсем другое, когда кто-то заорал об этом на всю глотку.

И да, намёк я поняла. Если дальше буду сидеть и не высовываться, всё будет тихо и спокойно. Вот только, я уже наследила, переходя дорогу этому типку. Пусть, пока он не понимает, что все следы — мои.

— С налоговщиком надо будет как-то по-другому разобраться.

— Ты опять что-то задумала, леди? — В голосе Бахо скользило плохо скрываемое восхищение.

— Так, помните, о чём мы утром договорились? Никаких краж и воровства, в неприятности вы не влипаете.

— Ну не-е-ет! Дома сидеть — скучно!

— Густав вас начал учить алфавиту! Как это может быть скучно?

Отпустить ребят одних в поместье я бы и так не рискнула. Поэтому не стала настаивать. Да и отправить их в наш трактир было проблематично, но, получив монетки, они с радостными криками пообещали, что дождутся меня именно там.

В местном банке я провозилась ещё кучу времени, пока открывала счёт, предоставляя все расписки от ювелиров и скупщиков. А вот на моменте, где я заставила сотрудника подписаться по тем, что он под страхом перед королевской канцелярией должен соблюдать конфиденциальность, я сожгла последние нервы.

Но сейчас мне надо было к Макбулу. У него, конечно же, есть вопросы к моей скромной персоне. Но у меня был один единственный вопрос по поводу Фитхи. В голове зарождался пока ещё совсем призрачный план, и ответ герцога был в нём ключевым.

Глава 23

Секретарь лорда Макбула встретил меня недружелюбно и с подозрением. Он несколько раз выглядывал в коридор, чтобы проверить, не будет ли опять со мной свиты. Какой злопамятный, вы посмотрите. Уже столько времени прошло, а он всё об одном.

Уж не знаю, чем был там занят герцог, но ждать пришлось долго. Я и просидела всё время на неудобном стуле, чинно сложив ручки на коленках, всем своим видом показывая, что ничего предосудительного не замыслила.

— Леди Моэр, не желаете ли кофе? — Не вытерпел, наконец, секретарь, моего постукивания каблучком по полу. Извините, это нервное.

— С удовольствием.

Секретарь отложил мою газету в сторону, я же постаралась скрыть улыбку.

«Столичный голос»

«Леди Майран завершила свой портрет с болонкой! К сожалению, болонку пришлось заменить козой, но художник Зойеран утверждает, что вышло даже загадочно. Талантливому художнику нужна помощь лекаря, чтобы избавиться от дёргающегося глаза и ночных кошмаров.»

На границах участились случаи грабежа торговых караванов. Отряды подвергаются нападению из засады. Рекомендуем в охранный отряд набрать побольше стрелков, а также защитить шею лошадей.»

А теперь к скандалу. Свидетели чайного вечера у леди Т. рассказывают о неподобающем высказывании лорда Хиволи о своей супруге, а именно, о том, как жена позорит его в высшем обществе своим «неумением петь» и «отвратительном музицированием» на фортепиано.

Редакция газеты провела расследование. Лорд Хиволи действительно имеет право унижать свою супругу на глазах у знати. Оказывается! Уважаемый лорд — нелюбимый клиент у всех мадам Столицы! Девушки резко уходят на больничный, когда упомянутый приходит в заведение, где, просим заметить, просаживает имущество своей же супруги.

Так же он задолжал игорному дому в первый же вечер посещения. Как выяснилось, лорд Хиволи не умеет считать. И в попавшей в руки редакции его письмо с просьбой дать займы так же было написано с ошибками.

Но, главное, после небольшого расследования были выявлены случаи хищения из королевской казны нереализованного товара на сумму больше ста золотых.

Редакция напоминает, что супруга была не в курсе порочащих и недостойных дел своего мужа.

Настоятельно ей рекомендуем выставить вещи мужа и обратиться к поверенному для оформления всего имущества на себя. При необходимости, редакция окажет содействие.

А теперь к погоде:

Собака Фроси прилипла языком в жестяному ведру. По утрам мороз, пора утепляться.

Биржевая сводка: стоимость изумрудов выросла на три с половиной процента...»

Мою маленькую шалость в виде газеты так часто осуждают, но кто бы знал, сколько экземпляров продается каждый день именно в верхнем городе. Да-да, нас не обманут эти горничные, которые, оглядываясь, берут по несколько экземпляров «для себя». Мальчики-

газетчики прибегают в трактир с горящими глазами, всякий раз вываливая на стол целую гору медяшек.

Я отдаю им всё обратно.

М-да, печать газеты бесплатно — не самое выгодное предприятие. Но я не могу брать деньги у ребят, даже те, что они заработали с моими газетами. Ну, не могу и всё. Чем я буду лучше Фитхи в таком случае?

— Леди Арманд, — голос с бархатными нотками пробрался под кожу, вызывая галоп мурашек. Внутренне пошлёпала себя по щекам, приходя в чувство, — прошу.

Герцог почему-то остался у прохода, придерживая для меня двери и оставляя не так уж и много пространства, а я же, протискиваясь мимо, украдкой втянула его аромат. Да, так пахнет роскошь и слезы соблазненных девиц.

Так. Это уже не смешно. Нельзя даже мысленно пускать слюнки на того, кто может отправить тебя на казнь. Или в тюрьму. Или в тюрьму, а потом на плаху.

Даже стало как-то стыдно из-за моей увлеченности, пусть и тайной, герцогом. Стыдно больше всего перед Сессилией. Если бы она оказалась той ещё стервозиной с отвратительным характером, пускать слюнки по Кенану было бы в разы проще.

Но я вспомнила, как девушка в притворном обмороке валялась на грязном полу трактира, помогая мне спасти детей, а потом пела им колыбельные в карете, когда те пытались согреться и отойти от пережитого ужаса.

Настроение резко испортилось. А ещё я разозлилась на лорда Макбула. Вот чего он лезет со своими чёрными глазами?

— Что-то произошло, леди Арманд? — Моя перемена в настроении не прошла незаметно.

— Леди Моэр, будьте добры, — привычно поправила его, вернув на лицо традиционную улыбчивую маску.

— Итак, леди Арманд, я бы хотел услышать цепочку событий, которая привела вас в трактир «Чёрная хвоя». Как вы узнали, что мальчики именно там? Как узнали о причастности Фитхи?

— Сестра одного из мальчиков работает в заведении мадам Жизеллы...

— Вы общаетесь с блудницей?

— Я слышу в голосе презрение или мне показалось? — Лорд Макбул вместо ответа лишь хмыкнул, откидываясь в кресле. И опять, чуть склонив голову набок, посмотрел на меня тяжелым взглядом чёрных глаз, вызывая внутри иррациональное раздражение. Мне точно нужен вечер покоя и отдыха, — а знаете ли вы, лорд Хад Макбул, как девушки туда попадают? И какой процент из них оказывается там против своей воли?

— Что вы хотите этим сказать, леди Арманд?

— То, что так легко осуждать тех, у кого не осталось выбора. И не надо мне говорить, что выбор есть всегда. Сестра Лалы не может забрать мальчика к себе, потому что у неё даже собственной комнаты в борделе нет, а она там лишь моет полы и чистит овощи на кухне. Но кого это волнует, не так ли? Пусть лорды с пафосным видом под самым носом у жён посещают бордели хоть каждый день, принося домой целый букет болезней, пусть они одаривают комплиментами и подарками девушек оттуда, но каждый раз, встретив их на улице, они будут воротить носы, будто не они вечером на кануне стояли на коленях, выпрашивая их внимания.

— Впечатлен, леди Арманд, — его взгляд стал холодным, — ещё больше обвинений я

вряд ли мог услышать. Прежде, чем мы приступим к цели нашей встречи, посмею кое что заметить: к сожалению, такие заведения пользуются спросом. Стоил ли озвучивать, на сколько вырос процент насилия над женщинами, когда мы их пытались закрыть? И стоит ли рассказывать, какие заведения открылись тайно и в каком ужасе жили работающие там девушки? Я ни в коем случае не осуждаю девушек, мой вопрос относился к тому, как именно вы узнали о том, что похититель Фитха.

Стало стыдно. В сравнении с железобетонным самообладанием Кенана, я капризный ребёнок, который не может сдерживать эмоции.

Мой рассказ занял не много. И клянусь, я слышала смешок в той части, как мы с Мойдой подсыпали снотворное Фитхе.

— Как вы открыли скрытую дверь в подвале под трактиром?

А вот на этот вопрос мне не хотелось отвечать ни в коем случае. Рассказывать про призрака? Плохая идея.

— Не знаю, — чисто технически, это правда, — там не было никакой двери, а потом она резко появилась.

Взгляд Кенана стал колючим. Сложно было сказать, поверил ли он мне, но сама мысль о том, что я смогла открыть магическую дверь, ему не нравилась.

— Как оказалась ваша лошадь в том подвале?

— Он у меня не самый воспитанный жеребёнок, — пожала плечами, — я просила его остаться дома, но он пошёл за мной.

И ведь тоже почти не обманула.

— Лорд Макбул, — решила перевести тему, даже придвинулась чуть поближе. Ох уж эта бесстрашная я, — у одно из бандитов, тот, который ранил меня мечом, сталь светилась странным светом. Это... яд?

Кажется, моё чуть глуповатое выражением лица его ничуть не обмануло. Кенан понял, о чём я хотела спросить на самом деле.

— Существует ряд запрещённых артефактов, — к моему крайнему удивлению, герцог начал отвечать, а не уходить от вопроса, — мы регулярно изымаем их из тайников, но такие магически заряженные предметы то и дело всплывают в том или ином преступлении. Но самое главное, чтобы создать такой артефакт, помимо магического воздействия, нужна жертва. Магия опасна, леди Арманд. Но в первую очередь, опасна своей ценой, которую платят маги.

— У Фитхи покровитель в королевской верхушке? — Резко выпалила я самый главный вопрос. И, судя по секундной реакции Кенана, пусть он и взял себя в руки почти мгновенно, поняла, что попала в точку.

— С чего эта опасное предположение, леди Арманд?

— Он контролирует тракты перед столицей, не боясь гвардейцев. Вся контрабанда идёт по улицам города. Его преступления лежат на поверхности, но даже вы связаны по рукам и ногам. Такая наглость оправдана либо полным идиотизмом, либо осознанием собственной безнаказанности.

— Леди Арманд, вы производите впечатление умной и рассудительной девушки, но я настоятельно рекомендую вам не ввязываться в это дело. В прошлый раз вы чуть не погибли.

Это мне и нужно знать. Все предположения по поводу «крыши» Фитхи оправдались. Вот только непонятно, кто именно от короны его покрывает? У кого власти больше, чем у канцлера? Вряд ли сам король мог пособничать в таких грязных преступлениях. Я не самая

умная в этой округе — догадалась я, догадаются и остальные. Тогда вера в короля значительно пошатнулась. Или...

Да нет...

Или...

Я посмотрела на Кенана. Красивый, как чёрт, но мы не об этом. Он и сам из королевской семьи, только другой страны. Его отец — внучатый племянник короля Восточной Империи, часто бывал здесь с дипломатической миссией. А после, для укрепления отношений между государствами, Кенан поступил на службу в королевскую гвардию. Дослужился до капитана, а потом и вовсе дошёл до канцлера. И это ему ещё и сорока нет. И вот вопрос: такого уровня человек в каком случае будет терпеть бандитского главаря, который переходит все мыслимые и немыслимые границы, проворачивая свои делишки у всех на виду?

Только, если покровитель — сам король. Но это, естественно тайна.

Внутренне я потирала ручки. Тайна, да, но не надолго. Моей газете нужно прикрытие.

Фитха орудует у всех под носом? Мы станем незаметными. Как можно охотиться на того, кого не существует?

— Мне не нравится ваше выражение, леди Арманд, — Макбул чётко увидел, что я что-то задумала.

— Бросьте, моя бабушка говорила, что я солнышко, — я улыбнулась ещё шире, на что Кенан, почему-то, не купился, — что, если вы мне поможете с некоторой юридической коллизией, а я вам помогу щёлкнуть по носу этого хлыща Фитху?

— Я могу вам помочь и без взаимной услуги, леди Арманд. Противостоять Фитхе одинокой девушке очень опасно. И зачем вам это?

— Смею напомнить, он похитил моих маленьких, беззащитных друзей. И не стоит сомневаться в моих способностях. У одинокой девушки есть одно секретное оружие.

Макбул почему-то пробежался черными глазами по моему платью.

— И какое же?

— Коварство, ваша светлость.

Глава 24

Кенан не спрашивал о моих планах, но дал самое главное — разрешение на покупку и аренду недвижимого имущества с печатью канцлера. Я чуть не завизжала от восторга.

У меня развязаны руки!

Никогда не была особо верующей, но сейчас была готова и расцеловать герцога, и свечку за здравие поставить.

— Пожалуй, пройду с вами, леди Арманд, — сказал Макбул, надевая пальто.

Не совсем это кстати. Не стоит герцогу знать, чем именно я хочу заниматься. Особенно про газеты, которые поднимают волну недовольства у знати. И у Фитхи.

— Как продвигается дело госпожи Алесии? — Спросила, пытаясь скрыть досаду.

— Я собираюсь отправить туда нового сотрудника, но госпожа возражает, обосновывая тем, что воспитанников там очень мало. Но вот странность — королевская казна отчисляет ежемесячно крупные суммы на поддержание.

Новый сотрудник в приюте — это очень хорошо. И воспитанников там очень много, вот только все дети бегают по улицам, причём полураздетые для такой погоды, что поднимало волну протеста внутри. В этом мире умереть от обыкновенной простуды — проще простого. Что говорить о детях, которые не получают достаточного количество еды и витаминов.

— А давайте прямо сейчас прогуляемся в приют, — предложила я, игнорирую многозначительные взгляды праздно́й знати верхнего города на нашу парочку.

— Сейчас возьму экипаж, — с лёгкостью согласился герцог, но я возразила.

— Всегда любила прогулки, — тем более моим мальчикам нужно дать время.

Когда герцог здоровался с каким-то прохожим с важнецким видом, я набросала на скорую руку записку и отдала беспризорнику едва заметным жестом, одними губами назвав трактир, куда её нужно доставить.

Прохожие редко обращали внимание на детей на улицах. Что это было: сознательное игнорирование или социальная слепота — мне неизвестно. Но как же это на руку.

До приюта мы добрались спустя минут двадцать. Я с удовольствием замечала всё меньше и меньше детей на улицах.

Детей у неё в приюте мало, ага, как же. Документация здесь ведётся из рук вон плохо. Что уж говорить, воспитанники приюта госпожи Алесии живут со мной уже несколько дней, но никто, абсолютно никто даже носом не повёл, чтобы поинтересоваться, куда запропастились дети.

А может я садистка или оказываю плохое влияние? Может, я вообще использую детский труд? Ну, с какой-то стороны оно так и было, но...

— А вот это уже интересно, — пробормотал Кенан, заходя в серые объятия приютских стен, требующих капитального ремонта.

Моя пятёрка лучшая. Они не умели читать, но Дора — жена трактирщика, умела. Ребята без лишних вопросов собрали абсолютно всех детей с улиц, которые сейчас с грустными личиками сидели по комнатам, некоторые играли с деревяшками, имитируя скачки на лошадях и сражения солдат.

Честно говоря, сердце сжималось, хоть я и точно знала, что внешность этих ребят обманчива. Они гораздо умнее и шустрее, чем могут показаться. Вот, например, тот

кучерявенький, он запросто может проникнуть в любой дом, не оставив ни единого следа. Но мысль о нужде такого навыка вызывала внутреннюю панику.

— Ваша светлость! — Госпожа Алесия, раскрасневшаяся от волнения, выбежала нам навстречу, — я не знаю, что происходит! Я не знаю, кто эти дети! Клянусь Превеликими!

— Меня зовут Руни, госпожа, — сложно играть грустного и голодного ребёнка с пятном от взбитого крема от пирожного Доры, — я в этом приюте уже пять лет.

— Я — Сандо, мы с сестрёнкой попали сюда три года назад.

На лице Кенана ходили желваки. Ещё бы, здесь было больше сотни детей, и все они выглядели не лучшим образом. А ведь он был в ответе за них всех. У этих детей опекунов являлась корона. И такое упущение... Даже мне плохо становилось, видя этих никому не нужных детей. В некоторой степени, в самой маленькой, можно было даже поблагодарить Фитху, который дарил им цель и занятия. Но работали дети за то, что им и так полагалось по праву — за еду и кров.

— Я немедленно издам распоряжение сместить вас с должности, — голосом герцога можно было замораживать. Даже я испугалась так, будто он огласил лично мой приговор, а не обычное увольнение завравшейся и вороватой госпожи. Хотя, может здесь за такую халатность в тюрьму сажали.

— Не надо, лорд Макбул, — машинально положила ладонь на его руку. Кенан слегка вздрогнул и с удивлением посмотрел на моё прикосновение. Я резко одёрнула ладонь, чертыхаясь про себя, — то, что делает госпожа Алесия каждый день — невероятно тяжело. Некоторым не удастся уследить и за одним ребёнком, не говоря уже про шестидесят! И все они разных возрастов, со своими грустными историями, желаниями и мечтами. Это великий труд!

Побледневшая госпожа Алесия мгновенно пришла в себя после моих слов, усердно закивав. Она посмотрела на меня с такой благодарностью, что мне показалось, будто она бросится мне в ноги, целуя ручки «благородной баронессы».

Бахо и Сони выглядели шокированными моими словами. Ещё бы, я так проклинала эту бесстыжую директрису детского приюта, называла её Менгеле в юбке, мальчики ещё спрашивали, кто это такой. Наверное, мои детки подумали, что я спятила. Но я украдкой улыбнулась им той самой улыбочкой, по которой Бахо понимал, что я что-то задумала.

— Леди Моэр, ваша добродетель не знает границ! — Продолжала распинаться Алесия, не замечая хитрых улыбочек моих мальчиков. А вот Кенан обратил внимание и перевёл на меня вопросительный взгляд.

— Что вы, леди Алесия, — я в ответном жесте сжала её толстенные ручки, — я искренне восхищаюсь вашим трудом!

Эту фальшь не распознала только она.

— Лорд Макбул упомянул о своём желании нанять вам помощника, думаю, это просто прекрасная идея! — С глупым восторгом я хлопнула в ладошки, игнорируя проскочившее недовольство на лице Алесии.

Ловушка захлопнулась: она это знала, я это знала, даже мои мальчики начали догадываться, что я задумала, вот только надо было каким-то образом усыпить её бдительность, чтобы она не нажаловалась Фитхе.

— У меня есть на примете человек, который имеет соответствующие рекомендации, — проблеяла Алесия, сжав тоненькие губки.

— Думаю, у меня тоже есть кое-кто с рекомендациями от того же человека, — с

нажимом произнесла я.

Макбул отдал последнее распоряжение, пообщался с мальчиками, и мы засобирались покинуть приют. Своим ребятам я жестом показала, чтобы они ждали меня у Грота. Естественно, я не собиралась их здесь оставлять. В моей записке про них вообще не было ни слова, лишь о других воспитанниках детского приюта, чтобы все были на местах. Но, видимо, детям надо гораздо больше времени, чтобы осознать, что они выбрались.

Желание забрать вообще всех распирало изнутри. Но я не могла. Никак. Но могла сделать кое-что другое.

— Зачем вы намекали Алесии, что ваш человек от Фитхи? — Кенан не упустил моей недосказанности.

— А зачем Фитхе лишний раз знать, что кто-то вмешивается в его дела? Вы ведь знаете, как он эксплуатирует детей?

— К сожалению, да, — мы уже прогуливались неспешным шагом по улочкам среднего города. Позади я слышала сопение Тыковки, который разве что не вслух озвучил своё желание как можно скорее попасть домой. — Но я и не предполагал насколько плохо состояние детского дома сирот. Ежемесячные отчёты были не радужными, но и не такими печальными. У вас действительно есть на примете человек? Я могу выделить специалистов из академии.

— Если вы мне доверяете в этом вопросе, я бы привела того, кто на самом деле необходим этим детям, — если в верхнем городе знать здоровалась с Кенаном, а на меня бросала лишь заинтересованные взгляды, то в нижнем и среднем было ровно все наоборот. Да, ярче подчеркнуть пропасть между нами просто невозможно.

— Ваша цель — отобрать у Фитхи детей, заставив их работать на себя?

— Одна часть врачебной клятвы — не навреди, — ляпнула я и тут же прикусила язык, — в идеале, моё желание — дать этим детям детство. Чтобы они не становились преступниками ради того, чтобы получить и так принадлежащее им по праву. Но сейчас моя цель — не привлечь внимание Фитхи. Пусть он и дальше думает, что приют под полным его контролем, находясь под управлением зажавшейся госпожи Алесии. А Алесия должна искренне верить, что мой человек появился в приюте по протекции Фитхи.

Внезапно Кенан остановился, в удивлении уставившись на меня. А потом он засмеялся. Так искренне и заразительно, что и на моём лице невольно появилась улыбка.

— Я уже испугался, когда вы восторгались работой этой пройдохи, — ему очень шли морщинки вокруг глаз, делающие его лицо не таким грозным, — напомните мне, леди Арманд, не становиться вашим врагом.

День близился к концу. Я со своей свитой обходила уже третью по счёту лавку готовой детской одежды.

— Эти ботиночки очень тёплые! Смотрите, какие красивые, им сносу нет! — Молоденькая продавщица выставляла передо мной пары действительно красивеньких и аккуратненьких детских ботиночек.

Кос придирчиво осматривал качество детской одежды, косясь на ворох уже купленной одежды.

— Трагедия, — продолжал бормотать он, зная, что я сейчас скажу.

— Отлично, беру всё, — девушка удивилась, оглядываясь на свой прилавок, но тут же взяла себя в руки и начала упаковывать покупки, — но, вам надо быстро всё «состарить».

— Я не поняла вас, леди.

— Вся эта одежда не должна выглядеть новой, но должна оставаться такой же качественной и тёплой. Сколько времени вам понадобится, чтобы подпортить внешний вид?

— Трагедия!

— До утра управлюсь, леди Моэр, — проблеяла она, но так и не задав лишних вопросов.

Завтра все дети получают новую одежду, от которой не будут шмыгать носами. А ещё новые матрасы и спальные принадлежности. И ни у кого не возникнет вопроса, откуда всё это, лишь потому, что всё будет казаться, будто ничего не изменилось.

— Мне нужен образованный человек, но который выглядел бы лошком, — мы уже вышли из лавки и двинулись в сторону трактира.

— «Лошком», леди Моэр? — Кос непонимающе моргнул.

— Ну, знаешь, таким которой не представляет из себя опасности. Но со стержнем внутри. Шестьдесят детей — это тебе не шутки.

— Мне нужно подумать. Вы упомянули, что хотите, чтобы он ещё обучал детей грамоте.

Я знала, что могу положиться на Коса в этом вопросе. Он тоже переживал за детей, хоть и не знал, как им помочь. В этом приюте даже не вёлся учёт воспитанников! Мол, ну пропадут, ну и что? Детей много, а я одна!

Внутри опять разлилось желание свернуть шею. Только медленно, чтобы эта госпожа всё прочувствовала.

Так, моя кровожадность обусловлена голодом.

В трактире я не собиралась задерживаться долго, мне нужно было лишь договориться с Донкином о встрече.

Если раньше я терпеть не могла развалюху, которую называла своим домом, то сейчас, чувствую на себе бетонный груз усталости, я мечтала лишь о том, чтобы быстрее добраться, поесть и завалиться спать. Мальчики тоже зевали, соревнуясь, кто шире откроет рот. Победил Тыковка.

Но даже после ужина сон не шёл. Под недовольное бурчание Густава, я изучала ценные карты городской канализации, найденные в кабинете Канрата.

Если Фитха мог себе позволить провозить контрабанду по улицам города, никогда не страшась, то мне эта прелестная возможность не была доступной.

Поэтому я с фанатизмом изучала все ходы и выходы на поверхность. Системы люков здесь не существовало, но вот из подвалов многих домов были выходы к тем туннелям, где не протекали сточные воды, а лишь те, которые шли в городской водопровод.

Отметила для себя крестиком те здания в среднем городе, чьи канализационные выходы были ближе к главным разветвлениям, и, наконец поплелась в кроватку, возле которой уже спал Тыковка, свернувшись в небольшую чёрную гору, сливаясь с тенями.

— Народ у нас суеверный, — говорил Грот в трактире, — канализации боятся, там и терялись люди, как на ваших болотах, леди Моэр. Зато платят хорошо, когда надо иной раз спуститься, чтобы почистить. Вот только и карты никто не даёт. Нету точной.

Я надеялась, что моя карта была точной.

На следующий день Кос представил меня выпускнику академии — кандидата на должность воспитателя детского приюта. Внутри я ликовала. Этот парень действительно был похож на лошка, пусть Кос и не знал, что это означает, но он нашёл идеальный вариант.

Только светлые проницательные глаза выдавали острый ум молодого человека, сидевшего чуть сгорбившись в тёмном костюме с пятнами непонятного происхождения.

— Добрый день, леди Найран-Моэр, — привстал парень, чуть рваным движением

поцеловав мне руку, — меня зовут господин Иварри. Ларган Иварри. Вот, мои рекомендации.

Рекомендации я просмотрела лишь для проформы, интересовало меня другое.

— Господин Иварри, — я чуть поддалась вперёд, ближе к парнишке, осознанно нарушая его личное пространство, — как Кос вам уже обрисовал, вам предстоит приглядывать и заниматься обучением шестидесяти детей, характер которых не сахар. Вы это понимаете?

— Да, леди Найран-Моэр, — парень даже не отшатнулся, когда я пыталась давить на него всем своим хрупким напором, — я уже работал помощником преподавателя в королевской академии. Смею уверить вас, отпрыски знати куда худшие воспитанники, нежели сироты. Те даже осознавая, зачем им обучение и стоимость оно, нарушали все мыслимые законы короны и морали.

— Но, господин Иварри, самое главное — никто не должен об этом знать.

— Что, простите?

— Обучение мальчиков должно проходить в тайне. Не всех сразу, по порядку, можете поделить их по возрасту или заинтересованности.

— Но, как же? — Его выдержка закончилась. Ларган беспомощно обернулся на Коса, который сидел с невозмутимой миной, — но моя заработная плата будет выплачиваться короной, я должен регулярно отчитываться о проделанной работе.

— Вы и будете, корона нанимает вас как воспитателя, а не учителя. За обучение вы будете получать золотой каждый месяц от меня. А ещё другой золотой за заботу о здоровье мальчиков и за абсолютную и полную конфиденциальность. Прежде всего перед Алесией.

— Но как... Это огромные деньги...

— Надеюсь на стратегическое творческое мышление, как сделать так, чтобы Алесии и дела не было на то, как дети спят, что едят, и чем занимаются. Мы друг друга поняли?

Ларган сидел, задумавшись достаточно долго. Но потом согласился подписать со мной так называемое дополнительное соглашение.

Дети из приюта, встречавшиеся мне на улице, уже щеголяли в новой, обманчиво старой одежде. Меня порадовало, что их носы уже не были такими красными, а вот щёчки румяные.

— Он на набережной, — бросил мне один и сирот, пробегая мимо.

Сталкиваться лицом к лицу с Фитхой не хотелось. Для него по рассказам детей я ходила по магазинам, но ничего не покупала. Да и магазины посещала не для богатой знати. Откуда у бедной вдовствующей баронессы деньги на новые туалеты?

А вот дети мне рассказывали, что он уже начал совать нос в мои дела. Ещё до посещения приюта, дети лишь по просьбе моих мальчиков, соврали, что не знают, кто печатает газеты. Что все выпуски они находят возле борделя. А зарабатывать на продаже — это они уже придумали сами.

Брунг додумался убрать печатные станки и бумагу подальше из своей мастерской. Под недовольство его жены, он и ещё несколько мужиков не нашли лучшего выхода, чем спрятать их в борделе мадам Трутин, того самого, что возле трактира Доры и её мужа.

Фитха пришёл и к нему. Со своими людьми. Всё могло закончиться хуже, но этому мерзавцу действительно не к чему было придраться. И дети подтвердили, что Брунга к газетам, в которых этим утром появились портреты его главных головорезов, с пометкой «особо опасны», не причастен никаким образом.

Да, теперь экипажи, заметив эти лица, брали дополнительную охрану их королевских гвардейцев, если направлялись с ценным грузом.

Мы с Донкином обходили уже четвёртое по счёту помещение в среднем городе.

— Леди Моэр, — сокрушался он, — я право не понимаю, чем это вам не угодило? Оно отлично подойдёт для вашего книжного магазина. Хотя, я настоятельно рекомендую открыть его в верхнем городе. Люди среднего класса не могут себе позволить множества книг.

— Мои книги они себе позволить смогут, — не говорить же ему, что в том помещении дверь в канализационные тоннели были замурованы.

Пятое помещение было тем, что надо. Двухэтажное здание в стиле старой Европы громадной витриной снаружи уже выглядел уютным. Но самое важное: перед канализационной дверью был встроен шкаф с фальшпанелью. Видимо, предыдущему хозяину жутко не нравилась возможность, что через неё могут вылезти многочисленные грызуны, но на закладку дорогостоящим кирпичом он попросту пожалел денег.

— Это же идеально! — Стены, обитые вишнёвым деревом, будто выделяли тепло, даря тот самый зимний уют, как когда за окном пушистая зима, а ты сидишь с чашкой горячего какао перед камином, а в душе живёт предчувствие сказки.

Второй этаж с аккуратными перилами представал перед глазами, хвастаясь своими большими мозаичными окнами.

Но самое главное — под этим зданием стекались основные тоннели подземных путей, как я их про себя прозвала.

— Берём!

Бывший владелец бежал из города как раз из-за Фитхи. Тот выдвинул ему за свою «крышу» такой тариф, что бедный торговец готовым платьем просто работал в ноль. А это ещё и при том, что ткани он покупал со складов Фитхи, тоже за бешенные деньги. Мне было жалко добродушного человека, которому так сильно нужны были деньги. Но потратить почти всё своё состояние, которое уже начинало таять, я никак не могла себе позволить.

При Донкине мы заключили договор рассрочки. Это новое для него слово он несколько раз прокатил на языке. Но всё ещё сомневался, как это так, он мне целое здание, а я ему обещание, что за пять лет расплачусь ежедневными платежами?

Но письмо из банка о моей платёжеспособности и разрешение на право заключать такие сделки от самого Верховного Королевского Канцлера сделали своё дело.

Кажется, бывший владелец даже проникся ко мне симпатией, когда я сразу же заплатила за два месяца вперёд, а после, уже в банке, когда убедила банкиров дать распоряжение сотрудникам пятнадцатого числа каждого месяца списывать с моего счета по двадцать золотых в пользу бывшего владельца.

— Но, так не делается, леди Моэр, — возражал пузатенький банкир, напоминающий недовольного холёного кота.

— Это противозаконно?

— Нет, но...

— Тогда давайте подпишем пятилетнее требование к моему счёту.

Донкин в последнее время выглядел всё лучше и лучше. И в трактире всё реже и реже прикладывался к выпивке. Всё же, острому уму порой тоже нужна пища и встряска. А мои идеи с рассрочками, требованиями к счетам, договорам личного найма и о конфиденциальности он воспринимал с диким восторгом, даже с лёгким флёром фанатичности.

— Как я могу открыть своё дело? — Спросила поверенного и моего личного юриста при

выходе из банка.

— Ваше право на покупку недвижимости и аренду, которое выдал Верховный Канцлер, на самом деле гораздо шире. Он сослался на один из пунктов из свода королевских законов, где это право должно быть целевым. То есть, вы не можете просто купить здание, вы должны им пользоваться. В любых целях, кроме тех, что нарушают закон.

Вот как. Спасибо, Кенан!

— Я просто внесу запись в реестр.

— Часто реестры проверяют?

— Вы задумали что-то плохое? — Донкин ошутимо напрягся.

— Нет, лишь книжный магазин.

Пока что.

Глава 25

Уложив неугомонных ребят и переодевшись в мужскую одежду, я пошла по тёмному лесу в город. В бордель. Скоро это может войти в привычку.

Мне часто доводилось видеть девушек, завлекающих клиентов вызывающим поведением и откровенными нарядами, но ни разу ещё не пришлось побывать внутри заведения Мадам Трутин.

На входе перед глазами предстала мрачная картина, вызывающая гнев. Нет, здесь не занимались непотребствами в главном зале, но многие мужики, находящиеся в изрядном опьянении, не заботились о том, чтобы держать себя в руках, особенно, если кто-то из девушек пыталась вырваться из стальной хватки. Пощёчины здесь отвешивались регулярно.

— Леди Моэр, — услышала шёпот за спиной.

Обернувшись, увидела маленькую женщину, которая была даже ниже меня. Если бы я точно не знала, что передо мной мадам Трутин, легко бы перепутала это добродушное лицо с какой-нибудь булочницей, а не владелицей борделя.

— Я ненароком принесла вам неудобства, — извиняющимся тоном и также шёпотом проговорила я, пряча лицо под козырьком.

— Пройдёмте.

Какие звуки должны быть в домах утех? У Мадам Жизеллы это смех, бархатные голоса, несущие флирт, и звон бокалов. Здесь звуки ударов, женский плач и грубый хохот мужланов. Даже ржач. Да, пожалуй, сравнение с животными здесь будет более уместным.

Мадам вела меня по узким коридорам с испариной на стенах, и это не смотря на набирающий обороты мороз на улице.

Мне казалось, что мы должны спуститься в подвал, но вместо этого, она завела меня за комнату, наполненную бадьями для купаний.

— Здесь достаточно холодно, — помещение было низким, но очень просторным, — нет денег на ремонт стен, поэтому мы и не используем. Вход теряется в хозяйственных постройках на чёрном дворе. Грот и Бунг поэтому и приволокли все ваши вещи сюда. Я очень прошу быстрее убрать, иначе Фитха совсем перестанет нас с девочками защищать.

— А то, что происходит сейчас — это минуты спокойствия?

Трутин вздохнула, присев на колченогий стул:

— Люди ублюдка заходят пару раз в месяц. Иногда, чтобы порезвиться с девочками бесплатно, а иногда, чтобы разогнать совсем жестоких посетителей. Мордобои — дело здесь не редкое. Но, чем дольше люди Фитхи не появляются, тем разнузданнее они себя ведут.

Надо избавляться от привычки грызть нижнюю губу при задумчивости. Нормальной косметики здесь не было, а вместо увлажняющего крема я пользовалась маслом для ушей Тыковки. Деньги сэкономила на себе.

— Я дам вам охрану, на регулярной основе, — повернулась к грустной Трутин в тот момент, как сверху послышался вскрик боли одной из девочек.

— Благодарю, леди, но вы знаете правила...

— Я знаю, что вы платите Фитхе большой процент от дохода, — резко перебила её, — за то, что он якобы вас охраняет и поставяет выпивку, которую никто не заказывает. Фитха не узнает, а вместо оплаты я буду пользоваться этим помещением. Здесь постоянно снуют

люди, причём конкретно пьяные. На новые лица никто не обратит внимания. По рукам?

— Вы — женщина, как вы сможете обеспечить защиту? Вы здесь только пять минут, а скоро и вовсе нос начнёте воротить, всё это ниже вашего достоинства. Что вы вообще можете знать о работе борделя? Королевская гвардия, потому что вы из знатного рода? Мне проще вышвырнуть вас вместе с этим преступным барахлом, уж простите за резкость.

— Мадам Трутин, может, я и женщина, и ничего не знаю о работе борделя, но знаю о таком понятии как условие труда. После мордобоя людей ублюдка, — как же мне нравится это определения, — девочки работают лучше, ведь так? Потому что и мужиков меньше, и они чувствуют себя хорошо, так? Дело ведь не в количестве посетителей. А охрану я вам приведу через десять минут, если вы согласны хотя бы подумать над моим предложением и дать моим людям испытательный период.

— Испытательный период?

— Да. Если, скажем, через неделю, для вас ничего не изменится, или вы останетесь недовольны, мы разойдёмся по разным дорогам, и вы больше меня здесь не увидите.

— И это всё только за эту ненужную пристройку? Людям Фитхи я плачу больше, — она даже подскочила со стула и стала расхаживать по кругу, чуть припадая на правую ногу.

— За это помещение, за молчание и за два выходных для девушек в неделю.

Идея про выходные Трутин не понравилась. Я и сама не понимала, как это работает. Но было до боли жаль совсем юных девушек с потухшими глазами. Кенан был прав: если убрать бордели совсем, вырастет количество преступлений против половой неприкосновенности. Я лишь набросала маленький план из пары строк, наглядно показывая, что будет, если не на много повысит оплату и уменьшит количество посетителей. То на то и выходило. По крайней мере, по моим расчетам, которые я специально к этому и подвела.

Трактир Доры и её мужа встретил уже ставшими привычными ароматами и людьми. Дора говорила, как зовут её мужа, но имя напрочь вылетело из головы, хотя бы потому, что всё таки главная здесь именно она.

— Добрый вечер! — Крикнула я вглубь большого заведения, призывая всех к вниманию. Что бы я делала без их всех? — Господа, понимаю, просьба странная, но вы уже привыкли, — сказала я, снимая кепку, под усмешки завсегдатаев трактира. Почти все вокруг — знакомые лица, которые не раз выручали, — все, кому нужна работа и кто не женат, прошу встать и выстроиться в шеренгу перед стойкой трактирщика.

— Я не женат и мне нужна работа, — добродушно хохотнул Грот, — но, не обессудьте, леди Моэр, что-то мне кажется, вам лучше по другим делам помогать буду.

— Спасибо, мой милый друг, — в искреннем жесте сжала мощное плечо доброго мужчины. Тот уже привык к моим фамильярным прикосновениям и не видел в этом никакого флирта. Для них всех я вообще с самого начала была баронессой такой интересной. С придурью. Сейчас я полезная девушка с придурью.

У барной стойки выстроились восемь молодых парней с действительно поразительным разворотом плеч и такими кулаками, которые могли дать фору даже мощным копытам Тыковки.

— Итак, пока что вы трое, писать, кстати, умеете? — Самые мощные отрицательно покачали головами.

— Я имя могу написать свое, Эв, — сказал один из них, тот, у которого были такие милые розовые щёчки с ямочками, что невероятно сильно выбивалось из его облика.

— Отлично! — Я в прямом смысле потирала руки, — завтра мы с вами заключим

договор. Плачу с сегодняшнего дня по двадцать серебрушек в неделю каждому, — слышались недовольные голоса тех, кого я не выбрала, оставив стоять в сторонке, — вы мне тоже пригодитесь в самое ближайшее время. И буду рада, если вы согласитесь работать на меня. А пока, — опять повернулась к тройке моих новоявленных охранников, приходилось сильно задирать голову, чтобы не дышать им в животы и поддерживать образ мало-мальски весомой фигуры под именем «начальство», — поздравляю! У вас есть невесты! Их работа вызывает у вас вопросы, но девушек вы любите всей душой и очень сильно переживаете.

— Как, невесты? — Захлопал глазами один из парней, — мамка меня со свету сгноит, если узнает, что я выбрал невесту, а не она.

— А сейчас, мои дорогие, мы узнаем такое слово, как «прикрытие». И невест на сегодня себе выберете, прошу за мной!

Мадам Трутин осматривала громил, натуральным образом открыв рот. Оно и понятно, для неё это вообще горы — не меньше. За пару минут по пути в бордель, я ввела в курс дела изрядно краснеющих ребят. Всё просто: они просто будут торчать в заведении, где работают их «ненаглядные», чтобы присматривать. А кто именно и есть та невеста — не важно. Пьяные посетители всё равно не запомнят. Главная задача — вежливо и без открытых переломов отучить клиентов от привычки бить девушек.

Пока мадам доставала пылившийся на полке чай, я принялась расставлять свои станки. Мы с Бунгой их хорошо переработали. Сейчас буквы уже не выпадали из пазов, но бумагу всё равно нужно было укладывать вручную, что значительно замедляло процесс. Жаль, уже поздний вечер, не отправить ребят с запиской для Коса. Бегала я не так резво. Как они, зато выглядела как и остальные беспризорники столицы, поэтому внимания никто и не обращал.

— Готов? — Спросила лохматого Коса, выглянувшего из окна.

— Леди Моэр? Это вы камешки в окно бросали?

— Извини, сильно вошла в образ, — хихикнула своей шалости, изобразив шутовской поклон. Вообще-то, Кос тоже странный, так что мы — отличная команда.

— А где ваш вечный спутник? — Спросил молодой мужчина спустя несколько минут. Ещё днём я попросила его быть готовым к «ночной работе».

— Тыковка в усадьбе, мне не по душе оставлять ребят совсем без присмотра, а Тыковка, он...

— Он и останков не оставит, — усмехнулся Кос, побежав вслед за мной.

Сегодня у нас действительно море работы: печать книг. Хотя бы одной, но самой первой. Кос со своими бывшими сокурсниками несколько дней набирали на планшетах текст. Сама бы я не справилась, хотя бы потому, что мой мозг чуть не сломался на последовательности текста, чтобы печатать его сразу на двух страницах для следующей прошивки. Я думала, что текст должен идти по порядку, но у меня он прыгал, как в ненастроенном принтере.

И бумага. Газетная уже не подойдёт, там краска использовалась самая дешёвая, которая потом выцветет напрочь. А чернила для книг просвечивались.

Жаль, здесь не слышали про вторсырьё. Мои книги не должны быть такими дорогими, как первая партия. Но Кос уже подхватил идею отбеливать бумагу от испорченных книг и заново её прессовать и высушивать.

— Мягкая обложка? Но, леди Моэр, кто будет покупать такое непотребство?

— Все, кто сможет себе это позволить!

Кос никак не мог понять, к чему моя спешка. Идея напечатать книгу со сказками из моего мира пришла очень давно. Ещё при первой газете, но тогда все мысли крутились вокруг совсем другого вопроса, чтобы хорошенько её обдумать.

И да, дружище Кос был прав, лучше бы собратъся, сестъ, аккуратно записать текст, а не надиктовывать заметки Донкину, который относил их скупщику на «редакцию». У Коса явный писательский талант. Сказки получались действительно увлекательными, и многие были заточены под местный фольклор, которого я, увы, не знала. Но, самое главное — сказки с хорошей концовкой «и жили они долго и счастливо», что здесь было редкостью. У местных сказки кончались в основном: «и в муках лишился он головы».

И почему вообще кому-то пришло в голову, что ими никто не заинтересуется? Да, сейчас все сказания ходили из уст в уста, причём и низшего слоя населения. А вот знать больше интересовалась либо историческими трактатами, либо «шуры-мурами» томно вздыхающих барышень при взгляде на благородных лордов, у которых даже до разговоров редко доходило, не говоря уже про поцелуи и «жили долго и счастливо».

Золушка, которую здесь называли Белушкой (в свою защиту скажу, что это была идея Коса), наверное, всем крышу сорвёт. Благородный принц и безродная девица? Как? Это невозможно! Почти незаконно!

И срочность для меня была оправдана. Я не делала ставки на прибыль с книжного магазина. При открытии на полках будут в основном поддержанные книги из моего дома и из лавки Коса, которые и стоят соответствующе. А наши новые, которые печатные, будут лежать на другом стенде. И их будет не так уж и много.

Книжный магазин — это всего лишь ширма. И точка на карте с полезными выходами. Но эту информацию должно знать как можно меньше людей. Так безопаснее.

Трудились мы с Косом и с ещё парой человек до самого утра. В процессе множество голов придумало несколько идей, как ещё ускорить всю систему печатания. А в первых лучах солнца, Кос с горящими глазами осматривал первую партию сборника сказок в количестве восьми штук.

— Один Монах может год потратить на одну книгу, — в каком-то экстазе шептал он, — магические копии стоят не меньше золотого. А это... Это... Восемь книг за ночь!

— Нам нужно ещё больше за ночь, — я вздохнула. Писать книги, к сожалению, я не умела. Этот мой дебют — жёсткий плагиат Андерсена и Шарля Перо, полки магазина этим не набьёшь, — ты говорил, что у тебя есть несколько друзей, безызвестных писателей?

— У них не было денег на публикацию.

— Давай работы сам выберешь, мы напечатаем, — от усталости ноги подкашивались, а спина не разгибалась, даже на стул села сгорбленная, потирая глаза, как старуха, — оплатой будет процент от продаж.

Пара часов сна и целый день работы с Донкиным. Мои новые стихийные охранники справились ночью с работой на ура. Девочки даже несколько раз к нам забежали, приносили чего-нибудь перекусить, чмокали багрово-красных «сотрудников печати» в горящие щёки и убегали обратно.

— Вы хотите, чтобы я на своё имя открыл охранную компанию? Но принадлежать она будет вам?

— Верно, — в который раз повторяла я, — по всем договорам будет проходить вашк имя. Моё на отдельном — о доверительном управлении.

— Но я ничего не смыслю в этом!

Я тоже...

— Заниматься этим буду я, просто у меня нет прав, чтобы делать это напрямую, а в такой обход — пожалуйста.

— И Фитха не должен об этом знать, если вскроется обман с женихами девушек из дома утех, — чуть улыбнулся проницательный поверенный.

— Именно. Поэтому и вам охрана может понадобиться. Донкин, спрашиваю ещё раз, пожалуйста, хорошо подумайте, прежде. Чем дадите ответ: вы точно согласны продолжать работать со мной? Мы ещё даже не начали, и я не могу сейчас сказать, с какими последствиями мы можем столкнуться.

Старый поверенный вздохнул, откладывая ворох бумаг, которые мы только что заполняли, в сторону.

— Аделаида, в первую нашу встречу вы встретили скатившегося пьянчугу, а я — избитую молодую вдову. Вы хотели лишь свободы, а я — выпивки и спокойствия. Но после, вы рассмотрели того, кому можно доверять, а я ту, что способна всё изменить. То, что вы делаете — на грани закона. Вам не чужды мораль и честность. Я вижу, какие убытки вы сейчас терпите, но свято верю, что вы и это измените. Банк ввёл в обиход идею с рассрочкой, ваши сотрудники защищены печатью короны. Подумать только! Обычные трудяги из трущоб, а работают по договорам! И ни у кого не возникает и мысли нарушить хотя бы один из пунктов, потому что вас уже уважают больше, чем преступного короля. Вам верят даже больше. Чем короне. Королевские трущобы уже меняются изнутри, пусть вы пока и не видите. Люди знают, что смогут прийти за помощью к вам. А не по крайней нужде — к ублюдку. Вы хотите убрать его с улицы? Я с вами. Чего бы мне это не стоило.

— Звучит как тост, — неловко отшутилась от смущения, и Донкин это понял.

Сегодня открылась первое в этом королевстве охранное агентство. Зачем? Пока, чтобы защищать моих коллег. На всякий случай. Мало ли этот мыльный пузырь из притворства скоро лопнет. Но на данный момент разрозненность в деятельности Фитхи была мне на руку.

Но, когда я сказала Донкину подыскать тех, кто умеет в руках держать меч, он спросил зачем. Я не ответила. А он второй раз и не спрашивал.

У меня осталась всего неделя.

Неделя, чтобы магазин заработал, чтобы проверить все ли тоннели имеют проходы, как на картах. Неделя, чтобы дети из сиротского приюта привыкли к мысли, что сейчас, по секрету, я важнее Фитхи, и мои слова — тоже. И новости должна первой получать именно я, а Фитха только после моей цензуры.

Через неделю во все заведения столицы попадёт моя первая и очень крупная контрабанда вина.

И самое важное — сделать так, чтобы у Фитхи не возникло и мысли свести всю партию к одному человеку.

Глава 26

Как же хотелось сборник сказок печатать с картинками. С такими, которые бы вырывали людей из реальности и забрасывали их в волшебный мир, где царят любовь и справедливость. Понятно, что местным жителям те же балы не в новинку. Но, вот, как описать словами подводный мир Русалочки? Как рассказать про Щелкунчика? Мы то видели кучу фильмов и мультиков, театральных постановок, знаем, о чём речь.

Картинки, как представляю их я, Зойедан нарисовать может, но с красками проблема. Те, что не растекаются по бумаге, совершенно не держаться на древесине. Одно дело печатать лица, и совсем другое — детализированные и разноцветные рисунки.

Зато моим разбойникам зашли старые добрые раскраски. Даже Бахо, самый взрослый из пятёрки, с высунутым кончиком языка от усердия, аккуратно выводил кисточками линии, лежа на животе перед камином.

— Леди Моэр, — Густав чинно подошёл, ставя поднос с чаем на низкий столик, — корреспонденции сегодня нет.

— Можно и не отчитываться, сюда почтальоны не ходят, — кивнула на свободное кресло рядом с моим.

— Отрадно вас видеть поздним вечером дома, в кругу семьи и...

— И одетой как леди, — слово «семья» согрело сильнее, чем огонь из камина.

Руни обернулся и несмело улыбнулся мне. Мальчики соскучились по мне за последние дни. Очень тяжело их удерживать дома, подальше от проблем, особенно от мелких воровских делишек, но в городе у них остались друзья. Я не могла на это закрывать глаза.

Порой гвардейцы останавливали ребят чтобы вывернуть карманы, что я воспринимала как личное оскорбление. Да, нелогично, согласно, но что поделаешь. Но мальчики — и мои и приютские — кроме мелких записочек ничего не таскают. И то, из-за того, что они только учатся грамоте, мы придумали небольшую систему простых рисунков. В этом больше помог Иварри, который справлялся со своей задачей просто идеально. Ребята, почувствовав, что на них кому-то действительно не плевать, с радостью прибегают на уроки, следуют правилам и не влипают в неприятности.

А в записочках они просто докладывают о Фитхе и его людях: где сейчас, есть ли что-то важное. Я же в ответ «пишу» в каких лавках я отложила им булочки с конфетами и маленькие игрушки. После записочка исчезает из моих рук быстрее, чем я моргну, и бежит по шустрым ручкам дальше, до адресата.

Мальчики действительно быстро привыкли к странной «тёте в чёрном», но больше благодаря моей пятёрке. Теперь они там что-то вроде авторитета. Но по-доброму, без зависти. Очень важно сделать всё, чтобы и приютские детки они ни в чём не нуждались под носом у Алесии.

— Всё пытаетесь разобрать эти записи? — Густав кивнул на большой дневник Канрата, лежащий у меня на коленях, и на ворох бумаг и записок, разбросанных вокруг. Тыковка почтительно не стал их есть, но принялся за дырявую занавеску на окне.

— Канрат считал, что болота здесь не стихийные, — с кухни раздавался грохот посуды, сопровождаемый умопомрачительными ароматами. Вечер только недавно занялся, но казалось, что этот тёплый уют был всегда, навсегда и останется.

И плевать, что дом, хоть и чистенький, но требовал ремонта и обновления интерьера. И что я мило попиваю чай с приведением. И что Тыковка сгрыз стойку балдахина, от чего на меня грохнулась вся верхняя конструкция кровати. Он потом, конечно, извинялся, даже притащил половинку свежееубитой мышки, но шишку никуда не денешь. И честно говоря, я отругала его только в целях профилактики.

— А когда ты откроешь свой магазин? — Сони пытался смастерить новую игрушку для Лалы. Выходило довольно-таки неплохо, теперь понятно, откуда у младшенького был тот самый маленький кинжал, с которым он и спал в обнимку, и купался, и ел.

Страшно подумать, скольких душевных терзаний принесло ему расставание с этой игрушкой.

— Послезавтра. Вы пообещали быть, помните?

— Ты хочешь, чтобы мы распугивали толпу? — Бахо в привычной манере ухмыльнулся. Его сарказм, нахальство и бахвальство — такая до боли знакомая защитная маска, что мне не нужно было даже задавать лишних вопросов, чтобы понять, о чём он говорит на самом деле. Соня и Бахо до сих пор воспринимают меня как ту, что в любой момент может вышвырнуть их отсюда, обратно на улицу, и перестать опекать приют. Не потому, что я такая злая и плохая, нет, а просто потому, что они не моего круга.

Да, так всё просто. Различия в происхождении здесь было каким-то основополагающим фактором везде. Девушку могли изгнать из высшего общества, а её семью позорно обанкротить, лишь потому, что она вышла замуж за человека, более низкого происхождения. И неважно, что он богат или добрейшей души человек, нет. Это попираание столетних традиций. Торговать с королевской семьёй могли тоже только те, у кого текла та самая голубая кровь, вот только обучаться ремеслу их вынуждала нужда. Многие отказывались прислуживать королевской семье и её свите, не терпя унижений. Лишиться богатства — это тоже своего рода приговор.

Про усыновление детей, да ещё и безродных, не могло быть и речи. Среди знати в принципе не было одиноких матерей, вдовушек с несовершеннолетними детьми быстренько отдавали замуж, на крайний случай, высылали родственникам. Что логично, ведь так? Какое воспитание они могут дать?

Младшенькие этого ещё не понимали, а вот Сони и Бахо слишком много времени провели на улицах, чтобы успеть послушаться про всякое. Они чувствовали себя здесь гостями, с робкой надеждой, что когда-нибудь, всё сможет измениться по-настоящему. Они прекрасно знали, что для усыновления мне нужен муж, причём знатный, причём тот, кто согласится взять четверых сирот, оставляя им своё наследство. Задача из ряда нереальных. И никаких лазеек я не нашла. Муж и точка. И опекуном я быть не могу, потому что не близкий родственник.

У Лалы, единственного из всех сирот, была старшая сестра, которая гробила своё здоровье и красоту, чтобы заработать денег на маленький домик, и жить там с младшим братишкой до конца времён.

— Никого вы не испугаете, просто будете рядом со мной, чтобы я не боялась.

— Ты чего-то боишься? — Бахо не купился на мои слова, — ты ночами по проклятым болотам бегаешь, аки Родкина коза, та, которую уж за жопу клюнул, чего ты можешь бояться?

— Например, людей.

И они поняли, о чём я говорила.

— Так, не вешаем носы по полу, Равиль только недавно их вымыла! Послезавтра на открытии будут чай и пирожки, неужели вам не хочется присутствовать? Объявление в газете уже все видели, будет весело!

— Лала! — Подпрыгнула малыш, улыбаясь во все зубки. Вот кого не надо упрашивать на поесть, так это Лалу. А за кусок пирога с яблоками он и со своей любимой игрушкой расстаться готов. Да-да, именно так я изъяла выше упомянутое чтобы, наконец, почистить.

— Но, главное правило помните?

— Не воровать, — закатив глаза, сказал Вуни. Мальчик с мечтательными глазами ещё вчера учил меня взламывать замки. В приюте был целый стенд с разными видами замочных скважин, подумать только! И это была не идея Фитхи, а самих ребят. У них даже был своего рода экзамен на карманные кражи: сбитая из сена кукла в человеческий рост, вся усеянная маленькими колокольчиками. Задача — стырить что-нибудь так, чтобы ни один колокольчик не зазвенел. Я провалилась. А потом попросила убрать эту куклу подальше. А потом, попробовав в тайне ото всех, провалилась второй раз. И в третий, и в четвёртый...

Мальчики уже легли по своим кроватям, Равиль и Густав ушли в свои... не знаю куда, надеюсь, не в могилы, а я лежала в обнимку с сопящим Лалой и напряжённо провожала взглядом уплывающую луну.

Неделя подходила к концу. Значит, придётся пройти мою авантюру уже этой ночью. Я хотела пойти вечером, после открытия книжного магазина, но ребята донесли, что люди Фитхи пойдут по моим болотам с очередной партией награбленного, а встречаться с ними нос к носу никак нельзя.

Услышав шаги за окном, встала с кровати, поцеловала Лалу в мягкую щёчку, который сквозь сон сразу начал тянуться к источнику ласки. Быстро разбудила Сони, чтобы они поспал с малышом.

Время пришло.

— Ты почему не в борделе? — На улице меня ждал небольшой отряд из моей новой охранной компании. Один из парней был на должности «жениха», который как раз должен сейчас охранять девочек Трутин, о чём я и спросила шёпотом.

— Устал я, леди-хозяин, — также шёпотом пробасил тот, — мы с Буткой поменялись, сегодня он невесту охраняет. Они такие надоедливые, девки эти. И трутся, и поговорить хотят, и элю налить. А я куда эль? Работа ведь. Тишины хотелось.

— Леди-хозяин? — Плечистый мужчина в годах с внушительным мечом наперевес приблизил факел к моему лицу, — старый Донкин сказал Фросту служить хозяину, но не сказал, что хозяин — ребёнок.

Его локтем толкнул ещё один мужик с мечом.

— Извините, леди-хозяин, — но виноватым он не выглядел, — старый вояка, говорю, что думаю.

— Сейчас мы подойдём к болотам, Донкин ведь предупредил вас, куда вам придется отправиться? — Отряд дружно закивал.

— Если б не такие деньги, и ноги б моей здесь не было.

— Леди-хозяин не боится, а я двадцать лет на граничной заставе воевал. Назад не поверну.

— Может, нам обвязаться одной верёвкой, чтобы, если кого в трясину затянет, чтобы вытащили?

— Никаких верёвок, — мы уже подошли к стене из кустов, за которыми и начинаются

те самые «проклятые болота». И «леди-хозяйин» боялась. Даже очень. Болота и лес чужаков не любили. Вначале сюда и попасть-то нельзя было, лес водил по кругу, закручивая дорогу, а болота уводили случайных прохожих поглубже, в топи. Меня они уже приняли, а вот как отнесутся к чужакам — неизвестно.

Канрат, кажется, был прав в своих подозрениях. Он писал, что болота должны образовываться в неглубоких озёрах, где много растительности, но здесь отродясь озёр не было. Да, была река вокруг столицы, но не в имени Найран-Моэр. Здесь когда-то даже был тракт торговцев, но потом начали появляться болота, которые разрастались в хаотичном порядке. Их даже пытались высушивать, но безуспешно. А дорога вокруг болот с годами становилась всё длиннее и длиннее.

И эти призраки, навеки застрявшие в этом проклятом месте... Почему их вижу только я? Ну, и Тыковка? Никто из моей маленькой гвардии не замечал этих бессловесных жителей.

— Главное правило: вы идёте след-в-след за мной, тихо и без споров. И точно след-в-след. Самостоятельно никуда не сворачиваете, что бы вы ни услышали, ни шагу в сторону, ни шагу назад, поняли? Если вам покажется, что кто-то вас зовёт, то это просто показалось, ясно?

— Когда Донкин сказал, что нам надо пойти в проклятое имение и поучаствовать в опасном предприятии, я про такое что-то не подумал.

— Надо было молитвенник взять.

— Моя жена в тягости. Третьим, правда, так что не так обидно.

— Отставить панику! — Рывкнула я. — Всё просто: место жуткое, незнакомое, но я здесь каждую кочку знаю, — ну почти, — к тому же темно, поэтому шагаете за мной, как гусьтки за мамкой, усекли?

— Вас бы в армию, — буркнул ветеран.

— Усекли.

— Если вдруг, вы потеряете меня из виду, но вам покажется, что я пошла той или иной дорогой, ни шагу дальше. Стойте на месте, понятно? За Тыковкой не ходите. Но! Если потеряете меня из виду, зовите его. Если услышите хруст и чавканье, Тыковка ест. Руку к нему не подносите. И вообще, лишний раз перед его мордой конечностями не махайте, он парень горячий, соблазнится, — все дружно оглянулись на коня, у которого в темноте глаза отчетливо светились красным.

Тыковке перепало огромное ведро свежей рыбы. Мальчик доволен.

— А теперь, за мной, — как только я ступила на болотные земли, мужчины притихли.

Я видела, как им не по себе, и что они не очень-то и доверяли моей задумке, но дружно шли, как я и сказала: след-в-след. Без единого возражения, даже, когда я ступала напрямиком в трясину.

Ещё несколько недель назад до меня долетел слух о деревне Мируж. Там издавна производили качественное, хорошее вино с добавлением фруктов и ягод. Рецепты и секреты производства веками передавались из поколения в поколение. Но совсем недавно, с появлением Фитхи, их торговый путь был отрезан. В столицу их не пускали, потому что гордые винные производители напрочь отказывались отдавать плоды своих трудов за бесценок, а на торговый тракт их не пускали головорезы ублюдка. А с другой стороны было графство одного из главных клиентов Фитхи, который не пропускал виноделов уже из принципа. К тому же, болота отрезали все остальные пути, и сейчас жители Мируж тихо погибали от голода, пытаясь поделить несколько скотных дворов на большую деревню.

Но в нижнем городе мне по секрету сказали, что, когда пришли головорезы Фитхи, чтобы взять силой знаменитое вино, а, потерпев неудачу, сожгли всё, тогда жителям удалось спрятать крупную партию. И, если я найду способ вывезти её оттуда, они могут мне её продать. Очень недорого, и тоже из принципа. Потому что я — не Фитха.

Письмо старосте ушло несколько дней назад. Достаточно, чтобы оно было доставлено по основной дороге. От столицы до Мируж как раз три дня пути.

И всего семь часов по смертоносным болотам.

— Леди-хозяйин, — подал голос ветеран, — я тут думаю, а ваши мужья, они тоже так на прогулки выходили? От разрыва сердца померли? Или от восторга от вашего бесстрашия?

— От плохой приметы они померли.

— Это как?

— Кто много болтает, тому сковородкой в нос.

Сзади послышались смешки.

— И зовите меня просто Адой, мы в такой тесной компании идём, что просто грех важничать.

Призраки молчаливо провожали нас. Когда я делала ночные вылазки, чтобы изучить все болотные тропы, успела запомнить многих. И заметить одну закономерность: чем более ранняя была смерть, тем отчетливее был образ духа. Я видела их одежды, которые носили сейчас, и силуэты длинных платьев, которые местные женщины уже давно не носят — не практично. От этого становилось как-то грустно. Местные жители верили, что после смерти они уплывают по открытому морю к Солнцу, а что будет с этими, кого не похоронили?

Спустя несколько часов, как раз на половине пути, где стоял призрак с виллами, я поняла, насколько сильно я устала. Ноги поднимались всё тяжелее, отдышка становилась всё сильнее. Даже мужчины сзади вовсе перестали переговариваться, а просто громко сопели, с завистью поглядывая на Тыковку, который без проблем бегал по водной поверхности.

— Совсем небо чёрным стало.

— Это хорошо, скоро солнце сменит луну.

— Или я — вон то поваленное дерево.

— Леди-хозяйин, вы чего молчите?

— Если я сейчас стану говорить, начну хныкать, что хочу домой. А это значит, проделать весь этот адский путь опять, но с пустыми руками. Так что это — стратегическая тактика, не отвлекайте.

Пару раз мне казалось, что я потеряла дорогу. Но зато Тыковка помнил, где моё светлое личико не купалось в трясине в пробных заходах. А ещё пару раз мне казалось, что я готова упасть прямо здесь и сейчас лишь потому, что ноги словно налились цементом. Если после такого кросс-фита у меня не появится распрекрасного рельефа, то я уже и не знаю, как работает физиология.

— Тс-с, слышите? — Я резко остановилась.

— Болотные чудище? — С детской серьёзностью кто-то спросил.

— Сам ты болотное чудище, пень окоселый! Собака лает.

Со мной в комитете работала девочка, которая явно попала туда по ошибке. Она кормила уличных котиков, собирала наклейки с Пикачу, участвовала в программе, где люди со всего мира обменивались открытками. Ни единого мата, ни разу ни на кого не повышала голос, на обед всегда ела пироженки и каждый раз зажигала свечку, чтобы загадать желание, ведь у кого-то наверняка в этот день день рождения, вдруг у него нет возможности самому

загадать желание? Она вместо и для того человека и загадывала. И вот ей пришлось больше трёх часов давать разъяснения по одному пункту из материалов дела одному твердолобому секретарю судьи. Три часа об одном и том же. У всех вокруг нервы сдали ещё после первого часа, а она продолжала и продолжала объяснять. И тут, наконец, она положила трубку с фразой, которая стала неким слоганом нашей команды: «Аллилуйя, бл. дь!».

Именно этот слоган и сорвался с моих губ, когда я увидела деревню. Болотный лес закончился внезапно, выпуская нас из своих душных объятий. На улице оказалось гораздо светлее, чем там, откуда мы вышли.

— Мы сделали это! — Мужчины рухнули на твёрдую землю, раскидывая руки в стороны.

— А вы что, во мне сомневались? — Шутливо спросила я, присаживаясь рядом.

— Да! — Очень твёрдо и очень дружно гаркнули они.

— Слова вообще-то могут ранить.

— Если меня кто волоком до деревни дотащит, век не забуду.

— Конь может. Мне показалось, или он птицу съел?

— Калоша, кони не едят птицу.

— А этот съел!

Мне и самой было тяжело двигаться с места, но ничего не поделаешь.

— Пора идти, у нас ещё много дел.

Деревня только недавно проснулась. Мои надежды оправдались, староста как раз вчера получил моё письмо. На радостях почти вся деревня не спала полночи, доставая из тайников своё вино, бережно упаковывая его в ящики.

— Неужто правда можно по болотам пройти?

— Это только леди-хозяин может! Иной раз как шагнёт в топь, аж дух захватывает, утонет же! Ан-нет, перед ней как будто лес расступается. Клянусь, сам видел!

— Что-то не так, леди Моэр?

— Я думала, будет гораздо меньше вина, — тридцать шесть ящиков по восемнадцать бутылок. Как мы это потащим?

— Так это не проблема, коня вашего запряжем, а повозку потом вернёте, — моему коню идея категорически не понравилась.

Ладно, уговорю Тыковку, а дальше как? Моя тропа достаточно узкая, ни одна повозка не проедет, просто намертво застрянет.

Фрост задумчиво осматривал наш груз

— Были мы как-то на снежной заставе. Там даже в студеную зиму болота льдом не покрывались. А нам пушки тащить надо было. Но те болота обычные были, не как эти... Не обычные. Так мы щитами путь пушкам давали.

— Это как?

— Кто-то идет впереди, кладет щиты, конь проезжает, а другие обгоняют и перед конём опять щиты кладёт.

— Фрост, тропа очень узкая. Если шаг в сторону, боюсь, уже не найдём.

Все задумались. Местные жители, пичкающие нас кашей с травяным отваром, и вовсе приуныли. Они так надеялись продать своё вино по достойной цене, что все опять о них вспомнят, и тут такая досада. Покупателю просто всё не унести.

— Есть идея, — тихо проговорила я, — но путь назад будет ещё опаснее, согласны?

Приготовления заняли не очень много времени, а вот путь домой был долгим.

Теперь за мной след в след шёл обиженный Тыковка, который от досады слопал мою кепку, а за ним цепочкой, как деревянная гусеница, ехала на досках партия вина. И наливки, и домашней водки. Наш груз увеличился вдвое. Радостные жители ту самую повозку даже подарили, когда я им оплатила всю партию с лихвой. Повозка уныло поскрипывала, привязанная сверху «гусеницы». Мужчин пришлось привязать веревкой к ящикам. Они ведь совсем по краю тропы шли. А груз тяжелый, не даст утащить трясине свою новую жертву.

Зато все радовались дневному свету. Кроме меня. Ночью хотя бы помощники были.

После болот дело пошло веселее. Канализации я тоже успела облазить, сравнивая каждый поворот с картой, которая не совпадала с официальными чертежами градоуправления, зато была очень точной.

Так-то, выкусите! У меня есть туз в рукаве!

— Что такое туз? — Спросил Фрост.

— Я вслух это сказала?

— Вы вообще последний путь только и делаете, что под нос себе бормочите.

— Извините.

После болот канализации уже никто не боялся. И повозка пригодилась. Время уже близилось к ужину, когда мы, уставшие, грязные и голодные вышли из подвала в помещение закрытого книжного магазина.

Никто уже не разговаривал, все просто кучей свалились на свободные стулья, а кто-то даже моментально уснул.

Я плюхнулась на ступеньки, да так неуклюже, что проехала попой по нескольким из них. Но тело так устало, что у него не осталось сил, чтобы болеть.

И вот мы лежим, где кто горазд, я в позе звездочки на ступеньках, испуская флюиды болотной кикиморы, мечтающая о ванне и бургере, а лучше — о массаже. Да-да, теми самыми смуглыми руками. Кажется, от одной мысли о Кенане я растеклась лужицей ещё больше, а Тыковка в жесте поддержки решил поделиться недогрызенным кирпичом, как дверь магазина открывается и залетает девочка из приюта:

— Макбул при смерти! Его невесту похитили!

Глава 27

Вопрос на засыпку: плохой ли я человек, если первой мыслью при новости, что Кенан при смерти, была «почему именно сегодня»? Серьезно, я значительно переоценила себя в рейде за партией вина. Все мои силы написали заявление об уходе и в обиде хлопнули дверями, на прощание показав неприличный жест, оставив мою брентную тушку неподвижной.

Но делать нечего. Кенан мне помог, и не раз, даже, когда я не просила. Сейчас он тоже не просит, но, вдруг, я могу ответить ему добром? Кто вообще может совершить покушение на Верховного Канцлера, да ещё и мага, и уйти незамеченным, прихватив его невесту?

Первой кандидатурой был, конечно Фитха. Честно говоря, если в королевстве случится засуха и торнадо, я тоже в него пальцем тыкну со словами «а я вот ви-и-идела...».

Свой отряд я отпустила по домам отсыпаться, только незаметно. А сама поплелась за девочкой, которая достаточно шустро лавировала по столичным улочкам. Я даже не знала, где живёт герцог.

И моя ошибка номер один: я не удосужилась помыться и переодеться, прежде чем нагрязнеть в гости. Выглядела я, скажем так, не очень. То есть, очень не очень. В сапогах, казалось, собралась вся грязь болот и парочка останков мелких птиц, да и волосы пахли и выглядели так, что вот-вот начну притягивать местную фауну, ту, которая на падаль соблазняется. Даже Тыковка выглядел так, будто, если бы мог, заткнул нос копытом.

— Как я внутрь попаду? — Дом герцога производил неизгладимое впечатление. Это сколько надо денег иметь, чтобы содержать такую величественную махину? Даже с улицы я сквозь панорамные окна первого этажа видела массивные люстры с десятками свечей. Сколько бумаги за одну такую можно купить!

— Точно не через парадный, — девочка скептически осмотрела меня, а потом красноречиво перевела взгляд на гвардейцев.

— Ты вообще знаешь, что произошло?

— Ну, говорят, что невестушка с мамкой пришла чай пить, вроде как традиция у них там, не знаю. Там, наверное, ещё гости были. Так молодая леди, та, что не толстая мамка, а невестушка, так она себя плохо почувствовала, её в гостевую комнату повели. А там и герцог потом провёл гостей и поднялся справиться, как она. А её нет, — девчонка на слове «нет» так хлопнула в ладоши, будто пыталась изобразить новогоднюю хлопушку, — там уже Макбул куда-то кинулся, на черновой лестнице он и того.

— Что того?!

— Ну, ранен был.

— А где комнаты для гостей знаешь? И та черновая лестница?

— Знаю, мамка моя тут работала, я маленькая жила. А потом она уехала и померла.

Сам замок находился тыльной стороной на утёсе. На эту же сторону выходили и дворцовые стены. А вот тропинок не было. Если бы похитители выбирались через парадную дверь, их бы увидели и герцогские охранники, и местные жители. А все «рабочие» выходы направлялись на скалу. Но обслуга ведь не могла пользоваться парадным входом, верно?

Я облазила по кустам весь задний двор. Если не знать, где искать, то эту скрытую плющом, калитку можно и пропустить. Тропинка вела на отдельную дорогу, которая

напрямую сообщалась со средним и нижним городом. Как раз удобно ходить на рынок, не беспокоя своим внешним видом и продуктами местную знать.

Из множества соседних особняков выходили такие же тропинки на «рабочую» узкую дорогу. Хорошо, хоть так, а не со скалы спустились.

Девочка помогла отвлечь внимание прислуги, пока я пробиралась в особняк через чёрный вход.

У герцога было много, очень много народа: его заместители, гвардейцы, воюющая, аки белуга, леди Лавариан, лекари, Божечки, даже поверенный со скорбным видом.

Неужели всё настолько плохо? Не хочу верить.

Кенан не может просто так взять и умереть. А как же наши препирательства? А на ком ещё я могу оттачивать свою язвительность? И Сессилия, неужели такая юная и красивая девушка останется без жениха? Да, что уж греха таить, о ком я буду украдкой мечтать перед сном?

Ну не погибают такие мужчины молодыми. Мне кажется, даже Смерть их тайно уважает.

Коридоры стали наполняться возмущенными слугами, которые ругали мою маленькую помощницу и Тыковку, устроивших погром на заднем дворе. И, конечно же, потом их след пропал.

Быстро юркнула в комнату, где заметила ряд платьев для служанок. Бедные девочки, я даже сквозь свою рубашку ощущала, как колется это чёрное нечто. Зато фартучек миленький. Почти как у советской школьницы, только более грубого помола.

Прихватив поднос с кувшином воды, быстро ретировалась с кухни, пока сердитая женщина меня не догнала и не увидела чужачку.

Как же здесь светло и красиво, а главное — просторно. В сравнении с этим особняком, Найран-Моэр — затхлая конура для самой беспородной собаки. Здесь и ковры, и шёлковые обои и свет... Свечей было столько, что, казалось, сами стены светились.

Перед спальней Кенана подпирали стену гвардейцы. И да, ошибиться с выбором комнаты было невозможно — охрана была приставлена только к этим дверям, из-за которых доносились тихие голоса. А вот в той гостевой, откуда похитили Сессилию, было уже пусто.

Судя по всему, весь персонал сейчас вызывают на допросы, оставляя мне пространство для маневра. Гостевая комната, вызывающая несвоевременный приступ зависти со своей работающей ванной, осталась нетронутой. По крайней мере, на постели остались следы: девушка пыталась укутаться в покрывало, не расправляя саму постель. У подножия валялась шёлковая салфетка возле ночного горшка. Видимо, Сессилию затошнило во время чаепития, и она поднялась наверх. Судя по сбитым предметам, на пути к кровати, её изрядно пошатывало.

На подоконнике тоже остались следы. Окно недавно открывали нараспашку, а вот слуги плохо протирают пыль. Гостевая комната и спальня Кенана находились на третьем этаже. Незаметно среди белого дня человека отсюда не вытащить, тем более, кто-то должен был спускать бесчувственное тело девушка, а кто-то «принимать снизу». Почему бесчувственное? Сессилия подняла бы крик. Или шум, хоть что-нибудь, но обозначила бы, что что-то не так.

Судя по всему, те, кто это сделал, никуда не спешили. Не считая опрокинутых Сессилией ваз и пары безделушек, комната была идеально чистой. Ни следов, ни грязи, ни царапин — ничего.

— Ух ж ты, — а вот на окне я кое-что обнаружила. Мой внутренний криминалист-студент, тот, что жил во мне ещё до первого дела, когда я поняла, что никакой романтики в этом нет, возликовал: жирные, чёткие отпечатки пальцев.

В бюро нашёлся грифель, который я, за неимением лучшего, раскрошила зубами. Всего отпечатков было четыре. И, либо человек, открывая окно, придерживал его без участия большого пальца, либо его у него не было. Как у Коса.

Снятые отпечатки ушли в карман штанов под платьем. Да, да, здесь нет базы данных, но что-то мне подсказывает, что список тех, кто может вот так попасть в дом канцлера посреди дня и спереть его суженную через окно, крайне мал.

Отчего Сессилию тошнило? Вряд ли она беременна, с местными-то устоями. Да и герцог не выглядел злостным похитителем тех редких цветков, что девочки растят для того самого, поливая мечтательными слезами от любовных романов.

Носовой платок был слегка влажным, но как только я взяла его в руки, в нос ударил запах мышинной мочи. Тошнота, дезориентация, слабость, специфический запах — похоже на кониин. Кто-то знал, как изготовить яд. Тот, у кого есть перегонный аппарат.

Прямо, как у меня в тайном кабинете Канрата. Интересно, а я смогу сама перегнать кониин?

— Нашла о чём думать... — мне точно нужна резиночка на запястье, которой я буду щёлкать каждый раз, когда в голове возникает неуместная мысль.

Из этой комнаты была дверь в спальню герцога. Странно, что её назвали именно гостевой, а не комнаты хозяйки.

Я припала к двери, прислушиваясь к приглушенным голосам. Но, либо я оглохла от дикой усталости, то ли говорящие в спальне герцога общались через повязки, прикрывающие рот.

— Мы ничего не можем сделать...

— Остается только молиться Превеликим...

Молитесь скорей и проваливайте.

Послышались глухие шаги по ковру в спальне, а после отрывающаяся дверь в коридор.

Ну что ж, посмотрим, насколько хорошо дети научили меня взламывать замки. Через гвардейцев прошмыгнуть — плохая идея. А вдруг они знают всех слуг в лицо? Тогда меня точно в тюрьму отправят. Слишком подозрительно.

И да, замки я взламывать не научилась. Зато получилось довольно тихо, сквозь плотную ткань, аккурат в тот момент, когда старшая Лавариан заголосила с новой силой, поднимаясь по лестнице, выбить этот чёртов замок.

В комнате было темно.

Лицо герцога, и так довольно смуглое от природы, будто почернело. Точёные черты заострились, делая его ещё более хищным. И сейчас на лице не было той самой лукавой улыбки, которую я привыкла видеть.

И он был без сознания.

Видимо, его раздели, когда осматривали. Но бинтов или тазика с водой я не заметила, как и пятен крови. Как же его ранили?

Я подошла поближе, прислушиваясь к сбивчивому дыханию. Как только я нагнулась над ним, чтобы получше рассмотреть, сама не знаю что, как Кенан, совсем чуть-чуть, едва-едва, но заметно поморщился.

— Ах вы негодник, — с облегчением прошептала совсем близко от его лица, — да вы

притворяетесь!

— Леди Арманд? — На меня уставилась пара черных, как ночь, глаз, — даже не буду спрашивать, что вы здесь делаете. Но почему вы в платье моей служанки? И чем здесь так несёт?

Болотами, мой дорогой. И моими ночными стараниями.

— Правда несёт? В лавке готовых духов мне сказали, этот аромат будет производить неизгладимый эффект на мужчин. Неужели обманули?

— Уверю вас, эффект и правда впечатляет, — он слабо улыбнулся. — Всё же спрошу: что вы здесь делаете?

— Услышала, что произошло. Решила, может, вы ещё пару моих прошений подпишите, пока не того... — Неудачно отшутилась, вызвав хриплый смешок. Внутри всё холодело от страха.

Он был самым сильным, кого я встречала. Вызывал праведный трепет у окружающих своей мощной энергией. А сейчас лежал и не двигался.

В этом всё было что-то очень не так. И дело не в том, что он лежит, кажется, голый под одеялом, а я в украденном платье сижу на его кровати. Нет. Такое чувство, что Кенан на самом деле не может пошевелиться.

— Что вы делаете, леди Арманд? — Напряжённо спросил он, наблюдая, как я беру длинную иголку из лекарственных инструментов, оставленных здесь.

— Просто хочу кое-что проверить, а пока, будьте так любезны, не сопротивляйтесь.

— Странная фраза, от знатной девушки, поднимающей моё одеяло.

— И почему вы всё ещё удивляетесь моим выходкам, лорд Макбул? Мне казалось, эту черту мы уже прошли.

Никакого непотребства, я лишь оголила мускулистую ногу герцога и вогнала иголку в пятку. Не сильно, но ощутимо. Никакой реакции...

— Я больше люблю наблюдать улыбку на вашем лице, чем это мрачное выражение...

— Всё хорошо, просто вспомнила, сколько отвалила на духи денег, те самые, которые вы назвали вонючими. Вот и расстроилась. Вы ели то же самое, что и Сессилия?

— Сессилию отравили? Как вы узнали? Чем?

— Семенами болиголова, яд из них имеет специфический запах мочи.

— Боюсь спрашивать, откуда вам стало это известно. Сессилия жива?

— Скорее всего, да, её не тошнило кровью, что хороший знак. А такой яд имеет временный эффект. Свежий воздух, покой и хорошее питание сделают своё дело. С вами сложнее.

— В меня чем-то выстрелили, какой-то иглой. Леди Арманд, — напрягся он, заметив, что я наклоняюсь к нему ещё ближе, — вы же не собираетесь меня осматривать?

— А вы попробуйте остановить, — усмехнулась растерянному герцогу, аккуратно поворачивая его голову набок, рассматривая красивую шею.

Резиночка на запястье сейчас очень нужна. Я касалась лица Кенана, парализованного, блин, Макбула, и могла думать только о том, какая горячая у него кожа, и как хочется не просто касаться, а провести по ней пальцем.

— Мне никогда ранее не было так неловко, как сейчас. Сложно представить ситуацию более возмутительную.

— Ой, вы видели меня почти в неглиже, сразу после того, как я убила своего третьего мужа. Вот та ситуация было более неловкой, уж поверьте. Так что я победила.

— Никому не рассказывайте, что я только что над этим посмеялся, меня лишат печати.

— Кенан, — глухо начала я, — простите, лорд Макбул...

— Можете называть меня Кенан, Аделаида.

— Я не всезнающая в ядах, так что могу ошибаться, но характер раны... Но очень похоже на то, что в вас выстрелили иглой, смазанную ядом кураре.

— Кураре?

— Это такое растение с маленькими белыми цветами. Но у нас оно не растёт, только в очень южных странах.

— Продолжайте, вы мне только что рассказали больше, чем мои лекари.

— Возможно, есть противоядие, вот только я не знаю, где и как его получить, — теоретически я знала, но вряд ли здесь есть в свободном доступе специфические африканские бобы.

Мы замолчали. На улице в такт настроению закапал мерзкий осенний дождь. Я же изо всех сил пыталась сдержать слёзы. Казалось, если сейчас расплачусь, сломаю что-то очень ценное. А именно свою маску, за которой я прячу своё влечение к этому мужчине. Пусть это будет моей тайной.

— Пойдите, — я даже подпрыгнула от неожиданной мысли, — я всё думала, зачем травить и похищать вашу невесту, если она ведёт такой спокойный образ жизни, а ответ ведь на поверхности. Из-за вас!

— Поясните, — я пропустила холодные нотки в голосе, просто не заметила, когда начала выхаживать круги по его спальне.

— Сами подумайте: то, что произошло — это дерзость. Посреди дня. Кто-то явно хотел утереть вам этим нос. Причём, у этих людей есть доступ к южным растениям. Есть кто-нибудь, кому вы перешли дорогу, кто приезжий?

По его лицу было видно, что у него только что появился подозреваемый.

— Но делал он это не своими руками. Если он выглядит южанином, то на улице точно найдётся куча свидетелей, которые его запомнят. Но его пособник наверняка крепкий мужчина, в прошлом обвиненный в магии.

— Аккуратнее, Аделаида.

— На окне, через которое похитили Сессилию, есть всего четыре отпечатка пальцев, и располагаются они соответствующе. У человека вероятно нет большого пальца.

— Отпечатки пальцев?

— Да, у каждого он свой. Индивидуальный. И не смотрите на меня скептически. Найдёте хотя бы два одинаковых отпечатка, тогда я, так уж и быть, выйду замуж и перестану мозолить вам глаза.

— Я думал, вы не хотите замуж.

— Вот именно, и одинаковых отпечатков вы ни за что не найдёте.

— Скажите мне одно: откуда вы это всё знаете? Где научились? Никто из знакомых мне женщин, да даже мужчин, не обладает такими знаниями. — У него даже получилось в той самой привычной манере выгнуть вопросительно бровь.

— Читала всякое по вечерам. Хотела блеснуть знаниями в высшем обществе, — спокойно пожала плечами, отводя взгляд. Могла бы сдерживать себя в руках.

— В высшем обществе не говорят о ядах, отпечатках пальцев, не выстраивают цепочки преступлений.

— Вот видите, — развела руками, — поэтому у меня и нет друзей.

Мысль о том, что подсказка так близка, вызвала внутри шквал возбуждения ищeyки. Я уже начала размышлять вслух о способах похищения Сессилии, под наблюдением внимательных чёрных глаз, попутно жуя остывший обед, который зачем-то притащили Кенану.

— ... поэтому, надо искать отравителя. Такой яд и иголки — у него наверняка есть противоядие.

— Я дам распоряжение своим людям. Почему вы мне помогаете? — Неожиданно он сменил тему, — у меня сложилось стойкое ощущение, что при любом удобном случае, вы бы избегали моей компании. Даже больше: вы меня опасаетесь.

— Это неправда. И я вас не избегаю, лорд Макбул. Просто не представляю, как наши жизни могут пересекаться. Не считая тех моментов, когда вы меня к себе вызывали. И, самое главное, вы помогли мне вернуть моих ребят. И жизнь спасли, так что... Кажется, на этот раз я должна вам больше четырёх золотых.

Не знаю, почему, но мой ответ ему не понравился. Лицо окаменело, а улыбка исчезла. Но ведь я сказала ему правду.

Он-то не знает, как я распорядилась его печатью на самом деле. Абстрактно пообещала убрать Фитху с улиц, а сама пошла той же, по сути, дорогой. Как ни крути, а Кенан вряд ли такое простит.

И у него скоро свадьба. Всякий раз при мысли об этом внутри разливается горькое чувство, будто забирают что-то моё, а я не имею право возмутиться.

Сессилия — идеальная, особенно для Кенана. Утонченная, грациозная, добрая. А я? От меня воняет. Я лажу по канализациям и болотам. У меня не хватит смелости зайти в кондитерскую в верхнем городе, сколько бы я себя не оправдывала, что мне это не нужно, у меня просто не хватит смелости.

Нижний город, трактиры, бордели, мошенничество, грязные волосы, старое вдовье платье — вот это про меня.

Пусть всё так и останется.

И, если раньше я замуж не хотела, потому что это конец моей свободе, то сейчас я чётко поняла, что буду каждого кандидата, хочу того или нет, сравнивать с Кенаном.

По просьбе герцога, я позвала гвардейцев. Они, может, и удивились моему присутствию, но виду не подали, а просто выслушали отрывистые приказы герцога.

— Аделаида, — окликнул он, когда я выходила из комнаты, — вы ведь хорошо помните нашу первую встречу?

Вопрос мне не был понятен. Мы ведь только недавно даже шутили над ней.

— Конечно, в замке барона Тюренн.

— Спасибо вам, — я уже почти закрыла за собой дверь, как услышала то, что заставило меня похолодеть, — только наша первая встреча была задолго до замка Тюренн.

Глава 28

По плану, я должна была сидеть и переупаковывать десятки одинаковых винных бутылок, чтобы избавиться от всех намёков на то, что они из деревни Мируж. Виноделы маркировали все бутылки замысловатой буковкой «М».

Но внутри напрочь засело неприятное предчувствие, которое вызывало могильный холод в душе. Неприятненько.

Добралась до особняка, перекинулась парой слов с ребятами, помылась в маленькой бадье и отрубилась напрочь, хотя целью было просто немного полежать. Моим мышцам нужен был отдых, а лучше — горячая ванна. Завтра всё тело будет болеть.

Но, молодой организм потребовал сна до поздней ночи. Подорвалась я с тем самым чувством, когда кажется, будто тебе куда-то срочно надо и ты уже опаздываешь.

— Чёрт, чёрт, чёрт, — второпях спрыгнула с кровати, споткнувшись о сонного Тыковку.

Малыш тоже устал, а ещё был немного обижен, что я заставила его заниматься таким нечестивым делом, как алкотрафик.

— Тыковка, — заныла я, быстро одеваясь, — Кос вечером обещал зайти помочь! Я всё проспала! Открытие же...

Я уже так привыкла к своим ночным вылазкам, что перестала бояться темноты и леса. Тыковка решил остаться дома, дальше спать в тёпленькой кроватке. В моей, если быть точнее, которую я нагрела.

Часов не было, но судя по народу на улицах нижнего города, перевалило за двенадцать, а повсюду пестрели мои газеты со свежими сплетнями и объявлением об открытии книжного магазина с лучшими книгами утром.

А там бардак! И контрабанда в подвале, от которой мне надо срочно избавиться!

— Леди-хозяйин! — окрикнули меня возле трактира Доры, — леди-хозяйин! Вы чего удумали ночью по улицам одной ходить? Вы плачете?

— Нет, — но сейчас расплачусь от злости на себя, — просто бежала быстро. Прости, у меня ещё столько работы до утра.

— Обождите, — парень, который был на должности одного из «женихов», побежал в бордель. Странно, но в такое время обычно народу должно быть побольше.

Не знаю, чего именно я должна была ждать, но горящее ощущение нехватки времени заставило меня стартануть по улицам дальше.

— Леди-хозяйин! — Парнишка уже догонял меня, увлекая за собой череду разодетых девушек.

— Леди Моэр. Вы могли просто позвать нас. После всего, что вы для нас сделали, мы просто рады будем помочь, чем сможем!

Давно я так не смущалась. Они и раньше ко мне приветливо относились, но я никогда не вступала с ними в беседы или что-то ещё. Просто вежливо здоровалась, по пути в своё «издательство».

А сейчас, торопясь в магазин, они общались со мной как с местной знаменитостью, спрашивая о моём быте, чем мою волосы, чем занимаюсь по вечерам, как справляюсь без мужа.

— Если бы отец меня не продал, — вздыхала рыженькая Линель, — я бы тоже не вышла

замуж. Ненавижу мужчин.

— Если бы отец тебя не продал, как ты узнала, что ненавидишь мужчин?

— А я хочу замуж, — щекастенькая, но худенькая брюнетка грустно вздохнула, — и детей хочу. Я бы воспитала сыновей с уважением к женщине, а дочерей — как леди Моэр.

— Мне правда неловко, я отвлекаю вас, от... — я замялась. Вот скажу сейчас «от работы», они и подумают, что я как их папаша, пытаюсь положить под кого-то, — но что это я, спасибо вам, девочки.

— Вы хорошо к нам относитесь, — пожала плечами девушка с азиатскими глазами, — не как остальные. Даже девок у мадам Жизеллы уважают почти так же, как и девиц из среднего города. Любовницами там делают, дома арендуют. А мы?

— Почему я должна к вам плохо относиться?

— Многие из нас выросли в трущобах, мясо на боках только у Трутин и наели. К нам ходят многие, но ненавидят всё равно.

Мы остановились у тёмных витрин моего магазина. Тёмно-зеленый деревянный фасад, красивая дверь, чугунный держатель для вывески, которой ещё нет. Наверное, впервые я посмотрела на это здание так же, как и на Найран-Моэр, а ведь у этого магазина тоже была душа. А я хотела сделать из него лишь ширму.

Но, если подумать о будущем, чего я хочу? Семья у меня уже вроде как есть, осталось сделать её настоящей. Перестать вести ночной образ жизни. Купить себе — девочке — нормальный крем для лица. А то даже Тыковка на меня косо смотрит. Я трачу десятки золотых, а на себя жалею пару серебрушек потратить. Всего два платья, чужая мужская одежда, которую я таскаю чаще, чем те самые платья, даже расчёски нормальный нет.

Я хочу спокойствия. Да, так будет правильно. Чтобы у короны ко мне не было претензий, чтобы мальчики остались со мной. Чтобы влияния Фитхи здесь не осталось...

— Знаете, — начала говорить девочкам, которые недоумевали, отчего я застыла, мечтательно рассматривая фасад магазина, — я всегда презрительно относилась к тому, когда кто-то начинает сравнивать людей. Или сам себя с кем-то. Единственный, с кем вы можете себя сравнивать — это вы в прошлом или в будущем. Перед тем, как я попала сюда, меня избил отец. Не в первый раз. Нормальную еду я почти не видела. А ещё — меня трижды продавали мужьям. Последний перед своей смертью тоже меня избил, ему было под семьдесят, но силы было достаточно, чтобы таскать меня за волосы по полу. Так с чего, вдруг, я должна вас стесняться или не хотеть с вами сидеть за одним столом? — Я развела руки в стороны, — посмотрите на меня. Сапог дырявый, на голове колтун, вокруг которого я закручиваю гульку. Оно, конечно, удобно, но как-то не женственно. Я пользуюсь одним кремом на двоих со своим конём. И его же расческой. В чём мы с вами похожи, так это в том, что мы не свободны. Вас держит долг перед Фитхой, меня — обязанность знатных женщин так или иначе выйти замуж и настрогать потомков. Но знаете, что? Пусть катятся к чертям собачьим. Я как и вы, хочу быть свободной. И да, завтра будет та ещё потеха, ведь знатная особа замужнего возраста не может вести своё дело. Но пусть утрутся своими тупыми законами. Бордели нельзя закрыть, потому что растёт преступность? Тогда пусть решают это другим путём, а не за счёт ваших жизней и здоровья. Так что и Кенан пусть валит со своими подозрениями. Я ничего плохого не сделала. Почти. Как и вы.

Девочки потеряли нить моей пламенной речи, но дружно закивали головами, да, мол, пошли они все. И Кенан, которой обидел леди. Не говорить же им, что я до сих пор холодею от мысли, что он знает правду. Но я на самом деле ничего не сделала, не моим выбором

было попасть в этот мир. Хотя, а какую именно правду он знает?

Мы разожгли десятки масляных ламп, выгоняя тени из углов. Я боялась, что Кос, не дождавись меня, просто решит, что открытие откладывается по какой-то причине. Но как только в магазине стало светло, я замерла от шока. Стопки книг подпирали! Да их тут тысячи!

Мама дорогая!

На фоне этих фолиантов, мои свежеизданные выглядели жалко. И да, теперь я начала сомневаться, а стоило ли делать книги в мягкой обложке, а не в кожаной? Косовские экземпляры, те, что были ручной работы, смотрелись роскошно. Плевать на содержание, сами книги уже были достойными чьей-нибудь коллекции.

А сборники сказок, которых было около двух сотен, смотрелись как минимум не привлекательно.

С любопытством взяла в руки неизвестных писателей, которых привёл Кос. А они и в правду последовали моему совету, сделали аннотацию и содержание: «Легенды Трюмуа и двенадцати кораблей» — книга-приключение о пиратах; «Каирн Последнего Города до падения звёзд» — а это у нас уже исторический роман о некогда существующем городе, о котором сохранились только отрывистые заметки в истории. Прямо, как наша Атлантида. И остальные книги друзей Коса были как на подбор о приключениях, мифах и легендах. Честно говоря, я бы с радостью почитала их, а не «Восемнадцатую весну леди Дюбуа при дворе Короля Листопадов, и беседа с Лордом Фимранге на балу во время чаепития». И это роман. Даже название скучное, но обложка — что надо. Дорого-богато.

Вот за что Кос заслуживает попасть в Рай (если он здесь есть) без очереди, так это за огромный журнал, где внесены все наименования, цена для продажи и комиссионные сборы магазина. И отдельные заметки, какие именно книги стоит положить на более видное место, а какие — подальше. Он составил целую картотеку!

И, кстати, вот за что его попадание в Рай без очереди может быть под вопросом, так из-за того, что он мои сказки задвинул подальше, аж на второй этаж, к научным трактатам. Вообще-то, обидненько.

Ну уж нет, они у меня будут лежать на самом видном месте.

Я уже приготовилась приступить к работе по уборке магазина и раскладыванию книг, как у девочек резко обнаружили совсем другие планы.

Они дружно вытолкали своего «жениха» за двери с целым списком поручений, усадили меня в кресло, и стали рассматривать мои волосы.

— Девочки, — вырваться из их цепких рук было не так уж и просто, — у нас и правда много работы, мы не успеем.

— Это у нас много работы, — резко бросила Римма, осматривая меня с недовольным видом, — а вы раздавайте поручения. И без вас справимся.

Совсем скоро в магазине появились ведра с водой и тряпками для полок и полов, и ведра с водой и шампунями для меня. Римма и Линель с ветеранским бесстрашием вступили в войну против ужаса на моей голове, пока остальные девочки, засучив рукава и уменьшив декольте, приступили к наведению порядка.

— Мы сейчас корешками волосы как смочим, ваш цвет волос станет ещё ярче!

— Все ваши царапины мигом уберём.

Тот самый жених, смущенно пытался отвести взгляд от издевательств над его «леди-хозяйкой», но одна из девушек опять отправила его с поручением привести подмогу.

— Райнег! — Окрикнула красного как рак мужчину, который с несвойственной проворностью для его мощного телосложения, перепрыгивал через ведра и юбки, снятые девушками для удобства, к выходу. Он ведь уже столько ночей проработал «женихом», а до сих пор смущается. И девочки, между прочим, остались не голыми, а в своего рода плотных шароварах. — Забеги к Донкину. Если мы закроем этой ночью и второй бордель, подкрепление понадобится уже и вам.

Работа шла быстро. Всё уже сверкало от чистоты, помещение даже будто стало больше. Девушки не умели читать, но каждая подбегала ко мне с той или иной книгой, уточняя, куда её поставить. Вскоре стенды на втором этаже полностью заполнились товаром.

И Райнег действительно привел ещё девушек из другого борделя, которые вначале очень меня смущали, но быстро влились в нашу атмосферу, наполненную смехом.

На втором этаже уже расставили кресла и диванчики для чтения, а сейчас уборка шла полным ходом в главном зале.

— Фух, еле нашла, — вбежала запыхавшаяся девушка, — этот крем за ночь ваши руки восстановит, только перчатки не снимайте.

— Вот! То самое платье, про которое я говорила!

— Нет, нет, нет! — Попыталась запротестовать я, но меня удержали на месте, — оно, наверное, очень дорогое! Я не могу его принять!

— Да бросьте, — отмахнулась симпатичная брюнетка, держащая роскошное чёрное платье. И да, впервые за очень долгое время во мне проснулась женская натура, которая плотоядно облизывалась на это произведение искусства, — был у меня один, ухаживал. Этот подарок сделал, но я его ни разу не надевала. Не люблю чёрный цвет.

— Вы ведь можете его продать.

— Или сделать подарок самой необычной женщине, которую я встречала. И денег от вас я не возьму. Зато мне будет, чем гордиться, если леди Моэр будет помнить Мико, которая сделала ей достойный подарок.

Ну вот, слёзы подступили сами и напрочь отказывались отступать назад.

Я не хотела плакать, правда, но они с такой заботой стали приводить меня в порядок, хотя, это вроде как я могла их обучить всяким секретам красоты. Но нет, девушки настолько поразили меня результатом своей работы, что я не сразу узнала себя в зеркале: волосы блестящим водопадом струились по спине; глаза будто стали больше, а это всего лишь примочки каких-то трав от мешков. Яркие губы сейчас были искривлены от слёз, но на них не было ни трещинки.

— Не плачьте, леди Моэр, — совсем нелогично, но Римма, успокаивающая меня, сама бросила мне в объятия, заходясь в рыданиях.

После небольшого коллективного слёзопускания, мы все вместе вернулись к работе.

Девушки оказались неисчерпаемым источником сплетен. Я уже насобирала материала как минимум на три выпуска, но вот новостей по поводу Макбула и его невесты не было. Они только знают, что сам Король приезжал к нему, а потом по городу пустились отряды гвардейцев.

И, кажется, арестовали какого-то посла за попытку убийства.

После этой новости я выдохнула, значит, противоядие для Макбула всё-таки нашли. А вот Сессилию — нет. Она как сквозь землю провалилась. Никто в городе не видел ни незнакомой кареты, ни странных личностей — ничего. Даже ящиков никто не перетаскивал.

Не хорошо. Если заказчика взяли, то что будет с девушкой сейчас? Потребуют выкуп

или пойдут дальше? Раз не смогли убрать Кенана, то сделают это с его невестой? Вот интересно, а что он сделал? Если даже какой-то там посол пошёл на такое против герцога.

До открытия домой я так и не попала. Зато Густав получил, наконец, хоть какую-то «корреспонденцию», которую он так жаждал. Я попросила подготовить мальчиков, и вообще, напомнить им, что я очень-очень их жду.

«Столичный голос»

Срочные новости: похищенная невеста лорда Макбула до сих пор не найдена! Скорее всего, её увезли по тропе торговцев, что идёт по отвесной скале. Если кто видел людей, несущих тяжёлую ношу, свёрнутые ковры, сундуки — просьба доложить гвардейцам Канцлера за вознаграждение. Исполнителей было как минимум двое, один из них прихрамывал на левую ногу.

Напоминаем: скандальная Чёрная Вдова открывает магазин, вызывая возмущение в высшем обществе. Редакция «Столичного голоса» будет с интересом следить, чем закончится эта авантюра.

Рудники Аллерта выросли в цене за счёт самоустранения его главного конкурента. Самоустраниться конкуренту помогли волки и непомерное употребление вина на той самой волчьей охоте.

А теперь переходим к вашей любимой рубрике: сплетни!

«

— Про вас саму писать — не плохая ли идея? — Кос читал свежий выпуск нашей газеты.

— Открытие магазина мной — возмутительное предприятие. Если про это не будет написано, а к тому же у нас есть книги, которые печатались по тому же принципу, что и газеты, у всех возникнут вопросы.

— Вопросы и так могут возникнуть.

— Скажем так: я знаю человека, который знаком с тем, кто дружит с тётёй того, кто видел мужчину, который был на празднике у семейной четы, которая приходится кумовьями тому, кто видел того, кто покупает бумагу для газет.

— У меня голова закружилась.

— Пойми, Кос, порой нужно что-то положить на поверхность и прикрыть парой листочков, чтобы надёжно спрятать. Ну кому в голову придёт, что я так нагло не скрываю свою причастность к выпуску газет? Кстати, как дела с объявлениями?

— Вы были правы, — Кос оживился и вытащил свой неизменный блокнот, — только на объявления газета окупила всю бумагу и краски, а ещё сверху принесла полтора золотого в неделю.

— Тебе ведь нравится газета? — Я спросила больше для проформы, по горящим глазам Коса видела, что да. Его приводит в восторг, что он способен управлять информацией, что наши с ним голоса слышат тысячи людей, — то, чем мы занимаемся сейчас — это баловство. Газеты стоят сущую мелочь, но в идеале: качественные статьи, а не сплетни, которые мы собираем от детей и девушек из борделя, статьи, чтобы были и очевидцы и расследование в целом. Целые колонки об экономике и политике. Для этого нужны люди в других крупных городах. Объявления и заметки, поздравления, напоминание о праздниках с рассказом их историй. И делать всё это официально.

— И вы готовы всем этим поделиться со мной?

— Кос, — я присела напротив него, — я же вижу, что тебе не нравится то, чем я

занимаюсь по ночам. И вижу, что дело не в опасности. Я просто хочу доказать, что не стану таким человеком как он.

— Леди Моэр, — Кос отодвинулся, — вы преступаете закон, который чтут миллионы людей. Вы не можете быть не такой как все, так нельзя.

Взгляд машинально опустился на его руки без больших пальцев. А потом я снова посмотрела на своего друга. Он был молодым мужчиной, но уже полностью седым. И волосы торчат в разные стороны не потому, что они не послушные, а потому, что ему глубоко плевать, как он выглядит. Прямо, как мне в последнее время. Обычно, такое состояние у людей встречается лишь по двум причинам: им больше нечего терять, и у них есть страсть. И неважно, к чему. У Коса страсти и интереса особого я не замечала, даже восторг от печатания книг быстро угасал. Он просто был одиноким, без цели, без любимого дела. А газета, которая не будет преступной, как сейчас — вот, что может вновь разжечь огонь внутри этого человека.

— Закон пишется для защиты людей и то, чем они владеют. Заметь, всё, что я делаю, не приносит вреда ни людям, ни их владению. Кроме одного — Фитхи. Но положи руку на сердце и честно ответь: а так ли это плохо? И я ничего у него не собираюсь забрать. Просто хочу дать людям выбор, который они смогут сделать без уплаты высокой цены.

Кос ничего не ответил. Я слышала истории про семьи. У которых обнаруживались маги. Отрубание пальцев тем, кто владел силой — лишь мала часть жестокости короны. И я знала историю Коса. Теперь уже знала: когда ему было двенадцать, кто-то из соседей заметил, как он пытался вылечить глубокую рану своего отца, полученную во время рыбалки. Он тогда уже понимал, что нарушает закон, но желание помочь отцу было сильнее. Косу отрубили пальцы. А родителей казнили... Никто не смеет нарушать закон.

Кроме Фитхи, но вот почему?

— Ада! — В магазин ворвались ребята и сразу же бросились мне на руки.

— Я по вам успела соскучиться, мои вы хорошие, — Руни так сильно пах бергамотом, что я чихнула.

— Фу-у-у, — мальчик, засмеявшись отодвинулся.

— Не фукать тут на мою ласку и заботу! — Поцеловав мальчиков, пошла за булочками для них.

Как бы плотно они не позавтракали, а от добавки ещё ни разу не отказывались.

Вскоре двери магазина открылись, впуская первых посетителей.

Знаете, сколько в столице книжных магазинов? Правильно, только мой. Все книги переписывались на заказ. А поддержанные продавались у скупщиков.

Поэтому, сколько бы знать не воротила носы от того, что женщина открыла своё дело, а посетителей было много. Кто-то приходил пожевать булочки с горячим чаем, кто-то уютно устроился в креслах на втором этаже, читая книги «на халяву». Кто-то восторгался печатным книгам, которые были абсолютно новыми, но стоили так мало!

А вот мои сказки обходили стороной. Нет, посетители открывали, листали, но ставили обратно. Для них эти вещи были либо просто бредом, либо бредом для малышей. Ну не верили здесь в оборотней из «Красной шапочки», ни в полудевушку-полурыбу. Ожившие игрушки их вообще приводили в ужас.

А кто-то приходил поглазеть на меня, шушукаясь со своими гувернантками, даже не скрываясь.

Меня раздражало то, как люди сторонились детей из приюта. Они ничего ни у кого

сегодня не крали, а увлечённо закрашивали акварелью картинку в раскрасках, которые, кстати, получили невероятную популярность. Но как только кто-то с порога видел сирот, тут же разворачивался и уходил.

— Мы можем уйти, — тихо сказала девочка, грустно покосившись на стол со сладостями.

— Чушь, — фыркнула я в ответ, — не ваша вина, что эти снобы плохо воспитаны.

Некоторые дети всё же бегали по улицам, по моей просьбе. Мысль о том, что Сессилия ещё у похитителей не давала покоя. Но новостей не было. Да, у гвардейцев выстроилась очередь из очевидцев, которые якобы что-то видел. Некоторые даже говорили, что леди Лавариан у них, отдадут, естественно, за много денег. Все, в принципе, хотели вознаграждение. Так было и у нас. Кенан, если бы узнал, что это всё устроила я, естественно не пришёл бы в дикий восторг. Но, если у них голова на плечах, они смогут из вороха информации найти ту самую нить, которая приведет их к Сессилии.

День близился к концу. Посетителей почти не стало, зато здесь были почти все дети с приюта.

— А у меня для вас сюрприз, — заговорщицки протянула я, отрывая их от рисования.

— Для нас?

— Да-да, пойдём на улицу.

На улице перед магазином уже было натянуто огромное полотно плотной белой ткани.

— Что это?

— Сейчас увидите, — проговорила я, ставя зажжённую маслянистую лампу с короб с линзой.

Зайедан, будь его воля, уже бы порчу на меня навёл. Плохая пре-плохая леди Моэр заставила рисовать микроскопические рисунки на бычьих пузырях, которые были похожи на пластик, только более мутный. Сколько он плакал, что ослеп, сколько ныл, что горб вырос. А сколько было стенаний по моим сумасбродным задумкам!

Но как только я вставила в нишу первый «слайд» разноцветного рисунка, изображающего девочку в саду, выходящего большой картиной на ткань, так раздался восторженный вдох детей.

— Все дети, кроме одного-единственного на свете ребенка, рано или поздно вырастают. Венди знала это наверняка...

Глава 29

— Сейчас моя очередь! — Закапризничал Вуни.

— Нет, ты уже купался, моя! — Руни легонько толкнул своего брата. Завязалась потасовка.

— Лала! — Топнул ножкой малыш.

— Если ты полезешь в ванную, ты должен оставить своё оружие здесь, — но ребёнок вцепился в свой деревянный кинжал, игнорируя мой строгий тон.

В ванной комнате царил хаос. Равиль уже гневного мерцала, но помогала мне раз за разом убирать мокрые лужи.

Но самым злостным зачинщиком оказался Тыковка. Он аккуратно растолкал ребят и плюхнулся своим большим задом в изящную ванну, поднимая цунами местных масштабов под наш дружный хохот. Густав, зашедший доложить об отсутствии корреспонденции, принял на себя основной удар.

— Ты большой! — Сони со смехом пытался вытолкнуть Тыковку из ванны, но тот предпринял единственное верное решение, на его взгляд: притвориться статуей, вдруг, отстанут.

Продажи в магазине в первый день не принесли много денег. Но под конец сказки о Питере Пене народу на улице набралось столько, что гвардейцам даже пришлось выйти на патруль, направляя повозки и кареты другими дорогами.

Это был настоящий фурор: и взрослые и дети с открытыми ртами наблюдали за приключением мальчика, который не вырастет и трёх ребят на потерянном острове.

Даже Зайедан, пришедший с чуть скептическим и брезгливым выражением лица, под конец смахивал слёзы.

— Я — гений, — шептал он, сложив ручки на груди. — Леди Моэр, пожалуйста, я жду ещё заказы! Я создал волшебство! Вы только посмотрите на людей! Они в восторге от моего творчества! Обо мне заговорит всё королевство!

Я лишь улыбалась, пообещав, что скоро приду с новыми идеями. А пока вручила ему экземпляр своего сборника сказок. Будем делать рекламу, а то совсем грустно идут их продажи.

После закрытия я отправилась подготавливать свою партию вина. Но целая стайка сиротских детишек никак не хотели меня отпускать, им нужны были ещё сказки. Моя пятёрка со знанием дела давала распоряжение, какие именно истории им рассказывать.

— А почему они просто не забрали все сладости и не сделали ноги? — Спрашивал один из приютских мальчиков.

— Врать нехорошо, — начал было Иварри., но его тут же перебил Бахо:

— Вот и я то же самое говорю леди Моэр. Главное правило улиц: тебя не должны слышать и не должны поймать. А на жадности ловят всегда чаще.

— Правильно «чаще».

— Чаще зато выразительнее, понятно?

Моя личная гвардия доставила партию алкоголя по борделям и трактирам уже к полуночи. Там уже ждали свой товар по наводке Доры. С радостью забирая то, что будет хорошо продаваться, в отличие от того «дешёвого пойла, которое заставляет скупать Фитха».

Я получила ровно в два раза больше, чем отдала виноделам деревни Мируж.

На второй день продажи в магазине пошли гораздо веселее. Людям приглянулись новые книги с их историями. Знать устала от скучных романов для благородных девиц. Даже те самые благородные девицы на втором этаже взахлёб зачитывались приключениями благородных пиратов.

— Скажи своим писателям, чтобы они сделали главных героев более привлекательными.

— Зачем? — Кос с удивлением на меня уставился, будто я только что встала на голову на виду у всего честного народа.

— Продажи вырастут.

— Благородные девицы не будут скупать книги из-за безродных пиратов.

— Неведома тебе загадочная женская душа, — по-дружески похлопала его по плечу, с удовлетворением заметив, что он всё же начал что-то записывать в свой блокнот.

Одной девушке, которая брала аж три печатные книги, сборник сказок я решила положить в подарок. Она так обрадовалась этому жесту, что пообещала прочесть его в первую очередь.

— И расскажите своим друзьям, если вам понравится.

Да, второй день принёс гораздо больше денег, но всё равно продажи шли со скрипом. В основном народ заходил поглазеть на «чёрную вдову» в достаточно вызывающем платье, хоть оно и было полностью закрытым. Но оно облегало мою фигуру, как вторая кожа. Даже юбка была гораздо уже, чем позволяла местная мораль.

И что я сделал в первую очередь, получив почти честно заработанные денег? Правильно! Заказала ремонтников водопровода. И если кто начнёт винить меня в транжирстве, то дам в нос. Я это заслужила! Как и все эти пузырьки и бутылочки с кремами и шампунями. Тыковка банку своего крема для ушей с невозмутимым видом утащил к себе в оранжерею. Жадина он у меня.

Вот только понежиться в ванной не получилось. Хотела по-быстрому искупать мальчиков, но они устроили целый аттракцион: забирались на тыковку и скользили по его спине в остывшую воду, поднимая волны.

— Ты переживаешь по поводу красивой Лавариан? — Бахо в мокрой насквозь одежде присел рядом со мной на низенькую танкетку.

— Не может быть, что никто ничего не видел. И зачем её похищать? Мне казалось, из-за Кенана, но что-то не сходится. Он выжил и встал на ноги, насколько мне известно, значит, ему должны были либо сообщить требования о выкупе, либо прислать труп его невесты.

— А что, если леди Сессилию похитили из-за самой леди Сессилии?

— Кому это надо? Она ведёт достаточно праздный образ жизни, кому она могла перейти дорогу?

— Не знаю, я просто предположил, — пожал плечами Бахо, теряя интерес к этой истории.

Дети из приюта постоянно перехватывали слухи, долетающие из королевской канцелярии, но ничего стоящего не было. А мне было очень страшно. Наверняка в психиатрии есть какое-нибудь название моему состоянию, но я от чего-то чувствовала личную вину за то, что Сессилия до сих пор в опасности.

— Леди Моэр, — Густав вошёл в ванную, со спокойным видом наблюдая разгром в некогда красивой комнате, — к вам дети. Ждут внизу.

Равиль тут же вскинулась на своего супруга с претензией, что он мог бы и помочь, на что тот мгновенно среагировал ответной колкостью.

— Один раз помог, до сих пор пеняешь. Сто лет прошло!

— Я из-за тебя шею свернула, криворукий!

За сто лет могли бы и помириться. Дважды всё равно умереть нельзя.

Быстро сбежала в гостиную, где тройка приютских ребят за обе щеки уплетали пирожные.

— Леди!..

— У Жизеллы там Мойда!..

— А они сказали, что леди Лава...

— А её потом перенесли...

— Видели на набереж...

— Так, стоп! — Ребята с таким рвением пытались сказать что-то важное, что не прекращали перебивать друг друга, желая самому сообщить самую главную новость, — по порядку.

— Мойда, что у мадам Жизеллы, она передала Растику, чтобы Растик сказал Иварри чтобы тот отправил кого-нибудь из нас, чтобы мы прибежали к вам и рассказали...

— Что?

— Мойда, что у мадам Жизеллы, так она передала... — начала заново проигрывать пластинку белокурая девочка.

— Я поняла, что она просила передать?

— Герцог Макбул очень злился вчера, когда в канцелярию пришла толпа народа с донесением. Он гневался и сказал, что открутит голову какой-то непомерно активной особе, но один из наших сказал ему, что вы сказали нам «отсутствие информации — тоже информация», — с важным видом она подняла указательный палец вверх.

— А герцог что?

— Что-что, начал ругаться, что он пробрался в его кабинет. Сказал, что кое-кто плохо на нас влияет.

— Но вы не плохо влияете, честно-честно!

— Так, дальше что? — Я очень ценила и любила детей, правда, но сейчас приходилось призывать всё своё терпение, которого оставалось всё меньше и меньше.

— Он отправил гвардейцев прочёсывать город. Типа, если никто не видел, как её вывозили из города, значит, она ещё здесь.

— А Мойда?

— А Мойда просила вам передать, чтобы вы срочно пришли к ней. Она не доверяет гвардейцам Кенана, сказала, что и там люди ублюдка.

— Так, во-первых, ругаться нехорошо, а во-вторых, вы самые лучшие дети в мире!

Ребята побежали к Донкину с просьбой, чтобы мои люди подготовились, на всякий случай. Если Мойда просила зайти, значит она что-то слышала от постояльцев. Значит, возможно, знает, где Сессилия.

Здравой мыслью было бы пойти к Кенану, если я узнаю что-то стоящее, но угадайте с одного раза, почему я этого не сделаю? Почему вообще на пушечный выстрел к нему не подойду? Правильно, мне страшно.

Он либо знает, что я не та, за кого себя выдаю, либо у него есть другая мысль по поводу моих «внезапных» перемен. Не надо быть гением, чтобы догадаться, что его вопрос

относился именно к тому, насколько сильно изменилась леди Арманд. Знать бы, чем мне это грозит.

Честно говоря, даже его это привычка называть меня именем папашки раздражала. Будто он игнорировал мою свободу с приобретённым поместьем. Напрочь игнорировал новое имя, которое перешло мне по наследству.

К тому моменту, как я добралась до заведения мадам Жизеллы, моя охрана во главе Фроста и Грота уже поджидала в тёмном переулке.

— Леди-хозяйин, не стоит вам идти одной.

— Что со мной может случиться в борделе?

— А репутация?

— Думаете, она может стать ещё более скандальной? — Я искренне рассмеялась. Безупречная репутация нужна для брака, для политики, для крупных торговых сделок. А моя тёмная личность привлекает как-раз таки нужный мне контингент. Им плевать, что я становлюсь всё более возмутительной.

Даже наоборот! Донкин нанял ещё с десятков молодых парней, которые находят работу в охране достойным. Никто из них не болтлив, и они все слушают историю нашего рейда по болотам как какую-то легенду, а Фрост раз за разом добавляет им детали, которых не было, но которые так явно описывают его героизм.

Сейчас в охранной компании уже было больше тридцати сотрудников. Ещё два борделя помимо заведения мадам Трутин заказали себе «женихов». Только они платили серебром.

Мойда выскочила спустя несколько минут, после моего прихода.

Она вначале оторопела стене из вооруженных мужчин, стоящих за моей спиной:

— Неожиданно, — пробормотала она, — но, может, оно и правильно.

— Что у тебя с руками? — Я схватила запястья девушки, пытаюсь получше разглядеть чернеющие синяки, — кто это сделал?

— Неважно, — она отмахнулась, смущенно натягивая рукава.

— Нет, важно. Кто это сделал?

— Правда, леди Моэр, это не имеет значение, — она попыталась улыбнуться, но в глазах стояли слёзы, — мужчины здесь обсуждали одного человека Фитхи, который загремел в тюрьму за разбой. Обычно, ублюдок сразу же вытаскивает своих из-под стражи, но этого решил оставить там. Сказал, что его всё равно сгноят на каторжных работах, и он много болтает. Неверный. Лорд Макбул подозревает того, что он причастен к похищению, не знаю почему. Что-то говорил про пальцы и следы. Но тот молчит.

— Это Фитха с тобой сделал? Оставил синяки.

Она всхлипнула, но промолчала. Почему я так решила? Потому что девушка редко выходит к гостям, её работа по большей части на кухне. Но был один надоедливый поклонник, который не получил того, чего хотел.

— Что надо для того, чтобы мадам тебя отпустила?

— Я выплатила ей долг, но, леди Моэр, это право ничего. Здесь хорошо платят, а работа не постыдная.

— Нет уж. Из-за моей глупости тебе приходится расплачиваться. Грот, — обернулась к мужчине, который старательно делал вид, что ничего интересного здесь не происходит, — проводи Мойду ко мне в особняк, и останься там до утра, пожалуйста. А ты, — повернулась к девушке, — скажи мадам, что увольняешься. Быстренько забери свои вещи. Нечего копить деньги на комнату, если там, где тебя ждёт младший братик, уже есть одна.

— Вы позволите мне жить в поместье?

— Не позволю, а приглашаю.

— Я буду работать, много! — Из глаз девушки хлынули слёзы, а мне стало стыдно. Почему я раньше об этом не подумала? Всё, что она терпела, ради младшего брата, и из-за моей недалёковидности.

— По дому уже есть кому работать, — надеюсь, она не испугается моих приведений, — а работа тебя будет ждать в книжном магазине. Хорошая и спокойная.

Девушка упорхнула за вещами с молчаливым Гротом за спиной.

— Плохо дело, леди Моэр, — проговорил Фрост, — если даже Верховный Канцлер не смог вытащить информацию при помощи своего дара, значит, на человеке Фитхи лежит печать.

— И в тюрьму просто так не попасть, — проговорил один из охранников.

— А выбраться есть шанс?

— Согласно вашим картам, там есть тоннель в канализацию. Но под замком целый лабиринт. И выход наверняка заложен.

Как-то раз в детстве, по словам моих покойных родителей, папа качал меня в люльке и параллельно читал журнал «Юный инженер». Он так увлёкся чтением, что не заметил, насколько сильно раскачал кровать, и я вылетела из неё, сильно ударившись головой.

Может, это объясняет то, что я сделала тем вечером?

Когда покрасневшая и довольная Мойда вышла со своими небольшими пожитками из борделя, я попросила Грота передать Тыковке, чтобы он пришёл к моим людям.

Фрост со своей командой получили распоряжение прогуляться в проклятое поместье за картой подземных канализацией и взять одну штуку из закрытого кабинета.

— Это как вилка с двумя зубцами, достаточно большая, с деревянным ящиком.

Мужчины привыкли получать более точные команды, а сейчас недовольно хмурили брови.

— Спросите Густава, он вам и кабинет откроет, и резонатор покажет, где взять.

— Мне не нравится, что вы задумали, леди-хозяйин, — Фрост категорически отказывался оставлять меня одну.

— Всё будет хорошо, ждите меня с другой стороны от закрытого прохода. И обязательно скажите Тыковке, чтобы он меня нашёл. Он поймёт. Ах, и да, приведите сюда гвардейцев.

Они собрались со мной спорить ещё, но я быстро напомнила, кто здесь главный.

На этот раз в заведение мадам Жизеллы я зашла с парадного входа. И не одетая как уличный парнишка.

— Леди Моэр! — Ко мне подбежала Жизелла. Этой ночью мы с ней заключили очень выгодную сделку, в первую очередь, выгодную для неё. Девушки мадам тоже с удивлением обернулись на меня, но слухи в этом деле разносятся быстро, поэтому они просто приветливо мне улыбнулись.

— Кто из этих господ занимает наиболее высокое положение в обществе? — Будничным голосом поинтересовалась у мадам, оглядываясь на раздетых мужчин. Кто-то смотрел на меня со смущением, будто я их мать, заставшая за всякими пошлостями. Кто-то оглядывал мою фигуру с плохо скрываемым вождением и интересом. Но никто не смел и слова сказать в мою сторону, не говоря уже о том, чтобы приблизиться.

— У камина сидит лорд Гринуар, двоюродный брат короля, — Жизелла указала на обрюзгшего мужчину в годах, который с нескрываемой похотью косился на молоденькую

миниатюрную брюнетку, — право. Леди Моэр. Я бы Мойду и так отпустила, лишь по одному вашему слову. Надеюсь, что мы с вами будем сотрудничать и дальше...

Но я уже её не слушала. С улицы донёлся лязг прибывшей гвардии герцога, а я, взяв увесистый поднос, с приветливой улыбкой подходила к мерзкому мужику, у которого маслянистые глазки округлялись всё больше и больше от удивления по мере моего приближения.

— Добрый вечер, лорд Гринуар, как поживаете? — С милой улыбкой спросила я и со всей силы опустила поднос на голову двоюродного брата короля.

Глава 30

Как раз вовремя. В бордель вошли гвардейцы.

Леди разбила лоб кузену короля! Боялась ли я скандала? Нет, ведь их-то я и контролировала.

— Прошу прощения, леди Моэр, — проговорил один из гвардейцев, — мы вынуждены взять вас под стражу.

На это я и рассчитывала.

Отряд герцога вёл меня не по главным улицам, а по самым тёмным закоулкам. Какие внимательные.

Мельком замечала удивлённых приютских детей, которые жестами пытались спросить, нужна ли мне помощь? Но я отрицательно качала головой.

Тюрьма находилась под королевским замком. У входа стояла стража из десятка вооруженных солдат. Никто из них и бровью не повёл, пока меня вели к темнице.

Внутри пахло плесенью и сыростью. Чадающие факелы плохо освещали кругую и скользкую лестницу. Я пару раз чуть не упала, но меня аккуратно придержали за локоток.

С удивлением заметила мерцающую фигуру, которая тут же обернулась полностью, как только поняла, что я её вижу.

Но вот кого я точно не ожидала здесь увидеть, так это герцога собственной персоной. То есть, конечно, такого рода преступления были под его эгидой, но так быстро?

Жидкий азот согревал больше, чем его взгляд, направленный прямо на меня.

— Я всё гадал, когда ваша сумасбродная натура, наконец, выйдет из-под контроля, — без эмоций проговорил он.

Одна лишь эта фраза подняла бурю гнева внутри. Совсем нелогично, но абсолютно бесконтрольно с моей стороны.

Мы не виделись с тех пор, как он задал мне тот самый провокационный вопрос, ответив на который, я с треском провалилась. Сейчас я отчетливо осознавала, что его отношение ко мне изменилось. И дело даже было даже не в том, что я вытворила с полчаса назад, нет. Как же бесил тот факт, что я не могу пробраться к нему в голову и узнать, в чём причина. И напрямую не спросишь. Он понял, что я самозванка? Тогда, кажется, он бы предпринял какие-то действия, то есть, я же сейчас владею, по сути, не своим имуществом. Скорее всего нет. Он до сих пор считает, что я настоящая леди Арманд, но при этом сделал какие-то иные выводы, неутешительные для меня.

И не скажешь ведь правду. Или скажешь?..

Нет, глупая идея... Найран-Моэр отберут, и он погибнет, детей вернут под контроль Фитхи, Тыковку запрут в какой-нибудь гвардейской конюшне, а там, узнав о его хищной натуре, мигом отправят на живодёрню.

Но всё равно, его тон бесил. Может, это от того, что я сама на взводе. М-да, давали бы мне золотой каждый раз, когда я творю глупость, с налоговой проблем бы не осталось.

Весь вид герцога явно говорил, что теперь-таки он точно сомневается в моих умственных способностей. Начну рассказывать про свой «гениальный» план, покрутит пальцем у виска. Или изобразит аналогичный жест. И уладить это «недоразумение» тоже не поможет.

Почему я так решила? А всё из-за его взгляда. Раньше он был во мне заинтересован, пусть, не как женщиной, в романтическом плане, а просто как в человеке. Я это видела, в каждом взгляде, в которых заговаривались игривые искорки. Сейчас же Кенан смотрел на меня так, как будто очень разочарован. А ещё в чём-то подозревает.

Раньше мне нравились его чёрные глаза, горячие, как южная ночь. Но этот холодный взгляд бил достаточно больно.

— Лорд Макбул! Рада вас видеть в добром здравии, — знал бы кто, скольких сил мне стоило беззаботно улыбнуться герцогу, будто ничего не происходит.

Нет, конечно, он бы в любом случае узнал, что знатная леди попала в темницу, но лучше бы не видел лично.

— Назовите мне хотя бы одну причину, леди Арманд, почему я не должен отзывать своё разрешение на вашу свободу, — ни один мускул не дрогнул на этом каменном лице.

— Может, потому что я — леди Моэр? А ещё, подарки — не отдарки.

— Вы всё ещё леди Арманд. Ваша мнимая самостоятельная жизнь прекратится сразу же, как столкнётесь с серьёзными проблемами. Или сами станете серьёзной проблемой.

Руку бы отдала, чтобы всё-таки узнать, что он для себя решил на мой счёт. Не меняют люди так быстро и так сильно своё отношение к другим. Хотя бы один маленький намёк! Ну малюсенький. Прошёл бы этот привкус желчи во рту. Неужели теперь и герцог для меня опасен? Не хочу верить, но походе на то.

Макбул безучастно вёл меня к одной из камер за решётчатой стеной. Я смотрела в мощную спину, вспоминая, как всего пару дней назад мы вдвоём смеялись над глупыми шутками, когда он был парализован. А потом он задал один-единственный вопрос, и всё изменилось.

Вот надо было ему лезть!?

— Не волнуйтесь, леди Арманд, при дворе не узнают, что вы провели ночь здесь. Ваша репутация не пострадает.

— Какой кошмар! — В притворном ужасе вздохнула я, плохо скрывая сарказм, — моя репутация могла пострадать? Но как же тогда я выйду замуж?

— Доброй ночи, леди Арманд, — сказал он, закрывая дверь моей темницы.

— Спокойной ночи, ваша светлость, — с улыбкой отозвалась я.

Настроение было окончательно испорчено. Разумно было бы свалить подальше и вообще не попадаться ему на глаза, но тогда я точно подпишу свой приговор, не знаю, правда, какой, оставив мальчиков одних.

Тем более, столько обещаний надавала, в первую очередь себе.

Последний гвардеец поднялся по лестнице, унося с собой свет. Через пару камер грустно чадил факел, давая понять, насколько здесь плохая вентиляция, да и дух, опять таки, чуть отсвечивал голубоватым светом.

Своих приведений, тех, что болотные, я не боялась. Они уже стали как родные, что ли. Но при приближении этого внутри разливался почти первобытный страх. Он не из моих, я это точно знала. И видела его только я, это уже точно знал этот дух.

Призрак уже перешёл через решётку и начал приближаться ко мне, как тут же исчез, а я услышала знакомое фырканье за спиной.

— Тыковка! — Обняла шею моего загадочного друга, — спасибо, что здесь, родной.

— Эй, дамочка, ты там сама с собой разговариваешь? — Послышался хриплый голос откуда-то сбоку.

— Нет, со своим другом.

— Ну-ну.

— Вы — человек Фитхи? — Бросила я в стену.

— Тебе какое дело?

— Хочу заключить сделку.

Из-за стены послышался хриплый смех.

— Мы вдвоём в темнице, завтра меня либо казнят, либо отправят на каторгу. А с тобой я не знаю что. Тебя называли леди, значит, лишат имущества и отпустят.

— Я помогу вам уйти отсюда. Дам убежище от короны и Фитхи.

Смех стал ещё громче.

— Поспи, дамочка. Только укутайся получше, у тебя, кажется, жар.

Я кивнула жующему деревянную лавку Тыковке.

Он исчез в тени, но спустя секунду в соседней камере послышался вскрик и ругательства.

— Это что такое?! Как он здесь?! Фу! Выплюнь башмак!

— А теперь вернёмся к моему предложению: я даю вам свободу и защиту, а вы мне информацию о Сессилии.

Но в ответ была тишина. Кажется, человек Фитхи застыл, пытаясь не провоцировать Тыковку. Для несведущего он на самом деле производил неизгладимое впечатление: горящие красным глаза, острые клыки, вместо гривы — тени. Это днём он выглядел милым и безобидным, каким, по сути и был. Только слегка невоспитанным. Но, когда наступали сумерки, Тыковка становился мистически пугающим. Когда хотел.

— Ты правда можешь меня отсюда вытащить? — Теперь в голосе мужчины не слышались эти пренебрежительные нотки.

— Да.

Он вздохнул:

— Ублюдок держал у себя мою жену и детей. Я ему нужен был лишь потому, что хорошо лажу по стенам и крышам. У меня батька был трубочистом. Я не хотел похищать герцогскую невесту, но она была обещана брату ублюдка. Тот ещё хуже Фитхи. Но при деньгах.

— Он знатен?

— Ходят слухи, он королевский бастард. Половину флота держит, — оп-па. Так вот, кто крышует Фитху.

Ну что ж, теперь ясно, почему у Кенана связаны руки.

— Слушай, дамочка, а это не ты ли газеты печатаешь? — Слышалась возня и чавканье Тыковки. Видимо, принялся за кровать моего почти сокамерника.

— Нет, не я.

— Будь аккуратней, как только у Фитхи появятся ниточки, ведущие к тебе, голову снимет. Ему кажется, ты у него отобрала детей. И не может понять, почему бордели больше не нуждаются в нём, тебя подозревает. Только, перед расправой, он вначале с тобой позабавится.

— Вы о чём?

— Говорит, ты красивая.

Меня передёрнуло от отвращения. Если бы я не знала, чем именно занимается Фитха, могла бы даже привлечь его внешностью. Его типаж у нас называли демоническим. Да,

пусть он и одевался броско, но это не выглядело смешотворным. Скорее, его наряды даже подчёркивали порочность этого человека.

— Вернёмся к Сессилии, где она? Она жива?

— На корабле «Ветхая Рина». Там есть скрытый трюм, гвардейцы ни за что его не найдут.

— Вы покажете моим людям?

— У тебя есть свои люди? — Он рассмеялся, — кажется, Фитха очень ошибся на твой счёт, дамочка. Жаль, я не увижу, чем закончится эта история.

— Вы не верите, что я вас выгашу?

— Прости, но нет.

Я позвала Тыковку. Он должен был проверить, пришёл ли Фрост с командой. Тыковка вернулся через мгновение, утвердительно кивнул, и принялся жевать железную цепь, струящуюся змеёй в углу.

Как его бедненький желудок со всем этим справляется?

— Отойдите к стене, подальше от решётки.

— Слушаюсь, моя госпожа.

Я его не видела, но готова поспорить, что он шутовски поклонился. И, судя по звукам, всё же отошёл.

Тыковку не пришлось просить дважды. Что-то громить — это прямо его.

Как только раздался грохот выбитой многовековой решётки, в конце подземелья раздался вибрирующий звук резонатора. Он должен был просто ослабить стену, а дальше дело опять же за Тыковкой.

— И вправду красивая, — улыбчивый мужчина стоял перед моей решёткой, — не знаю, откуда ты взялась, дамочка, но я решил, мой меч с тобой.

— Почему вы ничего не сказали Макбулу?

— Фитха бы убил мою семью, а теперь у меня есть шанс их спасти.

Бывший человек Фитхи отсалютовал мне рукой, без большого пальца, и побежал вслед за Тыковкой. Грохот стоял просто катастрофический, но быстро прекратился.

Ушли.

Как только сверху раздались шаги гвардейцев, я завизжала во всё горло.

О да. Орать я умела.

— Я не знаю, что произошло, — со слезами на глазах бросилась к одному из гвардейцев, который открыл дверь в мою камеру. — Всё было тихо, только мыши... Они были повсюду... А потом этот грохот! Я так испугалась!

Надеюсь, они успели убежать достаточно далеко, чтобы у них была фора.

Если гвардейцы не знают канализационные тоннели, то они могут потратить дни в этих многоуровневых лабиринтах в поисках следов.

Меня безуспешно пытались успокоить, но я подвывала всё сильнее всякий раз, когда мне говорили, что опасность миновала. Чуть не хрюкнула от срывающего смеха, когда кто-то пригрозил, что обязательно найдёт того, кто это сделал.

Ну-ну. Он сожрёт вас вместе с доспехами и не подавится.

Когда меня выводил по лестнице наверх, я заметила, как призрак смотрел мне вслед, улыбаясь.

Ещё до рассвета Сессилию мои люди доставили к дому герцога. Как мне потом донесли, девушка была жива и здорова, только очень напугана и измучена. Фрост на всякий случай

попросил её соврать, будто она сама сбежала и добралась до дома Макбула. Умная девушка не спорила, согласилась.

А днём уже все газеты трубили о новостях: люди Фитхи причастны к похищению. Но нашлись те, кто недоволен его действиями, прямо в его окружении, и помогли девушке спастись.

Почему не стала изобличать сводного брата Фитхи? Не знаю. Если просочится его имя, за источника могут принять Сессилию, а больше никого подставлять из-за своих решений я не хочу.

А уже к вечеру к результатам я могла приписать два основных достижения: во-первых, если раньше перед Фитхой маячил пока не определенный враг, то сейчас уже не сложно будет догадаться, кто стоит за всеми его проблемами. Жаль, не успела подготовиться более основательно, прежде чем вступать в прямую конфронтацию. Одна успешна контрабанда — этого очень мало.

А во-вторых, на моей стороне оказался человек Фитхи.

— Атар, — представился бывший заключенный, присаживаясь за мой столик в трактире, — я не беру свои слова назад. Мой меч с тобой, дамочка.

— Как ваша жена и дети?

— Твои люди помогли их забрать, шуму ты наделала, конечно. Я только их спрячу.

— У меня есть подходящее убежище для вашей семьи, пока я не разберусь с Фитхой.

Атар с улыбкой посмотрел на меня:

— А как тебя вообще отпустили?

— Молча.

Почти. После побега Атара, меня конвоировали прямо в кабинет герцога, который и не собирался уходить домой.

— Удивительная вещь, леди Арманд, — протянул он, — в борделе было полно народу, но никто не видел, кто ударил лорда Гринуара.

Он усмехнулся. Только эта ухмылка была какой-то горькой, а после он кивнул своим людям, чтобы те меня отпустили.

Мне хотелось броситься на него через стол. Встряхнуть его за плечи, вышибая все дурные мысли обо мне, услышать тот самый смех.

Знал ли он, что именно я причастно к побегу Сессилии? Знал. Густав вручил мне свою любимую «корреспонденцию». В конверте лежало письмо с одним единственным словом «Спасибо». А его почерк я узнаю всегда.

Атар с сомнением посмотрел на Найран-Моэр, когда я привезла его с семьёй.

— Почему ты считаешь, что Фитха сюда не доберётся?

— Есть одна причина.

Лес не пустит. И болота. Не до конца понимаю, как это работает, но чем сильнее я забочусь о поместье, которое ошибочно называют проклятым, тем сильнее оно защищает тех, кто живёт в его объятиях.

Моя пятёрка утащила маленьких и запуганных детей Атара на второй этаж, показывая что здесь и как устроено. Они волновались за меня, сильно. Пусть и встретили с улыбкой, но по глазам видела, что даже Бахо плакал. Конечно же до них долетели слухи, что гвардейцы герцога повели меня в темницу, а оттуда просто так никто не выходит.

Хорошо, что Мойда была дома, отвлекала ребят от грустных мыслей. Девушка тоже выглядела бледной, когда выбежала мне на встречу. Сейчас же она, чуть смущённая,

помогала жене Атара подготавливать комнаты для её семьи.

Сидя у камина, я прокручивала в голове возможные действия в будущем. Магазин и детский приют надо защитить. А значит, надо больше людей. Бордели приносят Фитхе много золота и власти: девушки частенько доносят главному преступнику королевства все сплетни, что слышали от своих клиентов. Да, сейчас этот поток разделился на два ручейка, только вот я-то пользовалась слухами, чтобы поставить того или иного человека на место с помощью газет, а Фитха знал всех и степень их влияния, мог двигать людьми, как фигурами на шахматной доске.

Бордели надо закрыть. Тем более, я девочкам обещала. Но дать им работу. Вот только у девочек сохранились долги перед мадам, а у тех — перед ублюдком. А это огромная сумма, которой у меня не было. И преступность на улицах — её тоже придётся сдерживать.

Контрабанда — это хорошо, но долго. И, если закрою бордели, половина моих покупателей просто перестанет нуждаться в товаре...

Голова кругом.

— Леди Моэр, — вырвал меня из задумчивости Густав, — к вам посетитель.

Он отошёл в сторону, пропуская гостью в читальный зал.

— Сессилия? — Вот, кого не ожидала здесь увидеть, так это невесту герцога.

Она вначале держалась достаточно гордо, но как только Густав ушёл за чаем, бросилась меня обнимать и разрыдалась.

— Мне всё рассказали ваши люди, всё-всё-всё, — плакала она, размазывая слёзы на моём плече, — вы ради меня отправились в тюрьму. И этот Фитха... Я боюсь за вас.

— Ну-ну, тише, — гладила Сессилию по шелковистым волосам, — вы мне тоже помогли. Теперь мы, вроде как, квиты.

Она ещё долго не отлипала, а я, кажется, могла её понять. Перед своим женихом такой шквал эмоций Сессилия себе позволить не могла. Сказывалось годами вбитое воспитание. Не перед слугами же ей рыдать? Мать её, небось, ещё пуще завывала бы.

— Без вас герцог бы не успел спасти меня, — рыдания прекратились не сразу, она всё ещё сидела, время от времени всхлипывая, — я слышала, что корабль готовился к отправке.

— Лорд Макбул тоже смог бы спасти вас, Сессилия, — я накрыла ладонью пальчики девушки, которыми она крепко вцепилась в мою руку, держащую чашку, — просто тот человек, что вас похитил, был сильно напуган. У него был выбор между жизнью семьи и вами. Думаю, герцог нашёл бы способ к нему подступиться.

— Да, нашёл бы, — она глухо бормотала, — знаете, а у меня ведь нет друзей. Ко мне пол дня приходили те, кто ими называется, но все они жаждали подробностей, думали, я расскажу как меня испортили. И они все молились за меня. Представляете? А знаете, сколько из них лично знаком с Фитхой и его сводным братцем, сколько из них что-то слышал? Каждый второй! Но никто... никто из них не...

Она задыхалась от возмущения.

— Никто из них не пришёл к вашему жениху, чтобы донести о том, что слышал.

Сессилия горько усмехнулась:

— К фиктивному жениху...

Глава 31

Я замерла. Кажется, перестала дышать. Даже Густав, вышедший с тарелкой пирожных, услышав последнюю фразу, забылся, и шагнула обратно на кухню. Только дверь уже успела закрыться, так что Густав сквозь неё просочился, а вот поднос со сладостями с грохотом свалился на пол, испугав девушку, которая и так была на взводе.

— Это, кхм, сквозняк, наверное, — пробормотала я.

Сессилия поёжилась, будто чувствовала реальный холод, и в задумчивости поглаживала пальчиком каёмку чайной чашки.

— Мой отец работал с Восточной Империей, когда я была маленькой. Тогда в наше поместье часто приезжала семья оттуда, глава был посланником и правой рукой Императора, а мой служил десницей нашего короля. Так что мы с Кенаном с самого детства дружили. — Она вздохнула. Наверное, на фоне всего произошедшего, воспоминания о тех временах делали её поистине счастливой, отчего ей становилось слегка грустно, — наши родители ещё тогда шутили, что мы должны стать мужем и женой. Ну, в основном так шутили мои. Его же пытались сделать из сына лица, достойного Империи. А потом... На одном из балов, много лет спустя, на меня обратил внимание лорд Рейнальд — брат Фитхи. Король пытается скрыть, что Рейнальд его бастард, но он так сильно потворствует прихотям своего незаконнорождённого сына, что ни у кого не остаётся ни капли сомнений. Он вначале пытался красиво ухаживать за мной, но получая регулярные отказы стал более... настойчив.

— Он вас обижал?

— Не напрямую. Но отец потерял должность, позже выяснилось, что у нас есть какие-то долги перед Фитхой. И... Тогда я решила на позорный шаг. Я попросила Кенана официально заявить о нашей помолвке, чтобы Рейнальд оставил виды на меня. Он разозлился, но всё же не стал идти против Верховного Канцлера. До недавнего времени. Мне всего-то надо было переждать несколько лет в статусе невесты лорда Макбула, надеялась, что я стану слишком старой для этого навязчивого прощельги.

— Сессилия, мне кажется, только поймите правильно, я вас ни в коем случае ни в чём не обвиняю, но мне кажется, что для этого Рейнальда что-то послужило триггером.

— Чем-чем?

— Ну, некой точкой, отчего он пошёл на этот шаг. Что-то изменилось.

Девушка посмотрела мне прямо в глаза и, даже, с неким вызовом улыбнулась:

— Я решила отказаться от брачного навета и вступить в свободные права наследования, — выпалила она, гордо задрав носик.

— Что, простите? — Я действительно не совсем поняла, что Сессилия имела в виду.

— Стать такой же, как и вы — свободной.

Ох ж ты. Правилось ли мне это? Ещё как! Но слегка и настораживало. Всё-таки, одно дело, когда ты выросла в эмансипированном обществе, тогда и на мнение окружающих, особенно мужчин, плевать было легче. И совсем другое — стать первой в этом деле. И да, в моих глазах, именно Сессилия была первой смелой девушкой, которая решила начхать на веками сформированные традиции. А если кто-то припомнит мне, что я сама же говорила о сравнении людей, что это бессмысленно, тому могу прочесть парочку лекций о необходимости двойных стандартов.

— Вам не страшно?

— Страшно, — охотно кивнула Сессилия, — ещё как. Но замуж я не хочу. Я не хочу прозябать на чайных вечеринках. Понимаете, Аделаида, — она поёрзала на кресле, доверительно склонившись ко мне, — почему я должна быть тенью мужа? Я вдвое образованнее и начитаннее многих мужчин из моего окружения. У них есть ресурсы и власть, но распоряжаются ими только в угоду своим прихотям. Меня пьянили слухи о вас, о том, как вам никто не указ, как вы вольны делать всё, что захотите. Как вы заботитесь об этих детях, потому что сами так решили. А сейчас вы и вовсе открыли свой магазин. Свой собственный, понимаете?

— Но на это мне понадобилась подпись Верховного Канцлера. И вступить во владения не так-то и просто...

— Я справлюсь. — Сессилия заявила это так твёрдо, что я ей сразу же и поверила.

Чаепитие плавно переросло в ужин на большую компанию. Густав и Равиль категорически отказывались присоединиться к нам, но сдались под напором Сессилии. Есть-то они, конечно, ничего и не ели, но за увлекательной беседой никто этого не заметил.

Герцогская невеста по печальным обстоятельствам не видела проектор в действии, как и Атар со своей семьёй, поэтому после ужина в бальном зале мы смотрели сказу про Питера Пена. Хоть мои мальчики уже и видели её, но всё также с восторгом смотрели на ожившие картинки.

— Вы достойная наследница Канрата Найран-Моэр, — Густав по-отечески мне улыбнулся, отчего его мертвецкий вид стал менее пугающим.

С наступлением ночи я отправилась на свою болотную вахту. Пора начинать исполнять свои обещания. Ювелир сказал, что было утеряно как минимум четыре ювелирных комплекта, стоящих баснословных денег.

Он пока держит язык за зубами, пусть это так дальше и остается. Фитха подозревает, что у меня есть влияние на детей, но считает, будто всё связано именно с моими мальчиками. Но он не знает, что приютские дети, не все, но многие, уже умеют сносно читать. И прекрасно докладывают содержание всех записок, которыми люди ублюдка обмениваются с помощью беспризорников.

А ещё Фитха пока не знает, что в многих заведениях столицы мой алкоголь, но совсем скоро узнает, и пусть, я к этому буду готова. Но вот о том, что у меня есть доступ к его утерянным сокровищам, он не должен узнать никогда.

Уже привычной тропой пошла в глубь болот. Я настолько привыкла бродить здесь одна, не считая Тыковки, что чуть с ума от страха не сошла, когда услышала голос Атара за спиной.

— Из-за вас я едва не поседела, — прошипела ему. Не люблю, когда встречаются в моё высокоинтеллектуальное времяпрепровождение без моего согласия.

— Увидел в окно, как какой-то пацан шныряет по кромке болот. Хотел остановить бедолагу, но тут с интересом понял, что эта та самая дамочка, у которой за спиной маленькая секретная армия. Что ты здесь делаешь? — Он не выглядел испуганным, но предусмотрительно ступал за мной чётко по следу.

— Хочу найти то, что вы потеряли.

— Этих проклятых болот боялись все наши. Никто так и не понял, почему надо было сюда соваться, если подъездные дороги и так под нашим контролем.

Я тоже задавалась этим вопросом. Абсолютно нелогично и слишком затратно: мало

того, что теряется ценный груз, так ещё и гибнут люди. На мой взгляд эти болота — отличная альтернатива казни. Не угодил человек, а руки пачкать не хочется, отправляешь несчастного ко мне в гости и вуа-ля! Нет тела — нет дела. Может, поэтому?

— Мне тут в голову мысль пришла, — проговорила Атару, наблюдая за призраками в поисках подсказки о местонахождении одного из утерянных сундуков, — если Фитха и Рейнальд сводные братья, а Рейнальд из-за своего родства умудряется предоставлять протекцию такому человеку, то и берёт немало. Как вариант болотный тракт был нужен лишь для того, чтобы скрыть какой-то доход от своего знатного брата.

— Умная дамочка. Что мы ищем?

— Многие сгинули здесь, пронося сундуки Фитхи. Вот эти сундуки и ищем.

— Один из выживших сказал, что группа увязла в топях возле огромного сгоревшего дерева. Как оно могло сгореть одно из всех, ума не приложу. Ублюдок заподозрил молодняка в воровстве и измене и казнил.

Сгоревшее дерево? Кажется, я видела такое, но дорогу сейчас вспомнить будет не так-то просто.

Осторожно ступая по своим болотным тропам, слушая Атару, говорившего занятные вещи, дерево всё-таки нашла. Когда я в первый раз увидела его, могла и не обратить внимания, но рядом с обуглившимся стволом стоял призрак той самой женщины, что помогла вытащить мальчиков из подвала трактира. Некоторые души я действительно научилась различать, а её образ остался в памяти навсегда.

Сундук мы нашли не сразу, пришлось покружить вокруг этого дерева под грустным взглядом призрачной незнакомки. Атар даже предлагал бросить эту идею, но мгновенно воодушевился, когда моя палка стукнулась о деревянный сундук с глухим стуком. Вдвоём с ним тащить найденное было довольно таки легко, но выйти с кладом не дал нам Тыковка.

— Да что с тобой, малыш? — Пыталась успокоить взбесившегося коня, но тот раз за разом хватал меня за волосы, пытаюсь вернуть к сгоревшему дереву.

Он то становился на дыбы, то рычал на меня, впервые в жизни, но уйти не давал. Атар в шоке наблюдал за моими тщетными попытками успокоить огромного Тыковку, но и подходить близко опасался.

— Тыковка, успокойся, наконец! — Малыш меня беспокоил. Никогда не видела его в таком возбуждённом состоянии. В очередной попытке дотянуться до его шеи я неудачно соскользнула с кочки и шлёпнулась в болотную жижу, которая тут же стала меня засасывать.

На этот раз Тыковка и не думал мне помогать, даже остановил бросившегося на выручку Атару.

Держа голову как можно выше в неудобном положении, я пыталась руками нащупать хоть что-то на дне, чтобы оттолкнуться. И да, я была обиженна на Тыковку, из-за которого я сейчас вот-вот погибну.

Только хотела бросить что-нибудь грозное перед, возможно, моим последним вздохом, как правая рука нащупала что-то очень странное. Именно в этот момент Тыковка успокоился, даже пропустил Атару ко мне, но продолжил внимательно смотреть на меня своими красными, горящими глазами.

— Дамочка, дай руку!

— Нет, постой, кажется, я что-то нашла.

— Ещё сундук? Бросай его, утонешь скорее.

— Нет, не сундук... Здесь не глубоко.

Округлый предмет сильно увяз в илистом дне. Пришлось попытаться, прежде, чем я вытащила его наружу. Это был череп. Дух той самой незнакомки пошёл рябью. Судя по зубам, женщине было не больше тридцати пяти лет на момент смерти.

— Так вот, что ты пытался мне сказать...

Тыковка внимательно следил, чтобы я достала все останки несчастной. Атар не понимал, с кем я говорю, когда спрашивала призрака не она ли это. Как только останки были подняты с болот, призрак женщины стал ярче, отчетливее. Не надо быть экспертом, чтобы понять, что передо мной стоит мама Сони. Он — вылитая её копия.

Мать Сони мы решили похоронить на территории поместья, в самом дальнем углу сада. Атар вместо каменной плиты положил огромный блок от разбитого забора, временно. Я не знала, какие слова применимы в этой ситуации, не знала местных традиций, поэтому просто молчаливо наблюдала за тем, как женщина стояла, склонив голову, над собственной могилой, постепенно исчезая. Надеюсь, она навсегда обретет покой, вместо скитаний по этим болотам. Всё, что от неё осталось, что я могу передать Сони, это простой кулон, скорее всего самодельный.

Мальчика разбудила под утро. Ему я рассказала всё: и как именно она мне указала путь к своему сыну, и что я могла её видеть, но не сразу поняла, кто она такая, хоть догадки и были. И о том, что теперь у него будет возможность с ней попрощаться по-настоящему.

Я осталась с плачущим мальчиком, сжимающий кулон своей мамы, который он сразу узнал, до тех пор, пока он не уснул. Не смогла оставить его один на один со своей болью.

Но самой уснуть так и не получилось.

По сути, всё сводится к двум вещам: убрать Фитху и заработать денег.

Насчёт денег всё несколько проще. Моё издательство при грамотном подходе принесёт достойный доход. Кос говорил, что уже идут заказы от известных и не очень писателей, некоторые даже готовы платить. Но пора бы нам с Донкином сделать то, что мой уставший мозг не додумался сделать в самом начале — запатентовать печатные станки.

Косу пришлось закрыть свою лавку, о чём он не ни капельки не сожалел. После открытия прошло всего два дня, но заказов в издательстве уже было столько, что нам просто необходим персонал, а к нему — руководитель.

Мойда отлично справлялась в книжном магазине. Причём настолько отлично, что даже мои сказки были все распроданы, и уже был составлен лист ожидания для тех, кому экземпляр сборника с волшебными историями не достался. Золушка произвела колоссальный фурор, причём у знати. Но ещё больше покупателей интриговала анонимность этих сказок. Я попросту забыла вписать хоть какое имя автора, но моя забывчивость сработала как грамотный маркетинговый ход: читатели строили предположения, кто мог создать эти «смелые фантазии», пленившие столько народа всего за два дня. Мне приписывали образ прекрасного лорда, мечтающий встретить свою возлюбленную. В каждом герое этих сказок, которые были всё под одну гребёнку, они видели образ того самого лорда.

Ну и пусть, зачем развенчивать то, что хорошо продаёт?

И ещё проекторы.

Вот это может стать золотой жилой, если найду ещё одного художника. С Зайеданом общаться сложно, его творческая натура, во-первых, не терпит конкуренции, а во-вторых «мастера не спешат, каждая работа — произведение искусства!». И сколько бы я не пыталась объяснить про производственные потоки, бесполезно.

И сундуки с болот, опять-таки. Атар говорил, что в некоторых были меха и дорогие ткани, но про это можно забыть. Всё уже давно безвозвратно испорчено. Значит, можно перестать шариться по болотам, как только найду всё, что хотел отобрать жадный ювелир у своих клиентов.

А вот с Фитхой подход надо было менять и быстро. Мой первоначальный план был прост: лишить город в необходимости Фитхи. Зачем нам он, если алкоголь могу поставлять я? Зачем его «крыша», если её даю я? Зачем похищать девушек с улиц, засовывать их насильно в бордели, если их вообще не будет? Но тогда у меня был ресурс, которого сейчас не осталось — время.

Плевать на газеты, я сделала самое опасное из всего того, что могла, а именно забрала человека Фитхи к себе, и отобрала у его братца женщину, которую тот так страстно желает.

Все заведения, в которые поставляет товар Фитха, сейчас нуждаются в нём больше, чем во мне. Я-то всего приволокла одну партию алкоголя. Пусть не содрала в три дорога, как ублюдок, пусть именно того алкоголя, который хорошо продается, пусть, я дала всем возможность сделать выбор самим покупать или нет. Но продукты? Ткани? Материалы? Всё это контролировал Фитха и мне крыть было нечем. Мои болота выходят всего в несколько деревень, и только Мируж мог что-то предложить. Там осталось вина ещё на одну партию, но на этом всё.

Да, тем днём я расставила людей по всему городу, особенно у приюта. Пусть присматривают за ребятами. А потом решила, наконец, начать идти в наступление.

Мы с красными как раки Косом и Донкином вошли в бордель мадам Трутин. Сегодня я собиралась его закрыть. «Женихи» повскакивали с мест, увидев меня, моментально поняли мой жест, и стали настойчиво выпроваживать клиентов на улицу.

— Леди Моэр! — Трутин не выглядело особо довольной, — что всё это значит? Я думала, мы договорились!

— Присядьте, — хоть я и улыбалась, но всё же вложила в свой голос стальные нотки, — и выслушайте моё предложение.

Женщина с неестественно прямой спиной уселась в кресло рядом с моим. Одна из девушек принесла мне чай, а вот мадам от неё отмахнулась.

— Я слушаю, — поторопила та меня.

— На каких условиях у вас сделка с Фитхой?

— Если вы решили пойти против него за счёт меня, то можете сразу отсюда убираться. Ваша охрана из трёх человек не стоит тех проблем, что вы мне сулите.

— Это не тот вопрос, который я вам задала.

Она посмотрела на меня, как на предателя, мол, я вам и место для ваших газет, и секрет храню, и, вроде как, мы договорились, а сейчас вот вы пришли и выгоняете клиентов, обнуляя доход. Но я кое-что узнала про эту милую женщину, и не собиралась больше ей симпатизировать. Как выяснилось, у многих детей из приюта были матери. Как раз эти девушки, что столпились в главном зале и смотрели на меня во все глаза.

Трутин заставляла их принимать весьма опасные препараты, чтобы те боролись с нежелательной беременностью. Некоторым девушкам это помогало, но многим — нет. Дети зачастую рождались либо мертвыми, либо с очень слабым здоровьем. Некоторым везло, но и тогда Трутин не жалела девочек, запрещая им видеться с собственными детьми, которые живут, по сути, не так уж далеко.

Когда об этом доложил мне Донкин, я не поверила. В людях я ошибалась редко, но,

кажется, метко. Да, Трутин взяла меня тем, что вошла в моё положение. И ведь такая милая. Но первой мыслью, когда я её увидела, что не могут такие милые женщины заниматься таким делом.

И сейчас мне её было ничуть не жалко.

— Он владеет этим заведением...

— Он не владеет этим заведением, попробуйте ещё раз.

— Да кто вы такая, чтобы врываться сюда и выведывать то, что знать вам не положено?

Иногда, а в моём случае очень часто, иметь связи среди простого населения очень полезно. Перед тем, как зайти в лавку ювелира, я выпила очень много чая с Дорой у неё в трактире вместе с Атаром. Борделем по соседству владел муж Трутин, который был вполне себе жив, но не совсем свободен. Алчная жёнушка так запугала бедолагу, что тот из дома и носа не показывал, и подписывал всё, что тому приносил поверенный. Но Трутин не умела вести дела и влезла в долги, а потом на выручку пришёл Фитха, теперь все её долги принадлежали ему. А то, сколько должны ей девочки, это уже прихоть самой Трутин. Фитхе по барабану, по какому поводу отправлять своих людей для принятия «воспитательных мер».

И этот долг перед Фитхой я собиралась выкупить у Трутин. Донкину эта идея очень не понравилась, когда я рассказала о своём внезапном плане.

— Вы же понимаете, что теперь вы будете зависеть от Фитхи?

— Почему зависеть? Я выплачу всё по долгам. А процент перечислять ему я не обязана.

— Там огромные суммы, где вы их возьмёте?

— У Фитхи и возьму.

В других заведениях тоже хватало мадам, таких же гадких, как и Трутин. Но были и нормальные женщины, с которыми быть такой же жёсткой, как сейчас, мне не хотелось.

— Посмотрите во-о-он туда, — протянула я, указывая на дверь, — это Трей Лавариан, брат невесты Верховного Канцлера, он работает в Королевской Канцелярии. Если лорд Лавариан пройдёт к вам в кабинет и проверит все бумаги, как думаете, у него будет основание и вовсе закрыть это заведение? — Трутин побледнела, понимая к чему я веду, — а теперь давайте подумаем, как отреагирует Фитха, узнав, что из-за вашей алчности он потерял один из источников своего дохода?

— Что вы хотите, леди Моэр?

— Вы останетесь здесь, не волнуйтесь. Но ваш долг перед Фитхой перепишите на меня. Как и само заведение. Естественно, не за бесплатно. Я не воровка.

На этот раз повторять дважды не пришлось. Трутин с лёгкой ненавистью в глаза подписала всё, что положил перед ней Донкин. Суммы за ночной улов хватало с лихвой и на бордель, и на новых людей для моей «секретной армии». Деньги от книжного магазина я решила не трогать. Вершки отдельно, а корешки отдельно. Весь доход должен идти на сам магазин и на издательство.

— Хотел бы я посмотреть на лицо Кенана, когда тот узнает, что именно купила леди Моэр по его разрешению, — смеялся брат Сессилии.

Девочки мадам Трутин после всего подходили ко мне с опаской. Конечно же они волновались, что теперь с ними будет. Как им зарабатывать деньги, куда вообще идти.

— Девочки, тише, не все сразу, — в примирительном жесте я подняла руки вверх, — ответьте на один вопрос: кто желает остаться в этом «деле» дальше? Поверьте, никакого презрения от нас вы не услышите, я на самом деле хочу сотрудничать и помочь вам.

Никто из девушек не ответил утвердительно, чему я была несказанно рада. Честно

говоря, раньше не доводилось работать сутенёршей, но пришлось бы идти на поклон к другим мадам с просьбой взять кого-то из них.

— Тогда, знакомьтесь, это Кос. Кос руководит моим издательством, и ему очень нужны руки.

Что ж. Своё первое обещание я сдержала, и слёзы радости на глазах у девочек дали понять, что я всё сделала правильно.

Все последующие дни слились в один. По ночам мы с Атаром находили и выносили с болот сундуки, после я сдавала камни и украшения по ювелирным лавкам.

В моём охранном агентстве людей стало ещё больше. Но это приносило слишком большой убыток, хоть и было, к сожалению, необходимостью номер один. Возле бывшего борделя мадам Трутин уже было много недовольных, вызвавших во мне волну отвращения. Но главное правило — я должна нести естественность за всех, кого взяла под «крыло».

Не все девушки умели читать и писать, зато они ловко смешивали краски и под чётким руководством Коса вполне справлялись с заправкой бумаги в станки. Девушки от такой работы были в полнейшем восторге: они ведь печатали книги!

Второй бордель я закрыла всего день спустя. Но это было сделано иначе: по договорённости с мадам, мы начали его переделывать под что-то вроде кабаре. Сейчас там полным ходом шёл ремонт, нужна была сцена. Одна из девушек прибыла из Восточной Империи, она с радостью начала обучать других восточным танцам. Мой долг перед Фитхой значительно вырос, и это не считая налоговой задолженности. Но я всё равно спонсировала увеселительное заведение с танцами и качественными напитками: строительных материалов, тканей, мебели, да даже музыкальных инструментов надо было много.

Третий бордель я закрыла полностью с помощью брата Сессилии. Условия были настолько ужасны, что лично мне хотелось всё здание просто сжечь, а не придумывать, что с ним можно сделать. Всех девушек увезли в лекарские дома, у некоторых был шанс восстановить здоровье, а для некоторых, увы, всё, что я могла сделать, так это облегчить последние дни. Мадам этого дома ужасов попала в темницу. Это уже было единоличным решением Трея Лавариана.

Художника тоже удалось найти, более сговорчивого, чем Зайедан. Теперь он занимался рисованием слайдов по моему сборнику сказок. Детям из нижнего города мы устраивали показы на проекторе абсолютно бесплатно, а вот знать за один проектор должна была выплатить от восьми золотых, плюс один золотой за одну сказку на слайдах. И знаете? Они платили! Уже шесть проекторов продано, и очередь на сорок девять уже была и только увеличивалась.

У Коса не осталось времени для сна, недорогое, относительно рукописного, издательство произвело небольшую революцию местных масштабов. Книги заказывались для академий, для врачей, даже молитвословы и те заказывались сотнями. Теперь вы сможете меня понять, что мне пришлось взять в долгосрочную аренду ещё одно огромное здание и увеличить количество станков.

А прошло ведь не больше месяца, и уже такой размах, что голова шла кругом. Девушки мадам Трутин остались жить там же, им некуда было пойти, а на мой скромный взгляд, они заслужили владеть своими комнатами в полной мере.

С Сессилией мы виделись каждый день. Она по секрету рассказывала о степени заинтересованности Кенана моими делами, вызывая чувство облегчения. Он приблизительно

знал об успехе книжного магазина, но вот мои дела с борделями пока оставались очень туманными даже для его вездесущих людей. Ну, ходила скандальная леди куда-то, но вроде стоят, ничего с ними не случилось. А тот бордель, так его брат вашей невесты закрыл, там всё по закону.

Именно из-за этого пришлось нанять много людей в охранное агентство — они будто невзначай патрулировали улицы. Гвардейцам я не доверяла, во-первых, среди них было много приверженцев Фитхи и Рейнальда, а во-вторых, это с лёгкой руки короны такие заведения работали, уничтожая молодые жизни. Вместо того, чтобы навести порядок на улицах, они предпочли давать жестоким людям то, что те требовали. И неважно, что нарушали свободу и неприкосновенность других людей, «это же женщины, это их обязанность».

— Аида! — Закричали Бахо и Сони, когда я вошла в книжный магазин.

— Где Мойда? — Что-то мне не сильно понравилось выражение лиц мальчиков. Именно так выглядят дети, когда что-то натворили.

— Она закрыла магазин и ушла, — сказал Руни, скользя по перилам.

— Я вижу, что магазин закрыт, а Мойды здесь нет. Что случилось?

— Помнишь, ты говорила, что должна придумать, как разобраться с налоговиком. Мы придумали и разобрались!

Нехорошее предчувствие... Нет, не так. Ощущение надвигающейся катастрофы разлилось внутри. Слишком довольными выглядели мальчики, и Мойда просто так ни за что бы не закрыла магазин посреди дня.

— Где он?

Ребята наперегонки побежали в подвал, утаскивая меня за собой.

— Леди Моэр! — Римма с другой девушкой выглядели растерянными, а ещё они юбками пытались что-то скрыть от меня.

— Этих малолетних нарушителей закона я заставлю месяц выгуливать Тыковку в любую погоду и без выходных, но вот мой гнев за сокрытие их криминальных деяний будет сильным, — девушки расступились, а я облегчённо выдохнула.

Я что, действительно ожидала увидеть хладный труп главного налогового инспектора? Каюсь, в глубине души я этого боялась.

— Вы его похитили! — Чувство мимолётного облегчения быстро улетучилось, оставляя за собой смесь из растерянности и лёгкого недовольства.

А ещё я изо всех пыталась скрыть улыбку, наблюдая за маленьким лысоватым мужчиной, в ужасе наблюдающим за пятёркой детей и двух откровенно привлекательных девушек, которые с неповторимой заботой поправляли ему кляп во рту.

— Вы же обещали, что больше не будете воровать! — Воспитанием своей пятёрки надо было заняться и срочно.

— Но мы не крали кошельки, — чуть ли не обиженно протянул Вуни.

— Люди тоже считаются. Как вы вообще умудрились его похитить? — Уже шёпотом спросила их. Мне действительно было интересно, плюс, надо было немного больше времени на раздумья, как выкрутиться из этой ситуации.

Этого мужчину звали господин Понкит, и никаких грязных слухов о нём ни от девочек, ни от детей у меня не было. Шантаж не пойдёт, просто нечем. И, откровенно говоря, не самое лучшее начало для знакомства с человеком такого уровня.

— Лала, — малыш гордо шагнул вперёд, улыбаясь так сильно, что на пухлых щёчках

появились ямочки.

Но вот господин налоговый инспектор моментально пришёл в ужас, увидев трёхлетнего ребёнка. И опять же, что именно натворили мои детки?

— Здравствуйте, господин Понкит, — как можно более вежливо произнесла я, вынимая кляп изо рта, — вы только не кричите, пожалуйста. Мы сейчас уладим это маленькое недоразумение.

Как только налоговый инспектор избавился от кляпа, я услышала такую тираду в свой адрес, что даже у Бахо уши всполохнули красным.

— ... и эти ваши выродки также заслуживают сгнить в темнице, вместе со своими девками, что их прикрывают, — плевался Понкит.

— А здесь будьте осторожнее, господин Понкит, иначе на ваших похоронах все будут спрашивать что такое пресс для печати и почему вам им леди Моэр нанесла более полусотни ударов. Предлагаю выдохнуть, начать с начала и прогуляться, надеюсь, мы друг друга поняли.

Долго уговаривать мужчину покинуть тёмный подвал не пришлось. На улице он хотел было броситься к гвардейцам, но я мягко остановила его, указав на моих людей вокруг.

— Я не хочу причинять вам вред, в моих же интересах с вами подружиться. Мы просто прогуляемся до банка и там побеседуем с вами и лордом Гранзотти.

— Вы лично знакомы с Гранзотти? — Понкит, кажется, расслабился от этого факта.

— Наша с ним договорённость оказалась весьма выгодной для нас обоих, — владелец банка на самом деле пустил мою идею о депозитных счетах в массы, теперь он со спокойной душой раздаёт крупные кредиты, не опасаясь, что кто-то из клиентов резко решит снять все деньги со счёта, договор не позволит.

Мы с Гранзотти не были близкими друзьями, даже хоть какими приятелями не были, но вот поручиться он за бедную, одинокую вдовствующую баронессу мог. По крайней мере, я так надеялась.

В банке нас встретили как самых важных клиентов и провели напрямик в кабинет грозного банкира.

— Господин Понкит, леди Моэр, признаться, удивлён вашему визиту!

— Я тоже удивлён нашему визиту, — недовольно пробурчал Понкит, плюхаясь в глубокое кресло.

— Вынуждена объясниться, господа, — я чинно присела на краешек кресла, снимая чёрные перчатки, — у нас с господином Понкитом вышло небольшое недоразумение...

— Небольшое недоразумение?! Да на меня трёхлетка бросился с деревянным кинжалом! — Ах, вот оно как было, — и сидел он на огромном коне, чёрным как ночь! Он сожрал мой саквояж!

— Трёхлетка? — Непонимающе моргнул Гранзотти.

— Подозреваю, всё-таки конь. Он добрый мальчик, они оба, просто очень общительные.

— Так, давайте сначала, — Гранзотти начал массировать виски, будто мы с налоговиком вызывали у него приступ мигрени.

— Мои друзья слегка заигрались, за что я приношу свои искренние извинения, но здесь мы, чтобы поговорить о моём долге перед короной.

— Долг в восемьсот шестьдесят золотых, леди Моэр, — бросил Понкит, — и смею напомнить, срок выплаты наступает завтра.

— Если вам нужен кредит, леди Моэр, наш банк с радостью пойдёт вам на встречу,

даже в такой сумме. Все условия обсуждаемы.

— Вообще-то, я бы предпочла обсудить о моих счетах, и правах налоговой выставлять требования к ним, — мягко улыбнулась я, брать кредит — последнее дело. Я и так в долгах, как в шелках. А сундуки на болотах не бесконечные.

— Это ещё что такое? — Поёрзал на стуле Понкит.

— Это способ работы леди Моэр с её арендодателями, смею заметить, весьма прогрессивное решение, — охотно заговорил Гранзотти, естественно, чем больше денег будет на моих счетах для тех, кому я должна, тем больше золота я буду приносить в банк. А за каждую операцию они снимают неплохой процент, — Леди Моэр уже успешно заключила сделку с некоторыми её партнёрами, банк же следит, чтобы за неделю до выставления требования к её счёту у неё уже имелась необходимая сумма.

— А если она её не внесёт?

— У леди Моэр на депозитном счету, тоже, смею заметить, её идея, уже имеется неприкосновенный запас в четыреста золотых, которым банк вправе распоряжаться для погашения задолженности.

Если бы всё это сказала Понкиту я, он бы просто сдал меня короне, как неплательщицу, но из уст владельца банка всё это звучало надёжно. Говорили и торговались мы ещё долго, но в конце концов пришли к соглашению. Я плачу двести золотых вперёд, а дальше работаем по принципу ежемесячных платежей.

И ещё я должна новый саквояж налоговому. Но это уже не проблема.

Мы уже прощались, как Гранзотти попросил меня задержаться.

— Я отправил вам приглашение прийти сюда, леди Моэр, но вы опередили моё послание, — извиняющимся тоном произнёс он, когда мы остались наедине.

— Буду рада вам помочь, чем смогу.

— Как вы знаете, сбережения клиентов банка часто вынуждены путешествовать по дорогам королевства в наши филиалы, но, к сожалению, на повозки часто производятся набеги, из-за чего банк терпит порой колоссальные убытки.

— Мне очень жаль это слышать.

— А мне было очень радостно услышать от Донкина некие секреты. О, нет, — он примирительно засмеялся, пытаюсь меня успокоить, увидев, как я сжала кулачки, — мы с Донкиным старые приятели. И я рад, что он вернулся к делу своей жизни с вашей помощью. Ваш блестящий ум и его опыт — это опасная смесь, но мне на пользу. Я слышал о некоем Тракте Чёрной Вдовы, а ещё, что та самая Чёрная Вдова может дать надёжных людей для сопровождения.

— Вы не доверяете гвардейцам?

— Доверяю ли я людям, где половина из них работает на Фитху? Думаю, ответ вы знаете и сами.

Двадцать вооруженных людей для сопровождения и вывод огромного количества золота по канализациям и болотам, чтобы обогнуть один из самых опасных участков — вот заказ банка. Платит пятьдесят золотых, за полную сохранность груза и двух его банковских работников.

— Буду ждать от вас отмашки.

— Как я могу отправить вам письмо, чтобы об этом никто не узнал?

— Просто скажите кому-нибудь из детей на улице, и я сразу же узнаю, что пора выдвигаться.

Мне стоило огромных усилий, чтобы не набрать скорость гоночного болида, пока я добиралась до Донкина. В моём охранном агентстве нуждаются! Первый заказ!

Да, без моего участия, они не выйдут с болот, но дальше справятся сами. Фросту и Гроту я доверяла полностью и безоговорочно. Только я не совсем понимала, насколько опасны дороги, и как это всё повернуть. Тыковку отправить было бы хорошей идеей, но я не готова была с ним расставаться надолго, а дорога до филиала займёт три дня минимум, и столько же обратно.

Я ходила по улицам в одиночку и постоянно гасила в себе желание обернуться. Честно говоря, я никак не могла понять, почему Фитха ещё не объявился передо мной с обнаженным мечом наперевес с целью снести мою светлую голову с хрупких, беззащитных плеч.

Герцог Макбул ещё ладно, ему сейчас не до меня. Иногда дети приносили странные сплетни из дворца, которые я пока не рисковала печатать в газетах, слишком они разные. Одни говорят, что кто-то готовит переворот и даже уже были суды над изменниками, а кто-то говорит, что наследнику престола даже угрожала смерть, но всё обошлось. Причём подробности этого были настолько сказочными и размытыми, что были больше похожи на самые настоящие сплетни без ядра истины. Видимо, Кенан приложил немало усилий, чтобы информация не просочилась за пределы королевского дворца.

Но вот, что меня больше всего шокировало, так это то, с тем, что я устроила в борделе мадам Жизеллы, было не всё так просто. Тот человек, которого я так боялась, который стал ко мне арктически холоден, просто-напросто обманул меня, сказав, будто не было свидетелей вероломного нападения леди Моэр на кузена короля. Нет, Кенану пришлось подключить немало своих связей, чтобы уладить этот конфликт.

Об этом с интригующей улыбкой рассказала Сессилия, вызывая у меня шквал вопросов. Зачем ему это? Самый простой ответ — чтобы не порочить его же имя. Ведь я ходила и вытворяла всякое, щеголяя как раз-таки печатью Верховного Канцлера. Да, даже мне самой это напоминало фразу «сунь палец, руку откусит», но я не собиралась приносить такого вреда. Так, просто полизать.

Сама же хихикнула от этого образа.

— Привет, крошка, — остановила пробегающую девочку, — что последнее ты слышала о Фитхе?

— Так его нет, — радостно ответила она, — говорят, он ещё Листвахвостых праздников будет не в Столице.

Теперь понятно, почему я всё ещё цела и невредима.

Вечером того же дня отряд для сопровождения банковских капиталов был готов. Фрост подтянул своих сослуживцев, которые сейчас в два стройных ряда возвышались надо мной, сверкая отполированными доспехами в свете луны.

— Лошади готовы, — Фрост отчитался, что дозорный уже был отправлен по обходной дороге, ещё днём, — к тому моменту, как он будет возвращаться, мы уже выйдем с Тракта Чёрной Вдовы.

— Далось вам это название, — пробурчала я, слегка задетая. Но с другой стороны, и что греха таить, было слегка приятно.

Фрост решил разделить отряд, хоть мне это вначале не понравилось. Но он в этом деле понимал больше моего, так что лучше было довериться его опыту. Из его же рассказов, местные войны были чем-то вроде поголовного и жестокого уничтожения людей: недолгого,

но очень кровопролитного. И если этот человек пережил такое, должен справиться и с бандитами.

Что ударило по моему карману кроме покупки лошадей, так это гончие собаки. Мы взяли и их поводья, чтобы не тратить время на привыкание псов к новым хозяевам. Именно с первой половиной отряда они побегут и моментально дадут знать, прячется ли кто в лесах.

Гранзотти дал особое распоряжение вывести деньги из города именно по моим путям под ним, чтобы люди Фитхи не пронюхали про такой ценный груз. Это мы выполнили без единой заминки. Вот по болотному тракту пробирались медленно. Тыковка на этот раз не бегал по поверхностям топей, а чинно шёл за мной, увлекая за собой послушных собак и лошадей, тащащих тяжёлые сундуки.

— Пришлите гонца, как доставите груз, — спустя несколько часов мы уже вышли с болот.

— Всё будет исполнено, леди-хозяин, — отрапортовал Фрост, запрыгивая на коня.

Мы с Атаром провожали их взглядом, пока те не скрылись за поворотом.

— Прямо, как детей в первый класс провела, — пробормотала я вполголоса.

— Честно говоря, — Атар почесал затылок, — никогда раньше не занимался нападениями с двойкой старых солдат, дамочкой и её конём.

— Всё случается в первый раз, мой добрый друг.

— Люди Фитхи с грузом должны появиться через час по северной дороге. Аккурат выйдут на эту развилку. Не замёрзнешь?

Я собиралась впервые в жизни совершить вооруженный набег на отряд из восьми человек. Да будь сейчас на улице минус тридцать, мне наоборот было жарко от адреналина.

У Атара ещё остались друзья среди людей ублюдка, которые с радостью «слили ему информацию». Они хотели переметнуться на сторону Чёрной Вдовы, но я решила не спешить, принимая их в свои ряды. Сначала посмотрим, окажутся ли их слова правдой.

В кабинете Канрата шкафчики были битком набиты с усыпляющими составами. Им, конечно, уже больше ста лет, так что даже для людей Фитхи я не смогу их использовать, но рецепты ведь сохранились.

— Я всё ещё не понимаю, что ты собралась сделать с этой штукой и что это вообще такое.

— Это самопал, штука болезненная, но не смертельная. Стреляет недалеко, зато оглушает качественно. На крайний случай.

— А теперь напомни, дамочка, зачем нам это надо? На болотах мы можем поднять товара на большую сумму, чем эти краденные выработки с серебряных рудников.

Я улыбнулась. Зачем? Затем, что у меня так и осталось две цели: деньги и Фитха.

— Хочу, чтобы у ублюдка не осталось людей.

— Он вернется несколько пару дней, ты точно готова к последствиям? И ты же сказала, что не собираешься никого убивать.

— Я и не собираюсь. Люди могут уйти и по собственному желанию. Мне лишь нужно своим с присущим мне обаянием это желание в них разжечь, — вскоре послышались приглушённые голоса и топот копыт. Предвкушающий интересное утро, Тыковка зловеще зарычал, полностью со мной соглашаясь.

Глава 33

Атар со своими «коллегами» обнажили оружие, но я замахала руками, чтобы спрятали. Не хватало ещё стать убийцей, нет уж, увольте. Моё средство в своеобразной бомбочке не удалось испробовать: на детях ни в коем случае не вариант, на Мойде и Атаре с женой — тоже, на Тыковке и Густаве с Равиль бесполезно.

— Натяните маски на нос, — прошептала своим.

— Боишься, что нас узнают? — Глаза Атара сверкали неким лихорадочным азартом.

— Боюсь, что вы вдохнёте мою смесь.

Когда экипаж в сопровождении шестерых бандитов выглянул из лесного массива на развилке трёх дорог, я со всей силы швырнула достали мечи и стали оглядываться.

Но как только свёрток с глухим стуком ударился о корпус грузового экипажа, их всех заволокло мутным бледновато-жёлтым туманом. Не прошло и пяти секунд, как все бандиты рухнули на землю.

— Надо будет проверить рецептик, — пробормотала я, глядя на лошадей без сознания.

Проверила пульс у всех, ровный. Все живы.

В сундуках была необработанная руда. Я уже даже знала, кому её можно продать, чтобы без лишних вопросов. Серебром здесь обрабатывали зеркала, а серебряную пыль в производстве использовали фармацевты, что очень удобно. Стоит не баснословных денег, зато ещё людей поможет привлечь на свою сторону.

К вечеру по городу среди бандитов поползли странные слухи, они искренне считали, что на них напали болота. Я прекрасно знала свои болотные земли и могла голову на отсечение дать, что на той дороге никаких топей не было. Но вот те люди, на которых я напала, клялись, что болота выползли, перекрывая им дорогу, даже коней скосили.

Тем же вечером нам удалось «перехватить» ещё одну контрабанду Фитхи, на той же самой развилке, и никаких болот там не было.

«Столичный голос»

Некоронованный король преступного мира Столицы господин Ф. терпит бедствие! Господин Ф. забыл старый добрый закон рынка: спрос рождает предложение. Навязанное предложение ни к чему хорошему привести не может. А теперь пройдемся по пунктам, над которыми стоит задуматься всем горожанам:

— *Госпожа Алесия, арестованная за преступную халатность в отношении сиротских детей, отрицает причастность Ф. к ужасающим условиям содержания детей в приюте. Но редакция вашей любимой газеты нашла косвенный след в исчезнувших деньгах короны, которые так и не были направлены на содержание того самого приюта;*

— *Мадам Трутин, которой удалось сохранить своё место лишь грандиозным опытом в содержании трудового дома, также отрицает причастность господина Ф. к всплеску похищений юных девушек с улиц Столицы;*

— *Господин Вуарне, не заботясь о качестве контрабандных продуктов, поступающих на прилавки магазинов Столицы, так и не подтвердил происхождение всех товаров на своём складе. Зато в Верховной Канцелярии покоится бесконечное количество заявлений о нападении на торговые повозки;*

— *Рыночные торговцы, недовольные непомерным налогом на их торговые точки,*

перебрались на новую Площадь Ремесленников. Цены на товары снизились почти вдвое из-за значительного уменьшения затрат на содержание лавок, но несчастные торговцы раз за разом стали получать словесные и физические угрозы со стороны их прошлого «владельца». Господина Ф.;

Редакция напоминает, что главный залог успеха и процветания — взаимное уважение. После массового закрытия борделей девушки получили достойную работу, никто не остался обделённым, после закрытия склада с контрабандной продукцией Ф. намного меньше людей стали мучиться болями в животе, после закрытия Площади Торговцев на набережной их дело стало только процветать, после ухода Алесии все дети получили сытый стол и тёплую одежду.

Никто не имеет право принуждать кого бы то ни было к чему-либо. Там, где начинается свобода одного человека — заканчивается свобода другого.

А теперь к новостям: Королевский Дворец готовится к ежегодному зимнему балу. Для скандальной леди Моэр это принесло хорошие новости, ведь спрос на проекторы только вырастет после показа сказки «Танец зимних бабочек».

Редакция напоминает, что, в случае появления насморка, лечение путём кровопускания — плохая идея, как и лечение коровьим копытом, мотыгой по затылку «чтобы соплю выбить», луком за щеку (это не опасно, но бесполезно и слишком ароматно), ночёвкой в собачьей конуре и прочие прелести народной медицины. Мойте руки, теплее одевайтесь, пейте горячий чай или лучшее вино из Мируж, а также кутайтесь в одеяло с хорошими книгами.

По погоде: нас ожидают первые снегопады, если кто-то что-то потерял во дворе, лучше найти это сейчас, а не ждать слякотной весны. И запомните: не облизывайте металлические предметы. Все мы помним вой собаки бабы Фроси.

Будьте аккуратны на пристолочных дорогах: бандитов там развелось столько, что на них самих, бедненьких, регулярно совершаются нападения. Господин Ф. подозревает в причастности владелицу книжного магазина, но все мы знаем, кто стоит за этим на самом деле...»

— Я что-то не могу понять, мы и стоим ведь, — Атар отложил в сторону газету.

— А какие ваши доказательства? — Я усмехнулась, — послушай, я прекрасно понимаю, что Фитха уже провёл параллель между всем происходящим и банально моим появлением в Столице, но будем откровенны: зерно сомнения всегда способно посеять раздор среди своих.

— Ладно, а почему твоих сторонников ты решила оставить у Фитхи?

— Держи друзей близко, а врагов ещё ближе. Мои дети не способны рассказать обо всём, что происходит в кулуарах Фитхи, а вот твои друзья — вполне.

Грот вернулся с отрядом и успешной миссией по доставке банковского золота. Но кто больше всего меня удивил, так это главный банкир. Оказывается, мои люди и слова не сказали, что при них вскрыли эти сундуки, а там был лишь камень. Гранзотти просто хотел проверить меня и моих людей. Им чётко сказали, что сундуки набиты золотом, то есть, бери не хочу и проваливай с семьёй куда подальше. Но никому и в голову не пришло вскрыть опечатанные сундуки. А когда моим людям показали, что они рисковали жизнью ради камня обыкновенного, те просто пожали плечами: «Нам дали заказ, мы исполнили. Ничего дурного ведь».

Теперь отряд Фроста обеспечен работой на годы вперёд, не говоря уже и о заказах просто сопровождать экипаж благородных дам, ценный груз, дорогих лошадей.

Грот с Атаром быстро нашли общий язык, а именно на почве сомнений в моей адекватности. Зачем надо было кричать на весь город насчёт делишек Фитхи? Ну как им объяснить, что выведенные из себя люди чаще совершают ошибки.

Вспомним все истории поимки серийных маньяков. Их ужасающие деяния продолжались годами, а порой десятилетиями не благодаря их гениальности, а лишь потому, что их изощрённая логика фундаментально отличалась от всего, чему учили следователей и детективов всех стран. И девяносто процентов всех серийников было поймано только тогда, когда те совершали ошибки.

Я прекрасно осознавала, что дразню быка. И да, торговцы, если на них надавить, сразу же сдадут с потрохами того, кто поставил им продукты и товары по канализационным путям. Про Тракт Чёрной Вдовы разве что ленивый не слышал, как и про саму Чёрную Вдову. Даже находились смельчаки, которые пытались догнать меня с Тыковкой на болотах, но потом нам с моим другом, исключительно по доброте душевной, приходилось вытаскивать бедолаг из топей. И да, именно по тому, что мы светлые сердцем, а не из-за последующих ужасных рассказов о призраках и чудовищах живущих там. Ну люблю я небольшие спецэффекты, что здесь поделаться. Зато какой результат!

Ублюдок теряет людей. Если у него в заложниках семьи его наёмников, один умелый бывший маг вполне успешно помогает их вытащить. А потом одна молодая и скромная особа помогает им покинуть столицу без лишних глаз.

Что делает ублюдок и его сводный брат? Правильно, ищут того самого, кто притворил их процветающий бизнес в катастрофу. Для них, не для города.

Я не учла одну лишь маленькую вещь, совсем крохотную, настолько маловероятную, что даже не подумала про неё — я тоже могла совершить ошибку.

Нет, я не была настолько самоуверенной, просто при любой стрессовой ситуации у меня появляется неконтролируемый смех, а потом самоирония.

В тот вечер я возвращалась домой со свёртком из парфюмерной лавки. Мне так понравились местные крема с лимоном, что, кажется, этим ароматом пропиталась не только я и мои волосы, но ещё и кровать, одежда, Тыковка, Густав, Равиль и мои дети.

— Несу мои лимончи-чи-чи-ки, тащу свои лимончи-чики-чики, — подтанцовывала я в такт, прогуливаясь по воровским тропам. И стыдно не было нисколько, во-первых, я одета по-мальчишечьи, а во-вторых, на десяток метров никого вокруг. Все уже спят, а кто не спит, занят более интересными делами в тепле и уюте.

— Так, так, так, — раздался голос из темноты, — я всё ждал, когда ты окажешься одна, моя дорогая.

Фитха стоял, прислонившись плечом в грязной стене. Я даже на секунду задумалась, как его вычурный костюм оставался чистым? Мне стоило только посмотреть на эту плесень, а пальто уже покрывалось отвратительными тёмно-зелёными пятнами с белыми разводами.

— Добрый вечер, господин Фитха, — вежливо поздоровалась я, лихорадочно придумывая пути отступления.

— Не надо так озираться, здесь кроме нас с тобой никого нет, — он оттолкнулся от стены и начал медленно приближаться ко мне.

— А вот здесь вы врётё, я слышу как минимум двоих людей за своей спиной.

— Как ты пишешь в своих газетах? «Производственная необходимость», кажется?

— Рада, что вам удалось подчерпнуть что-то новое, — процедила я сквозь зубы, но ублюдок лишь усмехнулся:

— А я рад, что ты перестала ломать комедию, — он провёл костяшками по моей щеке и бросил короткий приказ, — взять её.

Свёрток упал на грязную брусчатку. Двое мужиков подхватили меня под руки как пушинку, и бросили на дно грязной повозки, накинув на меня какую-то металлическую сеть.

— Я ещё не понял, что такое твой конь, но поверь, с этой сетью тебя ни он, ни любой другой маг не найдёт. Пока я этого не захочу.

Если я думала, что смогу запомнить дорогу, то я глубоко ошибалась. Как только повозка тронулась, Фитха «нежно» взял меня за шею, приблизил своё омерзительно-холёное лицо ко мне, а после ударил затылком о борт. Дальше была лишь темнота.

Очнулась я с закатом. Судя по тому, что похитили меня уже в темноте, я провела без сознания день. Вряд ли два. Голова болела, но терпимо. А вот ледяная вода, которой меня окатили, противными струями стекала за воротник по спине.

— Я привык разговаривать с женщинами, когда они в более унижительном положении, но что-то мне подсказывает, что ты скорее откусишь свой поганый язык, чем поможешь себе выжить, — Фитха сидел в шикарном кресле, которое выбивалось своей помпезностью посреди пустых каменных стен, покрытых мхом.

— Но тем не менее, вы меня не развяжите, верно? — Железные оковы больно впивались запястья. Я опасалась даже глубоко вздохнуть, чтобы ненароком не потревожить затёкшие руки.

Эту странную сеть с меня так и не сняли. Внутри теплилась надежда, что он всё соврал или ошибся, что Тыковка вот-вот придёт. Я то и дело вглядывалась в тени, но это были лишь пустые тени, никого там не было.

— Нет уж. Итак, вопрос первый: как Макбул додумался нанять женщину для противостояния мне?

Вопрос был настолько неожиданным, что я даже опешила. Причём здесь Макбул? Некоторые следы я так сильно замела, что, кроме газеты и охранного агентства меня вряд ли можно к чему-то приписать. Бордели я оставила за мадам, вино, продукты и прочие товары в город поставляют «честные торговцы». Как они туда попали, кто знает, но даже дорожные грамоты на перевозку товара на месте.

— Лорд Макбул дал мне право купить книжный магазин, и вы решили, что он стоит за крахом вашей империи? Сами-то верите в эту чушь? Между нами, он, кажется, не сильно высокого обо мне мнения.

— Правда? Что же тогда он так взбесился, узнав, что некая леди была похищена с улиц?

— Ну, возможно, я ему слегка задолжала... — начала было я, но меня тут же заткнули сильной пощёчиной.

Да что за привычка в этом мире поднимать руку?!

— Или он в ярости, что доверил женщине такое дело. Многие ниточки от тебя привели к нему. — Гаденькая ухмылка растеклась по его лицу, образуя глубокие ямочки.

Я так на них засмотрелась, что пропустила очередной бредовый вопрос, что он мне задал, и последующую вспышку злости.

— Я без понятия, какие там ниточки вы там нащупали, и кого за что дёргаете, но Макбул не причастен к этому, — медленно проговорила я, сплевывая кровь.

— Я знаю, милая, — он с нежностью садиста провёл большим пальцем по нижней губе, — просто решил проверить реакцию. Твои интриги вдохновили меня на одну интересную идею как убрать вездесущего канцлера с дороги.

Фитха, теперь понятно, почему его называют ублюдком, резким движением сорвал с меня мужскую рубашку. Дрожь от холода и отвращения пронзила всё тело. Я приготовилась вцепиться зубами в его шею, как он ошарашил резкой сменой темы:

— Я не насилую женщин, моя дорогая, просто напомним: предпочитаю, чтобы всё было идеально.

В этой странной и сюрреалистичной сцене ублюдок собственными руками снял с меня мужскую одежду, оставив нижнее бельё, а после надел лёгкое белое платье из газовой ткани. Да, на белом капли крови смотрятся куда гармоничнее.

— Вначале я хотел прост убрать с дороги того, кто стоит за твоей спиной. Но тут мне пришла в голову одна идея: если даже я не знаю, что это за человек, другие тоже. Канцлер был почти неуловим, а тут допустил такую ошибку — связался с тобой. Теперь это будет просто: убрать надоедливого герцога и выполнить, наконец обещание, данное моему брату.

— Ты про ублюдка старшего? — Зря спросила. Удар на этот раз был гораздо сильнее. Не спасла даже короткая цепь, удерживающая меня на ногах.

— Никогда не стоит меня провоцировать, моя дорогая. Нам предстоит ещё много и много ночей тесного общения. Только ответь, кто за тобой стоит?

Кажется, из-за этой ситуации я стала слабо соображать... Или мои мысли вели меня совсем не в ту сторону. Причем здесь Кенан к его брату? Из-за Сессилии? Но девушка уже сама почти стала недоступной. Если остался последний шаг и никто в этой жизни не заставит Сессилию выйти замуж против её воли.

Я окончательно растерялась. Вместо того, чтобы включить голову и думать, как отсюда выбраться и узнать, правду ли говорил Фитха, я стояла и смотрела на него, пока меня не осенила одна простая вещь:

— Лала не брат Мойды, — пробормотала я, глядя на эти ямочки и знакомые глаза, — он её сын...

— Ублюдки шлюх меня не интересуют. Повторю свой вопрос ещё раз. Кто. За. Тобой. Стоит?

— Тот, кто тебе не по зубам, — криво усмехнулась я, наблюдая, как смазливое лицо искажается гримасой ярости, — удивлён? Он конкретно перешёл тебе дорогу, не так ли? Сколько дохода ты потерял? Половину? Больше? Дай угадаю, вокруг тебя осталось так мало людей, потому что ты не знаешь, кому можешь доверять. Кто-то откровенно напуган, кто-то тебя предал, иначе как кто-то мог узнать о твоих секретах? А, Фитха?

— Ты, мерзкая дрянь, — он приблизил своё лицо к моему так близко, что я ощущала его рваное, горячее дыхание, — думаешь, кто-то за тобой придёт? Ради кого ты терпишь всё это? Твоя жизнь окончена. Макбул лично закроет тебя в темнице и больше не выпустит. Я смогу вернуть свою маленькую империю, но как ты вернёшь обратно свою жизнь?

— Может, ты и прав, что Макбул запрет меня в тюрьме, наверняка прав, что моё имя безнадежно будет испорчено твоими стараниями. Но ты глубоко заблуждаешься в одном: точка невозврата пройдена. Твоей империи больше нет. А если ты настолько глуп, чтобы это понять, то мне тебя жаль.

Фитха ничего не ответил. Он вообще больше ничего со мной не сделал, а просто молча вышел из помещения, забрав единственный факел, оставив меня одну, в темноте.

Я думала, что легко отделалась, но нет. Вначале просто стояла, пытаюсь найти более удобную позу, от которой ногам бы стало хоть немного легче. А потом пыталась хоть как-то согреться, но всё безуспешно.

А после, пришло самое плохое... Мысли.

А точнее, воображение. Только сейчас я поняла, насколько страшно потерять контроль над происходящим. Меня наверняка ищут, вот только найти мог только Тыковка, но он, кажется, потерял ту мистическую связь между нами.

Что Фитха имел ввиду, говоря о своём брате и Макбуле? Ну не верю я, что дело лишь в Сессилии. Нет, она, конечно, девушка невероятная, но что-то всё равно не вязалась. Казалось, то ответ на поверхности, но я всё больше и больше теряла способность связно мыслить.

Я не знаю, как мне удалось простоять в темноте и холоде столько времени. Пару раз я вроде как засыпала, пару раз мне казалось, что я слышу пения рассветных птиц. А порой даже чудилось, что я вижу что-то или кого-то в темноте. Но всякий раз, когда казалось, что я вот-вот услышу до боли знакомое фырканье во тьме, ничего не происходило.

Со сжатыми от усилий зубами я старалась сбросить с себя эту чёртову сеть. Вроде как почти удалось, но она зацепилась за кандалы на ногах. Бессильная ярость придала сил. От отчаяния я стала прыгать на месте на бесчувственных ногах, поднимая шум.

Вроде, почти получилось. Мой шум перебивал лишь топот ног. Кто-то бежал к двери из-за созданного мною грохота цепей.

— Ну же, — совсем чуть-чуть осталось, — давай же, падай!

Сеть спала одновременно с открывшейся дверью. Это был человек Фитхи, не он сам. Но мы оба в шоке наблюдали за самым странным, что доводилось видеть: подо мною расплывалось болото. Самое настоящее болото! И нет, это не от того, что леди Моэр опростоволосилась, а из-за того, что меня сейчас окружало с десятков душ с болот Найран-Моэр.

— Магия! — Заорал бандит, бросившись прочь.

Я бы тоже заорала от страха, но удивления было всё-таки больше. Вместо Тыковки меня нашли мои же призраки, и принесли за собой болота, которые затягивали меня в трясину.

Под молчаливыми взглядами духов болота затягивали меня всё глубже. Спустя несколько секунд я была в погребена с головой, со связанными за спиной руками и без какой-либо возможности шевельнуться. Меня будто зажали в тиски. Пульсирующая болотная топь продолжала погружать моё тело в себя. Казалось, что я продолжала опускаться всё глубже и глубже. Но внезапно я почувствовала свободу в руках.

Это было так неожиданно, что на секунду показалось, будто я могу свободно шевелиться, а тиски и вовсе ослабли. Но всё прекратилось с пронзающей болью в плече. Если бы в лёгких остался воздух, я бы закричала.

Всё прекратилось так же внезапно, как и началось. Тыковка вытащил меня за плечо из топей, и я рухнула на землю, жадно хватая ртом воздух.

— Добрый вечер, леди Моэр, — Густав, как всегда непоколебимый, накинул мне на плечи вязанную шаль.

— С-спасибо, — я тряслась то ли от холода, то ли от страха.

Все призраки вернулись на болота, сейчас они молча стояли сплошной стеной, перед лежащей мной на земле.

Я настолько привыкла смотреть на них, как на духов с болот, что забыла об одной простой истине: это ведь человеческие души со своим прошлым, стремлением и желанием. Мать Сони была тем самым первым случаем, показавшим, что они здесь заложники, а не

ради меня.

— Они пришли за мной... Что они здесь делают? — Спросила Густава, не отводя взгляда от безмолвных соседей.

— Уже не особо важно, как они здесь оказались и почему не могут уйти. Лучше спросите, чего они хотят именно от вас?

— В первые дни, мне казалось, что их целью было напугать меня до смерти...

Густав улыбнулся так, будто для него в этом мире не осталось ни единого секрета:

— Упокоения. Канрат был прав в своих предположениях насчёт возникновения болот. Более сотни лет назад в этом лесу казнили десятки магов, их семьи и детей. Их обвиняли в том, что они принесут погибель этому миру, что было совсем не так. Многие люди были добры душой и чистыми сердцем, но обладали огромной силой. Это место не смогло принять всю покинувшую силу магов в себя, ему пришлось переродиться во что-то иное. Именно поэтому лес и болота оберегали покой пленённых здесь душ. И именно поэтому они открылись перед вами, леди Моэр.

— Но я ведь не маг, между нами ничего общего.

— Но вы их увидели. Их боль, их красоту, их стремление. Лес вам открылся, потому что вы увидели его истинную суть. Болота вам помогают, потому что вы их не испугались. Души вам явились, потому что вы можете их слышать. Вы похоронили ту женщину, принося ей покой. Вы оставили её память, написали её имя на могильной плите. Вы завершили её историю так, как оно и должно быть. Вы не можете понять, как вы могли увидеть истину, не обладая силой магии?

Я отрицательно покачала головой, кутаясь в тёплую шаль.

— Люди обычно пропускают этот мир в погоне за своей смертью. Вы же были настолько опустошены и потеряны, что не просто потеряли свою дорогу, у вас её вообще не осталось. Только лишь это позволило вам остановиться и прислушаться.

В Найран-Моэр никто не спал. Во всех окнах горел свет, у дома стояли лошади без всадников, на которых Тыковка презрительно фыркнул.

Дети заметили меня первыми. Они бросились обнимать их нерадивую леди, абсолютно игнорируя то, насколько грязной я была. Плача, они наперебой рассказывали, как меня все искали, как они боялись, как не могли найти себе места.

— Сколько времени меня не было? — Шёпотом спросила я Густава.

— Два дня. Тыковка нервничал больше всех, казалось, он и вовсе ни чувствовал вас как раньше.

В подтверждение слов дворецкого, Тыковка вклинил свою голову между детских ручек, в поисках своей порции тепла и ласки.

— А чьи это лошади на улице? — Едва успела спросить, как тут же получила ответ.

Смесь из холодка страха и уже почти привычного тепла разлилась внутри. Ему не нужно было и слова говорить, каким-то шестым, седьмым, десятым чувством я могла знать, что Кенан рядом, ещё до того, как увижу его чёрные глаза.

— Леди Арманд, — холодно поздоровался он.

— Леди Моэр, лорд Макбул, добрый вечер, — улыбнулась я.

Всё, конечно, хорошо, но что он здесь делает? Сессилию не спросишь, она уже увлечённо о чём-то говорила с Мойдой, качая Лалу на коленях.

— Мы с Тыковкой весь город обежали, — тараторил Бахо, — а Сони всех-всех-всех расспрашивал, но никто ничего не видел.

— Ты чего одна пошла!? — Сони злился по-настоящему, — мы же договаривались!

— Лала! — Выказал свою порцию недовольства малыш, но его тут же отвлекла Сессилия, пощекотав за ушком.

— Думаю, нам тоже следует поговорить, — проговорил Макбул, — без лишних ушей.

— Дадите мне пару минут привести себя в порядок?

— Чем ваш образ отличается от тех, что мне уже доводилось видеть?

Стукнуть бы его разок по лбу.

— Прошу вас в моей кабинет, Густав, проводите его светлость.

Вот ещё, подождать две минуты не может. Я от грязи уже чесаться начинала, а добавить ещё белое, почти прозрачное платье в болотной тине, так видок получался так себе. Шаль прикрывала грудь и то, о чём юные леди не говорили в высшем обществе, но вот ногами полюбоваться мог каждый.

Я залетела в спальню, стягивая с себя грязное, белое платье. Ещё и потопталась на нём для отведения души. На ванну, конечно, времени не было, но быстро сполоснуться всё же успела.

Все мои вдовьи платья в количестве двух штук Равиль, наверное, забрала на чистку. Пришлось натягивать штаны, которые по размеру больше подходили худенькому Бахо. Ну, ничего, все выпуклые части можно прикрыть выпущенной рубашкой.

— О чём вы хотели поговорить, ваша светлость? — Макбул расслабленно сидел за хозяйским столом, перелистывая учётную книгу Найран-Моэр. Все по-настоящему важные записи я держала в другом кабинете. Пусть листает себе на здоровье.

— Что может связывать такого человека, как Фитха и безобидную, спокойную, не приносящую проблем вдовствующую баронессу, по словам самой вдовствующей баронессы? — Он бегло прошёлся взглядом по мне, прежде чем уставиться своими черными глазами прямо мне в лицо.

Не успела и глазом моргнуть, как он в два шага оказался рядом со мной. Длинные пальцы аккуратно схватили мой подбородок, поворачивая лицо к свету.

— Это он сделал?

— А кто ещё? Среди моих друзей не принято в качестве аргументов раздавать пощёчины.

— И что же мне оставалось думать, когда на пороге моего дома оказалась Сессилия с братом, десяток вооружённых солдат, как выяснилось, принадлежащих леди Моэр, тридцать приютских детей во главе с лошадьё, сожравшим галстук моего дворецкого? А после вы самостоятельно вернулись домой полуголая, и вполне довольная?

— Вы сейчас серьёзно? — Я отшатнулась, — то есть вы сейчас спокойно заявляете, что я любовница Фитхи?

— Ваши пути в преступных делах весьма часто пересекались, — он убрал руку за спину.

— Что ж, ваша светлость, назовите хоть одно преступное дело, где я была сообщницей Фитхи. Между прочим, это вас он собирается подставить, а не меня.

— И как он сможет это сделать?

Я замолчала, на секунду.

— Ну, возможно, где-то есть и моя вина, — я честно пыталась не отводить глаза, но проиграла эту битву с собой, — совсем небольшая. Так, лёгкий укол репутации, не более. Вы справитесь.

— Леди Арманд, — вкрадчиво начал он, — что из ваших действий может повредить

моей репутации?

— Помните, вы дали мне право приобретать имущество? Там была ссылка на какой-то пункт из свода законов, который разрешает ещё и вести дела.

— Что-то мне подсказывает, что я зря оставил наблюдение за вами, полностью доверившись здравому смыслу. На моём столе лежат несколько отчётов о ваших делах, что я там увижу?

Я посмотрела на Макбула. В последний раз мы встречались, когда Сессилию похитили. Тогда он выглядел уставшим, но сейчас под глазами герцога и вовсе залегли тени.

Он же занимается заговором против короля. Или что там происходит.

— Я приобрела парочку зданий с сотрудниками. Ну и в некоторых изменила общее делопроизводство, так сказать.

— Точнее.

— Бордели. Я владею шестью борделями, — наконец-то я увидела на лице герцога те самые живые эмоции, по которым скучала больше, чем могла сама себе признаться, — о книжном магазине и издательстве вы знаете.

Он кашлянул, но готова поклясться, что герцог только что попытался скрыть смех.

— Это всё? — Спросил он спустя минуту молчания.

Дайте подумать. Книжный магазин, бордели, контрабанда, подземные пути, вывод беженцев из города, охранное агентство, опять-таки, набеги на людей Фитхи, поставка краденной руды...

— Всё, — и ведь почти не обманула.

Вряд ли Фитха держал меня где-то в городе. Может, до него ещё не донесли, что вероломная леди Моэр сбежала из его плена. А, может, донесли. Так или иначе, но стоило остановить его, прежде, чем он нанесёт вред Макбулу.

Уже была глубокая ночь, но после ухода Макбула, никто не разошёлся по кроватям. Все сидели за огромным столом и рассказывали мне последние новости. Как выяснилось, Макбулу на самом деле в последнее время было не до меня: заговоры и даже покушение в королевском дворце; в городе пропадало много людей, подлежащих аресту и нет. Некоторых из них я сама и увезла из столицы, чтобы спасти от Фитхи, о некоторых слышала впервые, а некоторые — помогали мне.

За два дня многое изменилось на самом деле. Но всё, что я начала, работало как часы. И, к моему глубокому удивлению, никто из моих «партнёров» ни слова не сказал ублюдку, хоть тот спрашивал, скажем так, настойчиво.

— Фрост перехватил человека Фитхи, — Атар вошёл в столовую, широко улыбаясь, — у тебя есть день форы, дамочка. А потом Фитха, не получив новостей, отправит людей всё проверить.

— Что ты будешь делать? — Сессилия выглядела не менее уставшей, чем все остальные, но в глаза светился такой боевой настрой, что и меня захватило. В её интересах было избавиться не только от Фитхи, сколько от его брата.

— Фитху нельзя призвать к ответственности, потому что у короны банально не хватает доказательств. А где есть следы, там уже в дело вступает его брат, которого и тронуть-то никто не смеет, так?

— Да, — все дружно согласились.

— Я не сильна в королевских интригах, но кому выгодно смерть наследника? — Сейчас уже никто не ответил, — тот, у кого есть право наследования. Кто у нас в очереди на трон?

— Кузен принца, у короля с королевой больше нет детей.

— А вот здесь вы ошибаетесь, — я подняла указательный палец вверх, — у короля с королевой детей нет, но только у короля — есть.

— Ты хочешь сказать, что Рейнальд осмелится заявить права на трон? — Сессилия и Трей скептически переглянулись.

— Подумай, а зачем ему нужна была ты? — Я посмотрела на девушку, — ты, конечно, красива и благородна, но дело не может быть только в этом. Слишком странно, ради красивой девушки пойти против её жениха, который, на минуточку, является Верховным Канцлером.

— В этом есть смысл, Сисси, — Трей посмотрел на сестру, — женившись на графине, дочери бывшего десницы, он половину знати притянул бы на свою сторону.

— С моей помощью он собирался захватить трон? — Девушка в гневе сжала кулачки.

— Заговоры так быстро раскрывались Макбулом, что кажется, будто никто всерьёз и не думал привести их в действие. Но пошатнуть позицию короля — как раз плюнуть. Плюс, из-за моих делишек Фитха решил подставить самого Макбула. Обвинить его в том, что сделала я.

— Но это опасно, он потеряет должность и репутацию.

— А вот и нет, — я широко улыбнулась, — урон репутации возможен, но минимален. Но, Трей, — я повернулась к молодому человеку, — ты сам видел все мои бумаги. Хоть где-нибудь я нарушала закон?

Он задумчиво нахмурил брови, перебирая в памяти все тонкости моего «бизнеса»:

— Нет. Всё составлено в договорах, заверено поверенным с королевской печатью. На редкость тонкое ведение дел, леди Моэр.

— Макбула я предупредила о борделях, которые, кстати, сейчас и не бордели вовсе. Если его и обвинят в том, что он дал слишком много свободы мне, то и похвалят. Он закрыл то, что было бельмом на глазу у народа много лет.

— Почему Фитха так уверен, что этим может навредить Макбулу?

— А вот здесь я не уверена до конца, — пришла моя очередь хмурить брови, — мне показалось, он торопится. Слишком поспешные сделал выводы. Фитха уверен, что за мной кто-то стоит. Докопаться до конца для него было бы не так уж и сложно, но выводы он сделал слишком поспешные.

— Куда он торопится? — Спросил сонный Бахо.

— А что у нас предстоит грандиозного в ближайшее время?

— Зимний бал! — Ответили все хором.

— И что в этом такого?

Сессилия совсем не как леди закатила глаза. Может, я действительно плохо влияю на девушку?

— Крон-принц будет впервые представлен. Ему десять. После покушения слишком опасно представлять принца при дворе, но, если король этого не сделает, его обвинят в слабости.

— А если на принца будет совершено покушение прямо на балу?

Повисло молчание.

— Король потеряет корону, — тихо ответил Трей.

— Так это же прекрасно! — Под общее недоумение я хлопнула в ладошки, — да поймите вы, схватим Рейнольда на поличном, ему не сбежать от наказания. Не будет

Рейнольда, не станет Фитхи! Он уже половину города и людей потерял. У него остался единственный человек, который способен помочь выстоять против нас — его брат.

— Мы идём на бал?

— Как мы схватим Рейнольда при попытке покушения?

— Это же опасно для принца!

— Надо рассказать всё Макбулу!

— У меня есть идея, — медленно проговорил Атар.

Вот за что я люблю свою команду, так это за всеобщий сдвиг крыши, которым они заразились от меня. Макбулу решили ничего не говорить, чтобы, если что-то пойдёт не так, к нему не было претензий со стороны короля.

— Это просто невероятно, — прошептала я, глядя на молодого мужчину, с которым меня решил познакомить Атар.

Сессилия, одетая в мужское, так же как и я, выглядела потрясённой. Она единственная из нас всех видела принца несколько лет назад вживую.

— Вы долго будете ещё на меня глазеть? — Недовольно пробурчал мужчина.

— Вы правы, извините, просто...

— Просто я мелкий, — обиженно кинул он.

И да, он действительно был маленьким. Не карлик, в привычном понимании, по которому так или иначе легко определить возраст. Этот мужчина действительно выглядел как ребёнок. Даже голос детский.

— Зато как удобно работать трубочистом, а, Пикс? — Атар подмигнул своему товарищу и тут же получил пинок по ноге.

— Вы всерьёз хотите, чтобы я притворился принцем?

— Только на пару часов, — клятвенно заверила я его.

— Как я попаду во дворец? Почему канцлер не пришёл с такой просьбой?

Мы переглянулись.

— Во дворец тебя проведёт леди Моэр, — ответил Атар, игнорируя вопрос про Макбула.

— Мы не дадим вам умереть, обещаю.

Пикс молча смотрел на нашу процессию, а потом пристально — на меня.

— Я слышал о тебе, леди, — если бы не глаза взрослого человека, я бы подумала, что со мной говорит один из приютских детей, — думаю, ты знаешь, что делаешь.

— Атар, ты гений! — Воскликнула я уже на лице, натягивая кепку на лицо.

— Знал, что ты оценишь, дамочка, — он усмехнулся.

— Не верю, что мы действительно на это пойдём, — прошептала Сессилия, глядя в чистое небо.

— Ты сама видишь, сколько людей встало против Рейнальда с ублюдком, — я пожала плечами, — и, судя по донесениям, они действительно к чему-то готовятся.

— Люди короля готовы пойти на измену, пусть это и для защиты принца, — согласился со мной Трей. — Они готовы пустить во дворец Фроста с командой и остаться в спальне, с маленьких принцем, когда мы сделаем подмену.

— Как мы защитим Писка?

— Он взрослый, будет смотреть на всё более критично, плюс, у нас есть Тыковка. Надо только их познакомить лично перед тем, как всё начнётся. И пусть ничего не есть и не пьёт.

— Мы сумасшедшие, — проговорила Сессилия, улыбаясь, — все мы.

— Зато какие обаятельные!

Чем хорошо иметь верных людей везде, так это тем, насколько развязаны руки. Фросту королевская стража поверила безоговорочно. Они были верны королю и ради защиты маленького принца готовы нарушить закон. Нам никто не помешает пробраться во дворец. Никто не знал, сколько людей Рейнальда было в замке, поэтому решили пробираться по моим путям, то есть, по старым добрым канализациям.

Вот только без меня.

Сессилия настояла на том, чтобы и я объявилась на балу. Поскольку я была из знатного рода, то тоже получила приглашение. Но я закинула его в дальний угол под неодобрительным взглядом Густава, сейчас пришлось его достать.

Фрост и Атар должны были пробраться во дворец по моим путям, прихватив Тыковку, пока скандальная леди Моэр появляется на балу, во-первых, без сопровождения, во-вторых, в слегка провокационном наряде, в-третьих, подбешивая Фитху и его брата тем, что я не только сбежала, так ещё и жива-здорова.

Сегодня весь город гудел, так что бегающие туда-сюда приютские дети ни у кого не вызвали вопросов. Но они принесли мне много интересных новостей. Рейнальд готовил корабль к отплытию, но, кажется, сам плыть на нём не собирался. Фитха собрал людей в своём логове, они целый день не выходили оттуда. И зачем-то заказали целый ворох платьев.

На всякий случай сказала Фросту и Гроту остерегаться служанок.

В доме мадам Трутин меня уже ждали девушки:

— Хоть мы и торопились, платье ещё не готово, — Римма выглядела грустной, — зато в итоге будет, что надо!

— Чёрное, как вы и просили, — другая девушка подбежала ко мне с мерной лентой, — надо только воротник подогнать.

— Быстренько раздевайтесь, примерка много времени не займёт!

Пять минут спустя я стояла перед зеркалом во весь рост, обалдевши разглядывая себя.

— Откуда у меня грудь? Раньше её не было, — шокировано выдохнула я.

Девушки сшили платье в моём стиле: мрачное, но классическое. Только на этот раз они вшили под ткань плотный корсет, придающий моей талии такую точённость, что казалось, обхвати рукой — сломаешь. Все мои вдовьи наряды были наглухо закрытыми, но сейчас сквозь смелое декольте я любовалась красивыми очертаниями груди, хоть длинные рукава и закрытые плечи девушки решил оставить.

— Вот здесь, видите? Девчонки, у меня есть грудь!

— Я против вдовьей вуали, — пробормотала одна из них, рассматривая мои волосы.

— Думаю, надо строгий пучок и тиара баронессы, — согласилась другая, — у вас ведь есть тиара баронессы?

— У меня есть знакомый ювелир, который одолжит на вечер, — отмахнулась я, возвращаясь к самолюбованию.

— Через часа три платье будет готово, леди Моэр. И поверьте нам, вы будете неотразимой.

— Это точно, пусть оно и чёрное.

Чем ближе был бал, тем больше меня потряхивало. С Моими людьми я потеряю связь как только пересеку ворота дворца. Фрост и Грот проведут Пикса в замок, заручившись поддержкой личной королевской стражи. Тыковка проникнет в комнату настоящего принца, для него сделают полумрак. Одна из служанок должно невзначай погасить свечи и недалеко

от трона в тронном зале.

Сессилия должна будет время от времени отвлекать Рейнальда, на всякий случай, а на мне — Фитха. То, что они совершат покушение на принца, никто не сомневался, мы просто не знали, как именно. Мы постарались учесть самые очевидные варианты, но вероятно мы многое не предусмотрели, поэтому надо ещё подстраховаться.

Карета за мной приехала, но, прежде, чем отправиться на Зимний бал, я решила зайти на болота.

Духи безучастно поприветствовали меня. Я смотрела на казнённых магов, и сердце сжималось от боли. Сколько они здесь скитаются? Сто лет? Двести, больше?

— Я знаю, как вам помочь, — хрипло проговорила я душам, — я знаю, сколько раз помогали мне вы. Мне жаль, что я пользовалась вашим даром в корыстных целях. Молю лишь о последней самой последней помощи. Это важно для мира и спокойствия.

Они выстроились полукругом. Один из призраков указал рукой на болота, и я поняла без слов. Вытряхнула всё барахло из ридикюля, и положила горсть болотной земли.

Магия, не магия, но преимущество эффекта внезапности ещё никто не отменял.

— Её благородие, вдовствующая баронесса леди Аделаида Арманд Найран-Моэр! — Оповестил голос моё прибытие.

Меня ослепило от тысяч зажжённых свеч и от блеска драгоценностей на шеях и головах местной знати. В огромном зале, казалось, собралось несколько сотен гостей. По негласному правилу все были облачены в холодные тона: от бело-голубых до тёмно-синих. И только я, такое тёмное пятно на местной короне, спускалась по широкой лестнице, держа каменную мину.

Нет, вначале даже попыталась улыбнуться незнакомым людям, но как-то не совсем приветливо на меня смотрели близстоящие благородные леди и лорды.

Ну и фиг с ними. Кушайте, не обляпайтесь.

Кому-то было на меня плевать с высокой колокольни, а кто-то не стесняясь начал шушукаться со своими парами и подругами.

— Она пришла одна! Какой стыд!

— Какой наряд! Вульгарно! — Знали бы, кто мне платье шил, в обморок грохнулись бы. И поверьте, милый дамы, для них это верх добродетели.

— Она водит дружбу с Фитхой! Он даже помог ей дело своё открыть.

— Да бросьте, ни одна благородная леди не посмеет связать себя слухом с таким человеком.

— Тогда как её дело процветает? Вы всерьёз думаете, юная девица могла додуматься до проекторов и печатных станков? — Возразил мужской голос.

Я застыла. Их мнение о моих умственных способностях не волновало ни сколько, а вот связь с Фитхой оскорбляла до глубины души. И тот тон, с которым эти слова были брошены, намекающий не на простую связь, а вплоть до любовной, разозлил. Я и так была на нервах.

— Добрый вечер, лорд и леди Эдмонд, — улыбнулась во весь рот достаточно вежливо.

— Леди Моэр, это правда, что вас не единожды видели в неких домах в обществе людей с сомнительной репутацией? — Леди Эдмонд было привлекательной женщиной чуть за сорок. Вот только чуть снисходительное выражение лица было явно напускным и ей не шёл абсолютно. У моей мачехи это получалось естественно, что придавало ей некий шарм.

Стоило подумать о мачехе, как спину начало жечь. Неужели она здесь? А отец?

— Если ваш муж — человек с сомнительной репутацией, то правда, — всё так же вежливо ответила ей. Лорд Эдмонд побледнел, — скажите, лорд Эдмонд, ваша привычка бить женщин, даже тех, кому вы вынуждены платить за их общество, это детская травма или единственный способ доказать вашу мужественность? — По бокам послышались возмущительные возгласы, — оу, прошу, не волнуйтесь. Вы же знаете, что некоторых сотрудников для моего издательства я наняла из закрывшихся увеселительных заведений. Одна девушка сказала, что он бьёт как девчонка. Никакого вреда, — Супружеская чета сейчас напоминала окаменевших статуй. Готова поспорить, она раз десять успели пожалеть, что задела меня своими погаными языками. Я доверительно положила руку на плечо Эдмонда, вызвав новую волну ахов и вздохов, — благодарю вас за то, что вы такой слабак. Девушки могут спать спокойно. А сейчас, прошу меня простить, меня ждёт более приятное общество. Дам возможность пообсуждать меня за моей спиной ещё немного.

Сзади послышался звонкий смех.

— Я хотела познакомить тебя со своими родителями, но не могла устоять услышать продолжения этой беседы, — Сессилия аккуратно чмокнула воздух за моим ушком, и шёпотом спросила, — что ты сделала с глазами? Выглядишь просто невероятно!

— Вазелин и сажа, тушь и подводка называется. И немного теней, потом тебя научу.

— Батюшка, познакомься с леди Моэр, моей близкой подругой, — проворковала Сессилия мужчине с грустными складками на лбу.

— Скандальная революционерка, — он по-доброму усмехнулся, и взял мою руку, затянутую в чёрную, кружевную перчатку, оставив на ней поцелуй, — для меня честь познакомиться с вами.

Я посмотрела в умные глаза, ища подвох. Естественно, для меня было волнительно заявиться в высшем обществе со своей вопиюще неприличной репутацией. Да, обманывала себя не единожды, что мне плевать, но будем откровенны: нелегко находиться там, где вокруг тебя образуется пустота из общественного отчуждения, а за спиной то и дело говорят всякие гадости. Именно поэтому слова лорда Лавариан были так важны. Особенно от того, кто столько лет был десницей короля, у кого целая свита из благородных и мудрых сторонников.

— Польщена вашими словами, лорд Лавариан, — я улыбнулась искренне.

Меня так быстро закидали вопросами о моём издательстве, книгопечатании, и, особенно о моих банковских новшествах, что не сразу заметила, как возле нас образовался круг из лордов, интересующихся моим мнением по поводу некоторых производственных вопросов. Моим мнением!

— Все на месте, — чуть слышно бросил один из моих людей, переодетый в слугу, — ваше шампанское, леди Моэр, — добавил он уже громче.

В зале находилось как минимум пятеро моих людей. Мы подобрали самых, как бы грубо это не звучало, симпатичных. Многие из отряда Фроста были потрёпаны войной или выглядели простовато. Я доверилась Сессилии и Трею в вопросах, кого мы поставим на пост подавальщиков.

Внутри созрел очевидный вопрос: вот здесь мои люди, наверняка подменыши и со стороны Рейнальда и Фитхи, а сколько в зале настоящих королевских слуг?

— Аделаида? — Давно забытый голос вырвал из пучины размышлений.

Жаль, я так и не узнала имени своей мачехи. Она выглядела гораздо хуже, чем раньше. В

глазах погас огонь, на шее виднелись синяки, которые она пыталась скрыть за накрахмаленным воротничком.

— Рада вас видеть, — может, она и удивилась моим словам, но говорила я истинную правду, подалась порыву, и крепко обняла женщину.

Может, это было очередным вопиющим нарушением общественного протокола, но на моё объятие спустя мгновение подалась и мачеха. Я почувствовала несмелые ответные объятия, от чего внутри стало теплее.

— Как дела дома? Как мои братья? — Намеренно проигнорировала подошедшего папашу. Теперь мы в одной весовой категории, упырь. Только попробуй сунуться.

— Мы заключили выгодные условия для их брака, — сухо проговорила она, недовольно поджав губы.

— Вижу, ты тоже весьма не дурна, стала даже краше, — пробасил отец, намекая на мой четвёртый брак.

— Благодарю. У меня слишком много дел, чтобы связывать себя новыми узами брака. Тем более, не хочу делиться своим состоянием ни с кем.

О да, он был наслышан о моём прибыльном предприятии. А уж круг из уважаемых лордов, с которыми я беседовала по деловым вопросам, так вовсе явилось лишним доказательством, что его дочь вполне справилась сама, даже пришла к успеху.

Казалось, мачеха хотела мне что-то сказать, но нас прервал багровый папаша, который начал тихим тоном читать о моральном долге дочерей, о том, как унижительно я отказалась от его титула и фамилии, как должна была вернуться домой, помогая семейному бюджету и бла-бла-бла.

Но в зал вошли двое, отвлекая нас от такой «содержательной» беседы, в виде монолога моего папаша о своей нерадивой дочери.

Я впервые видела Рейнальда. Оказалось, он был противоположностью Фитхи. Вместе симпатичного брүнета брата, передо мной стоял расплывшийся в талии блондин. У него был настолько отвратительный, обрюзгший рот, что волей-неволей вызывал сравнение с жабой.

И почему я сейчас вспомнила о бароне Тюрени? Так похожи.

Я отсалютовала бокалом Фитхе, который умело скрыл минутное замешательство за ответной улыбкой.

— Козёл, — тихо бросила в бокал.

— Кто, леди Арманд? — Макбул подошёл незаметно.

В отличии от всех присутствующих, он выглядел очень и очень напряжённым. Складка между бровей стала ещё глубже. Уголки рта опустились на красивом лице, которому так не хватало улыбки.

— Да неважно, добрый вечер, ваша светлость.

— Вам нужно немедленно уйти, — проговорил он так тихо и прямо на ухо, вызвав новую волну перешёптывания.

Присутствующие непонимающе бросали взгляды то на нас с Кенаном, то на Сессилию, которая мило ворковала с Рейнальдом. Бедненькая.

— Прошу вас объясниться, — прошипела в ответ, — или вас тоже оскорбляет моё общество?

— Не сейчас, леди Арманд, очень прошу, просто уйдите.

— Нет уж, сейчас, — я повернулась к Кенану, — объяснитесь сейчас. То вы относитесь

ко мне весьма благодушно, даже помогаете, то потом становитесь холодны, как север, явно в чём-то подозревая меня. А после вообще намекнули на связь с ублюдком. Так в чём вы меня подозреваете, лорд Макбул? Про мои выходки в нижнем городе вы знаете, не можете не знать, но так же прекрасно осведомлены, что закон я не нарушила. Не спорю, злоупотребила вашей печатью, но даже это в рамках закона. Может только вне морали. Но это вещь весьма субъективна. И если вы в очередной раз уйдёте от ответа, клянусь всем святым и собственной свободой, я вас ударю.

Впервые за долго время на лице Кенана появилась та самая усмешка, по которой я скучала. Только слегка грустная.

— Осторожнее, леди Арманд, уже много кто хочет поставить некую леди на место.

— Например, вы?

— Боюсь, в этом деле я уже не преуспел.

Договорить нам не дали. В зале раздался стук, а после оповестили о выходе супружеской паре и наследника.

— Его Величество Король Черасса Орнульд Тирр Третий! Её величество, королева Черасса Лилиан Филиат Орнульд! Его высочество принц Тарнан Орнульд!

Королевская чета выглядела, ну... как королевская чета: запредельно благородно и возмутительно богато. А вот Пикс, простите, принц, вот-вот сорвёт нашу операцию. Ни у кого и сомнений не возникло, что перед ними принц, вот только смотрел он на всех настолько взросло и надменно, что вот-вот выдаст себя с потрохами.

Он быстро нашёл меня взглядом. Я выпучила глаза, намекая на то, что он делает что-то не так. Пикс сообразил сразу, соорудил растерянное выражение лица, опустил глазки в пол, и больше ни на кого не бросал пренебрежительные взгляды.

Рейнальд не заметил подмены, но чуть предвкушающее улыбнулся, когда появился маленький принц. Если раньше была крошечная капля сомнений, то сейчас она испарилась, не оставив и следа. А вот Фитха куда-то исчез.

— Что здесь происходит, — проговорил Кенан больше про себя, чем спрашивал меня на самом деле.

Ну, то, что он заметит подмену, можно было догадаться, а вот как родители не узнали своего ребёнка — загадка.

— Леди Арманд, где принц?

— В своей комнате с вашими и моими людьми, — я и не знала, что его глаза способны стать ещё чернее, — с ним всё в порядке. Пикс в случае нападения примет удар на себя. Но уверяю вас, он тоже под надёжной защитой.

— Я готов запереть тебя прямо сейчас, — прошипел он.

— Ой ли, — тем же тоном бросила я, переходя на «ты» в ответ, — твоя цель — защитить корону от Рейнальда. Моя — избавиться от Фитхи. Не будет Рейнальда, не будет и Фитхи.

— У Фитхи повсюду руки протянуты слишком глубоко. После устранения его брата, уйдут месяцы, пока я всё не вычищу.

— У меня два предположения: либо ты так и не добрался до своих отчётов обо мне, либо твои люди не очень хорошо работают, Кенан.

Кенан слегка запрокинул голову вверх, чуть прикрыв глаза.

— Считаете до десяти, ваша светлость? — Вкрадчиво поинтересовалась я.

— Вас совсем не интересует собственная безопасность и общественное мнение?

— Исходя из того, что вы слишком долго стоите возле скандальной вдовы, а не со своей невестой — вас тоже.

Перед троном выстроилась очередь из жаждущих высказать своё приветствие и преподнести подарок.

Я удовлетворённо заметила, что мои люди ведут себя «под прикрытием» гораздо профессиональнее, чем люди Рейнальда. Как я это поняла? Да хотя бы из-за того, что они появились после выхода принца, и мне удалось безошибочно вычислить их среди остальных.

Как именно будет проходить покушение? Стрела? Меч? Яд? То, что это будет при всех — это очевидно. Чем больше внимания, тем сильнее урон. Это столица поняла ещё после выхода моих первых газет.

Я встала в очередь перед Рейнальдом, пытаюсь понять, что он приготовил в качестве подарка принцу.

— Не ожидал, что ты способна на побег в одиночку, — услышала голос Фитхи в спину.

— А я не ожидала, что ты способен хоть на что-то без своего братца, — бесстрастно обернулась к нему, — тяжело быть неудачником, верно?

— Ты был прав, — Рейнальд смотрел своими жабьими глазами прямо на меня, но обращался к Фитхе, — с ней пора заканчивать.

От этой простой фразы, брошенной спокойным тоном, стало не по себе. С Фитхой было проще: слишком самонадеян, слишком эмоционален и слишком зависим от влияния своего брата-королевского бастарда. Но вот Рейнальд имел реальную власть и доверие самого короля. И не выглядел тем, кто способен действовать необдуманно. Готова спорить, похищение Сессилии и покушение на Кенана было идеей Фитхи, этот человек так глупо не поступил бы.

Я ничего не ответила. Пришла моя очередь выказать своё почтение королю и королеве.

— Леди Моэр, — король чуть наклонился вперёд, — мне доложили, вы приготовили особый подарок для меня. Говорят, это просто прогресс — эти ваши проекторы.

Я постаралась, чтобы моя улыбка не была чересчур широкой и самодовольной.

— Слова, воплощённые в картинки, позволяют погрузиться в сказочную историю ещё глубже. Очень надеюсь, вашему величеству нравятся сказки.

— Так это вы автор тех сказок? — Королева, которая выглядела скучающей и безучастной, очень вежливо улыбнулась мне. — Я так была впечатлена и смущена, ведь эти истории для детей, а пленили уже взрослую женщину.

— Я польщена, ваше величество.

Я и так продержалась неприлично долго у королевской четы. Но тут масла в огонь подлил Пикс, который подорвался и бросился меня обнимать. Со стороны это выглядело, как выражение признания любимому автору, но мы-то знаем, что это совершенно не так:

— Каминьы не горят, но дымоходы открыты, — быстро бросил он мне и вернулся на свой трон.

— Спасибо, ваше высочество, — присела я в реверансе и удалилась.

Значит, Пикс считал, что нападающие ворвутся через каминьы. Они здесь были огромные, как и дымоходы. Задвижки в них открыли наверняка заранее.

Возможно, это произойдёт во время моего показа. Для проектора надо погасить свет, очень удобно для нападения.

Вот уже выразил своё почтение последний знатный гость. Сейчас королевская пара по идее должна открыть бал первым танцем, но было оговорено, что перед этим надо будет

показать на проекторе сказку о зимних бабочках. Скучнейшая история, но она была классикой и символом зимнего бала: о бабочках однодневках, которые приносят за собой зиму, а после умирают. А зима царствует до весенних бабочек, которые должны прилететь со шлейфом тепла и цветения.

Вот погас свет, и распорядитель объявил о моём подарке. Все устремили свой взор на громадное белое полотно, а я посмотрела на Рейнальда. Теперь он не выглядел таким расслабленным, напряглась и я. Тыковка прикроет Пикса, но всё равно, всегда может пойти что-то не так. А вдруг Рейнальд решит вырезать половину гостей? Тогда будет совсем грустно.

Рейнальд поймал мой взгляд и улыбнулся злой, предвкушающей улыбкой. Ох, как она мне не понравилась. Он решил разобраться со мной прямо здесь и сейчас?

Где Кенан? И где... Где все мои люди?...

В зале ахнули, когда показался первый слайд. Зайедан, а именно ему я доверила рисовать слайды для короля и королевы, постарался на славу. Картинки были настолько живыми и детализированными, что казалось, бабочки сейчас выпорхнут в зал. От самой картинки повеяло сказочным холодом. Распорядитель хорошо поставленным голосом рассказывал историю, которую знал здесь каждый, а с потолка посыпался настоящий снег.

Я на миг так увлеклась волшебством, что пропустила возню у входа, а после, на середине истории зажегся свет.

— Леди Моэр! — Незнакомый мне мужчина в сопровождении гвардейцев, чеканя шаг разрезал толпу, приближаясь ко мне, — вы обвиняетесь в совершении запретного таинства, в использовании магии и заговоре против короля!

В стороне от него стоял Макбул с нечитаемым выражением лица. Он приложил к этому руку? Конечно, это он. Он же Верховный Канцлер.

В зале все ахнули. Несколько молодых дам по очереди грохнулись в обморок, а Рейнальд с гаденькой улыбкой чуть склонил голову.

Если Макбул меня арестовывает, значит, у него есть какие-то веские доказательства, иначе никак. А если нашлись «доказательства» и Рейнальд такой довольный, значит он и подсуетился, чтобы они вообще появились.

Была бы моя воля, я тоже шмякнулась бы в обморок, но я покорно дала надеть на меня кандалы под взглядом сотен пар глаз и вывести меня из бального зала.

Ладно, это ничего. Ничего. Я и отсюда выкручусь, главное, чтобы покушение сорвалось, и мои друзья вывели Рейнальда на чистую воду без меня. Они справятся, я это точно знаю.

Во второй раз в моей жизни я попала в тюрьму. И всё как в первый раз: сырость, плесень, пустая камера с мышами.

А ещё Кенан, который стоял по ту сторону решётки.

— Свободны, — бросил он людям.

Я была растеряна по-настоящему, впервые в жизни лишилась дара речи.

— Вы поэтому так настойчиво просили меня уйти? Знали, что меня арестуют?!

Кенан молчал. Я нервно расхаживала по камере, теряя над собой контроль.

— Магия, да? Меня обвиняют в использовании магии? И что ещё за запрещённое таинство?

Макбул молча достал тот самый лист, который я унесла из особняка моего отца.

— Это таинство позволяет не одарённому человеку после принесения кровавой жертвы забрать магию другого человека. Вот только есть разница между тем, кто родился с даром, и тем, кто его украл: для последних магическая сила — это чужое присутствие внутри, которое живёт само по себе. Такие маги бесконтрольны, они меняются до неузнаваемости, а порой даже забывают своё прошлое.

— И ты так уверен, что я принесла эту кровавую жертву, потому что не вспомнила нашу первую встречу?

— Не совсем...

— Или потому что я изменилась? — Перебила его, всё больше распаляясь, — за это меня сюда упекли, а потом казнят, да, Кенан?

Я ожидала чего угодно от герцога, но только не то, что он рассмеется.

— Леди Арманд, я восхищен тем, как вы всё провернули этим вечером: ваши люди крутятся вокруг короля и принца, королевская стража пошла на преступления, поверив вашим словам, подмена наследника, кстати, а почему ваши люди в женских платьях?

— Тактическое решение, — пробормотала я, теряя нить разговора.

— Моя ошибка — я не сразу обнаружил ваших людей, но вот Рейнальд — моментально. Теперь, когда такая фигура как вы убрана с доски, у него развязаны руки, — просто ответил Кенан. Открывая дверь темницы.

— Так это вы всё подстроили?! — Ахнула я.

— Взял пример с одной взбалмошной леди, которой плевать, по её словам, на мнение общества.

Теперь во второй раз я абсолютно не знала, что ответить.

— Подождите, но ведь обвинение в магии и в этом ритуале взялось не просто так. Вы в этом меня всё это время подозревали? В использовании магии?

Кенан ничего не ответил.

— Тогда почему не арестовали раньше? — Вкрадчиво поинтересовалась я.

Он промолчал и на этот раз.

Поверить не могу! Я всё гадала, что именно изменилось, а этот человек всё это время подозревал меня в смертном грехе и ни слова не сказал!

Да еще и воспользовался своими подозрениями, чтобы поймать Рейнальда, а меня обвинить в страшнейшем преступлении.

— Да ты, — я со всей толкнула его в грудь, — можно и говорить с людьми, спрашивать их! — Ударила ладонями ещё раз, но с таким же успехом, могла пойти пнуть Тыковку, — можно было предупредить, что арест — фикция! Я чуть жизни от страха не лишилась! И я не пользуюсь магией!

— А что мне ещё оставалось думать, Аделаида? — Он перехватил мои руки, — всё, к чему ты прикасаешься, всё меняется. Не бывает такого успеха. Да ещё до третьего твоего замужества ты смотрела на всех трясясь от страха, и слова лишнего не могла сказать! А потом я встречаю женщину, которая бросает мне вызов, мне! а в соседней комнате труп её мужа, который она даже не скрывает! Кому в здравом уме придёт противостоять преступному королю? Все нормальные люди избегают проклятых болот, как чумы, но нашлась та, которая мало того, что ходила по ним сама, так ещё и своих наёмников проводила для контрабанды.

— Ты и про контрабанду знаешь?

— В городе всё переворачивается с ног на голову, естественно я в курсе всего. И скажи

мне на милость, как так получилось, что тобой восхищается главный преступник королевства, хоть вы с ним и не в дружбе, по твоим словам?

— Лучше спроси себя, почему мной восхищается главный поборник закона, хоть она меня и отправил в темницу для своих корыстных целей.

Кенан горько усмехнулся.

— Я допустил ошибку, оставив тебя в покое. У меня есть все основания подозревать тебя в магии, но нет ни одного доказательства, кроме этого листа из запретной книги. Я постоянно наблюдал за тобой, но ты, хоть и ходила по краю, черту ни разу не перешла. Так разубеди меня во всём! Я не ощущаю в тебе магию, но не могу тебя прочесть — а это дар всех магов. Каждый раз, защищая тебя перед всеми, даже перед самим собой, оставался один вопрос, на который я не находил ответа!

Облегчение. Чувство вселенского облегчения — вот что сейчас я испытывала. Кенан не казнит меня, а просто решил воспользоваться моей тактикой коварства и лжи, чтобы Рейнальд почувствовал себя более свободным. Он-то только препятствие во мне видит, а сам Кенан пошёл разбираться в вероломной магичкой, оставив наследника без присмотра. Но я больше, чем уверена, что мои люди посвятили в наш план людей Кенана, что они сейчас заодно, хоть не отсвечивают.

— Я знаю, почему ты не мог прочесть мои мысли, — заговорила, наконец, — и знаю, почему для всех я так изменилась.

— Для всех?

— Для себя ведь я всё та же Аделаида. Только не Арманд...

Он усмехнулся:

— Моэр?

— Закревская, — я набрала воздух в грудь, но так шумно и выдохнула. Подумать над тем, чтобы сказать правду гораздо легче, чем выговориться на самом деле. Но будем откровенны: сейчас или никогда. — Меня зовут Аделаида Закревская. И замужем я никогда не была. В моём мире нет магии, и да, я без понятия, как я сюда попала, но, думаю, после смерти настоящей леди Арманд. И веду себя я так, потому что привыкла. У нас женщины и мужчины равны, но всё равно есть условно мужские сферы, где я и работала. Криминалистом...

— Так, стоп, по порядку, — Кенан выглядел очень и очень расстерянным, явно не такое ожидал услышать, будто он хотел верить, но не мог.

— Я Аделаида Марковна Закревская, в ту ночь, когда мы познакомились, я и попала в этот мир впервые. А позже я узнала, что я и леди Арманд — одно лицо...

Сложно уложить такую историю в сжатый срок. Как бы мне не хотелось рассказать гораздо больше, но просто так сидеть здесь, когда наверху готовится государственный переворот, не было возможности.

— Ты мне хотя бы веришь? — С опаской спросила я.

Он сидел молча, даже, казалось, не дышал. Он ни разу меня не перебил, не задал ни одного вопроса, вообще ничего...

— Скажи хоть что-нибудь! И учти, если заберёшь у меня детей и поместье, я точно разозлюсь!

В темнице было очень тихо. Я слышала рванное дыхание и своё гулко бьющееся сердце. Может, зря я это? За такое ведь тоже казнить могут. А я ещё, вроде как, присвоила чужое вместе с чужим именем. Но герцог молчал.

Он всматривался в моё лицо так долго, ища подвоха, что я уже успела раз сто пожалеть о том, что открыла ему всю правду.

Только мне стало казаться, что он сейчас просто молча выйдет из темницы, как Кенан бросился ко мне и... поцеловал. Настолько рвано и отчаянно, что я не смогла сдержать стон. И кто говорит про женские перепады настроения? Как вам такое?

Всё прекратилось также внезапно, как и началось. Кенан прислонился лбом ко мне, тяжело дыша, а я пыталась успокоить взбесившегося в животе бабочек.

— Прошу прощения, леди Арманд, — хрипло произнёс он.

— Эти ваши этикетки, — фыркнула я и сделала то, о чём так долго мечтала.

Горячая кожа под моими пальцами вызывала сладкое томление, его губы на самом деле оказались гораздо мягче, чем выглядели. Кенан не сводил с меня чёрных глаз, пока я пальцами ласкала его лицо, а потом поцеловала сама. Медленно, глубоко, вызывая ответные стоны вперемешку с рванным дыханием.

— Вы зашли слишком далеко, леди Арманд.

— Не понимаю, о чём вы, ваша светлость, — я всё ещё не отошла от поцелуя.

— Контрабанда, пособничество в побеге, грабежи, мне продолжать? Не хотите ли зайти ещё дальше?

— Это вы на что намекаете, лорд Макбул?

— До меня дошли слухи, что некая леди способна даже ребёнка с королевской кровью вытащить из самого охраняемого дворца в королевстве.

— Верховный Канцлер пойдёт похищать маленького принца? А репутация? На вас же никто не женится! Я точно на вас дурно влияю, ваша светлость.

— Как-нибудь переживу. Ты мне поможешь?

Как я могла ответить отказом?

В замке было много потайных ходов, по которым мы и проникли в комнату принца.

— Леди-хозяйин! — Фрост выглядел дико. Он действительно был в женском платье горничной!

— Это что ещё такое?

— Решили взять пример с той девицы, про которую вы рассказывали, — м-да, из истории о доблести Мулан эти двое подчёрпнули лишь идею, что нет ничего зазорного в том, чтобы переодеться в женщин, если это необходимо для их цели.

— Зато никто и не посмотрел лишний раз на нас.

Только сейчас заметила забитого мальчика в углу. Пикс на самом деле был похож на принца, как брата!

— Выше высочество, — поклонилась в реверансе перед принцем. Мальчик кивнул с королевским достоинством, а потом обратно вцепился в юбку своей настоящей гувернантки.

— Каков наш план, ваша светлость?

— Я полагал, вы у нас мастер в коварстве и интригах, — он на секунду замолчал, с улыбкой глядя на меня, — леди Моэр.

— Покушение сорвется, но все должны обнаружить подмену принца.

— Чтобы Рейнальд потерял терпение и совершил ошибку, — продолжил за меня Кенан.

— Верно. Они пойдут искать наследника, его всё равно хотят убрать, но тут вы с Фростом пойдёте по одной дороге, уводя людей Рейнальда.

— А мы выведем принца по Тракту Чёрной Вдовы.

— Их теперь двое, — прошептал Грот Фросту.

— Но как мы докажем причастность Рейнольда к покушению? Он ведь не своими руками пойдёт на убийство принца.

— Нам нужны свидетели, и Рейнальд в ловушке.

Я задумалась, глядя на принца, который с интересом и без страха слушал наши планы.

— А Рейнальд маг?

— Нет, почему вы спрашиваете?

— А вы сможете защитить принца заранее? Незаметно так?

Кенан кивнул.

— Вы хотите, чтобы Фрост и Грот увели людей Рейнальда, а самого бастарда заставить пойти за нами с принцем?

— Главное, чтобы он остался с нами наедине, заодно похитим пару свидетелей.

Покушения на подмесьша не было. Рейнальд уже прознал про замену настоящего принца. Как только нам доложили, что переодетые люди королевского бастарда начали рыскать по этажам в поисках настоящего принца, Фрост и Грот покинули покои. Они справятся с тем, чтобы увести людей Рейнальда подальше, я в этом уверена.

Сами мы с маленьким принцем пошли в зимний сад, где сейчас, во время бальных танцев, людей не должно быть слишком много. Я передала записку для Сессилии, чтобы та тихо привела в зал какую-нибудь наиболее уважаемую пару.

На одной из лестниц, мы с Кенаном разделились. Он пошёл с маленьким принцем по тайным ходам, а я, не слишком отсвечивая перед честным народом, должна была привлечь внимание Рейнальда.

Один из людей с подносом чуточку потерял над собой самообладание, выдав себя с потрохами. Он резко развернулся, чуть не опрокинув поднос с бокалами шампанского, и скрылся в бальном зале.

Отлично, значит, Рейнальд скоро появится.

В зимний сад я не торопилась, но как только краем глаза заметила бастарда со своим братцем, немного прибавила скорости, нарочито оглядываясь, притворяясь, что их не заметила.

Дело за малым.

Кенан и принц уже были в оранжерее, но одни. Сессилии с парой свидетелей я не заметила. Как и Фитха не заметил Кенана, схватив меня сзади, зажимая рот:

— Как тебе удастся постоянно сбегать, моя дорогая? — Гнусно прошептал он мне в ухо, слегка лизнув щеку языком.

Меня передёрнуло. Кенан чуть не ринулся в нашу сторону, но я взглядом его остановила.

— Где настоящий принц? — Рейнальд не был таким обходительным, достал кинжал, уперев острием к моей шее.

Где принц, где принц... Где Сессилия, вот, что интересно!

Я почувствовала острую боль в шее, а после, как горячая кровь полилась из свежей раны. Нет, горло он мне не перерезал, но дал понять, что шутить со мной больше не намерен.

Сзади Кенана я увидела людей Фитхи, которые тихо приближались к нему и маленькому принцу.

Я громко замычала, заставляя Кенана обернуться.

Из-за того, что то и дело дёргала головой, порезалась о кинжал ещё сильнее.

— Ко мне! — Выкрикнула я, как только смогла говорить.

Кенан среагировал молниеносно, без лишних вопросов, безоговорочно мне доверяя.

Все произошло за считанные секунды: вот я стою в тисках Рейнальда и Фитха, вот Кенан оказывается с принцем возле меня. Сумку с болотной землей раскрыла быстрее, чем моргнул удивленный Рейнальд. Мои болота не надо просить дважды, они моментально разрослись посреди королевского дворца, втягивая нас в пучину.

На маленьком принце защита Кенана, с ним ничего не случится, а вот братьям не выбраться из этих топей.

Уже во второй раз я тонула в болоте, задыхаясь, сдавленная топиями. Во второй раз Тыковка резко выдернул меня на поверхность, а потом и Кенана с принцем. Он вытащил и Рейнальда с Фитхой, но как только понял, кто перед ним, презрительно фыркнул и вбил копытом обоих по пояс обратно в топи.

— Сука, — прошипел Рейнальд, с ненавистью глядя на меня, — я до тебя доберусь. И поверь, ты будешь молить о смерти.

— Ой ли! Ты то каким боком имеешь право распоряжаться жизнями других?

— Я — истинный наследник!

Бинго, он вконец потерял над собой контроль. Под провокационные вопросы Кенана, этот дурачок выдавал себя всё больше и больше. Тыковка не отходил от принца ни на шаг, защищая маленького лорда, как я и просила.

Души с интересом наблюдали за всем происходящим, то и дело кидая взгляды на маленького наследника, а потом на Кенана. И Макбул, кажется, видел их в ответ. Впервые их заметил кто-то кроме меня.

— Мы слышали достаточно, — послышался голос сзади.

Грязная, как и мы все, Сессилия стояла, довольно улыбаясь. Она всё же успела оказаться в зимнем саду вовремя, и привела не абы кого, а верховного судью и действующего десницу короля.

— Впечатлен вашим способом передвижения, леди Моэр, — кивнул мне судья, — но теперь прошу вывести нас отсюда. Лорд Макбул.

Кенан как Верховный Канцлер, выдвинул приговор двум сводным братьям. Естественно ещё будет расследование, но сейчас мы добились своего: убрали с дороги двух самых опасных людей королевства.

— Не самых опасных, — тихо проговорил Кенан, проходя мимо меня, — осталась ещё одна, с которой у меня предстоит серьёзный разговор.

Суды длились больше месяца. Под раздачу с «лёгкой» руки Кенана попали не только Рейнальд и Фитха, но ещё и череда их подельников и вовлеченных коррупционеров. Мы с герцогом виделись не часто в этот период, но каждый раз он заставлял раз за разом рассказывать меня о моём мире. Мне казалось, что у него вертится ещё какой-то вопрос, но он его ни разу так и не задал.

Все газеты пестрили скандальными заголовками. Даже королю не удалось спасти своего незаконнорождённого сына, он бы точно потерял корону.

Но знаете, кто был звездой главного скандала? А вот и нет! Не я! Даже про мой арест посреди зимнего бала все быстро забыли, а вот Сессилия...

Да-да, моя подруга разорвала помолвку с Макбулом, как они и договаривались, но

быстро объявила о новой. С Иварри! Безродный мужчина, глава детского приюта и герцогиня Лавариан! И плевать что раскрыли главный заговор. Знатная девушка и обычный мужчина! В государстве начались новые реформы? Да кому это интересно!?! Леди Лавариан решила стать независимой, отказалась от отцовских денег, приняв в наследство лишь скромное имение и всю себя посвятила сиротскому приюту! Скандал! Ну и Иварри.

На самом деле я была бесконечно рада за неё. Девушка была действительно счастлива, найдя того, кого полюбила всем сердцем. Иварри отвечал ей взаимностью со всей страстью, радуясь подарку судьбы. У детей теперь была не просто тёплая одежда, но ещё и самая красивая. А каждую пятницу Сессилия устраивала им праздник с танцами.

Меня кое-кто, не буду называть кто, заставил показать записи о всех моих делишках, заставив отказаться от всего, кроме охранного агентства и издательства с книжным магазином. Ну это нечестно! Мне понравилось совершать набеги, а сейчас стало как-то скучно.

По глазам Кенана видела, что он пересмотрит все канализационные пути. Под самым его носом я творила такое, а он и упустил. Ай-яй-яй.

Весь месяц помимо полностью легальных дел, я занималась похоронами. В кабинете Канрата и в архивах Макбула мне удалось найти множество дел о казнях, исчезновениях и убийствах на болотах. Видя этих приведений, находить и идентифицировать останки не составляло труда.

Под судебную косилку попал и мой отец. Он действительно совершил запретный ритуал. Именно он с помощью запрещённой магии убил первых двух мужей, приумножая семейное состояние.

Вот только к моему сожалению, Кенан сказал, что ни самой мачехи во дворце Арманд не оказалось, ни даже записей о ней в завещании и в семейных документах. Папашка вычеркнул её отовсюду, и куда-то спрятал. Вот только рассказать, куда, уже не сможет.

Жалкий трус повесился в своей камере за день до вынесения приговора. Его ждала казнь, но он даже понести честное наказание испугался.

Мачеху, как ни странно, помогла мне найти... леди Арманд. Настоящая.

Когда увидела её призрак впервые, даже испугалась. Я будто в зеркало смотрела. Вот только её глаза были в разы добрее и наивнее моих. И она была очень грустной.

Благодаря ей я узнала, что покойный папашка запер мою мачеху в дом, для душевнобольных. Когда я пришла, она смотрела в одну точку, растрёпаная и безучастная ко всему. Она сперва меня даже не узнала, но, когда её взгляд прояснился, расплакалась так горько, что расплакалась и я.

Моник, так её зовут, не сразу привыкла к жизни в Найран-Моэр, но мои ребята в купе с уже богатой Мойдой (Лала по праву наследника получил всё наследство Фитхи, а Кенан не стал выяснять, какие деньги были получены законным путём, а какие — нет) быстро растопили заледеневшее от страха и безысходности сердце мачехи. От нее отказались муж и сыновья, как здесь не спятить, в таком-то обществе.

Всё чаще на лице Моник стала появляться улыбка, всё чаще она дурачилась с нами по вечерам, забывая, что она, вообще-то, прожжённая аристократка до мозга костей. Она была счастлива с нами, я это видела, и я была счастлива, что она со мной.

— Да ну нахрен!

— Всё в порядке, леди Моэр? — Кенан и раньше бывал в секретном кабинете Канрата, но я всё равно удивилась его появлению.

Я знала, насколько он занят. Нам так и не удалось поговорить о нас за последние недели, и мы не договаривались о встрече. Я полагала, что нам удастся встретиться не раньше, чем через неделю.

Но как же я была рада его появлению! В груди разлилось такое тёплое чувство, что, казалось, вот-вот поглотит с головой.

— Я только что узнала, кто такой Тыковка, — я показала на раскрытую книгу.

— Духобор? — Кенан прошёлся глазами по рукописному тексту, — когда-то слышал о них. Но, если духоборы и существовали, то исчезли тысячи лет назад.

— Да нет же! Всё сходится! Духоборы появлялись в селениях во времена наибольших трагедий. В такие времена смертей было настолько много, что бедные души не могли найти дорогу с земной жизни. Духоборы скакали по ночам, унося десятки душ, а их грива развевалась тенью, откуда и появлялись эти скакуны!

Но всё равно Кенан смотрел на меня скептически.

— Я всё это время думала, что это у меня некий особый дар видеть души, но это всё из-за Тыковки. В первые разы, когда я их видела, Тыковка всегда был рядом. И Густав сказал, что они потом решили открыться передо мной. Единственный раз, когда души пришли без Тыковки, так это было у Фитхи, и после того, как я похоронила первые останки, даруя бедной женщине покой. И даже тогда это Тыковка заставил меня найти их и похоронить, Духоборам физически больно, когда они слышат плач потерянных душ!

— Как он вообще попал к тебе? — Кенан присел рядом, нежно взяв меня за руку.

— И это сходится! Духоборы уязвимы, когда они маленькие! От страшной боли они могут призвать душу, которые способны их спасти. Возможно, когда над Тыковкой жестоко издевались, он и призвал мою душу.

— Ты была при смерти там, в своём мире?

— Я не думаю, — это было так давно, что уже казалось нереальным, а была ли я при смерти? — Мы тогда расследовали серию убийств. Среди подозреваемых были курьеры из доставки, но и районы разные, и системы никакой не было, хотя...

Возможно ли, что, если бы я открыла дверь, то умерла бы? Наверное, да.

— Бли-и-ин, я истинного Духобора заставляла таскать контрабандное вино, — простонала я, закрывая глаза, — и хотела скормить ему Фитху.

— Серьезно? — Кенан рассмеялся.

— Ну да, это помогло бы, не находишь? — Улыбнулась я в ответ, замороженно глядя на его красивую улыбку.

— Ты, кстати, проиграла спор, — Кенана с видом довольного кота откинулся в кресле.

— Я никогда не проигрываю, — самонадеянно проговорила я, но Кенан довольно хмыкнул, — ну, почти никогда. Какой я спор проиграла?

— Я нашёл два одинаковых отпечатка пальцев, теперь ты должна выйти замуж, — сказал он с видом человека, только что выигравшего лотерею.

— Да ну, это невозможно... Ты специально искал одинаковые отпечатки пальцев?!

— Это ведь было твоим условием, не так ли?

— Такое говорят в шутку, да, но... Кенан, что-то случилось?

Он мгновенно стал серьёзным. Долго и пристально смотрел мне в глаза, а потом очень тихо, настолько, что пришлось напрячь слух, чтобы расслышать, проговорил:

— Я нашёл способ вернуть тебя домой.

Этой фразы я ожидала меньше всего. Одно дело хотеть вернуться, но не иметь

возможности, и совсем другое — найти дорогу домой, но... Хочу ли я возвращаться? Здесь же Тыковка. Подумать только, мы с великим Духобором пользовались одной мазью на двоих. А ещё я его пару раз шлёпала по крупной попе, когда приучала к туалету. А они ведь такие могущественные, мифические. Им даже поклонялись когда-то...

А ещё мальчики, я же им обещала!

И Кенан. Мужчина, который пробрался так глубоко под кожу и сжал моё сердце, что становилось даже больно.

— Кенан, я...

— Остайся здесь, — он сжал мои руки, — со мной, пожалуйста.

— Ты ведь понимаешь, что тебе придётся усыновить четверых детей с криминальным прошлым, если решишь жениться на владелице сети борделей?

Он счастливо рассмеялся, заключая меня в объятиях.

— И Тыковка съедает тонну рыбы в неделю, — продолжила я, отвечая на страстные поцелуи Кенана, — и елку ты поможешь мне наряжать без этих твоих нравоучений о бесполезности срезанного дерева в доме. И насчёт детей я не шутила.

— Усыновим, хоть целый приют, моя любовь...

Больше книг на сайте - Knigoed.net